Макс Барри
Честно предупреждаю: если возьмете эту книгу в руки, вы не сможете ее отложить, пока не дочитаете до последней страницы. Барри — настоящий мастер.
Сет Годин
ЧЕЛОВЕК-МАШИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чарльз Нейман — ученый. Он работает в корпорации «Лучшее будущее», чтобы сделать будущее лучше. Однажды он забыл на работе мобильный телефон. А найдя телефон, потерял ногу — несчастный случай, никто не виноват. Но Чарли не видит в этом трагедии: он всегда считал, что человеческое тело — на редкость неэффективный механизм, нуждающийся в улучшении. Воспользовавшись представившейся возможностью, он начинает его улучшать.

Лола Шенкс — протезист. Она неравнодушна к искусственным конечностям, и в Чарли она находит единомышленника, а то и больше, чем единомышленника. Другие считают его опасным психом. А кто-то видит в нем оружие.

Впервые на русском — роман выдающегося сатирика современности Макса Барри. Роман, экранизировать который готовится Даррен Аронофски, создатель таких культовых хитов, как «Пи» и «Реквием по мечте», «Фонтан», «Рестлер» и «Черный лебедь». «Человек-машина» — роман, при работе над которым Барри решился на уникальный эксперимент: по мере написания выкладывал главу за главой на специально открытом сайте — и обсуждал с благодарными читателями, учитывая их предложения при подготовке книги к публикации.

- Макс Барри
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 0
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Макс Барри
ЧЕЛОВЕК-МАШИНА

Честно предупреждаю: если возьмете эту книгу в руки, вы не сможете ее отложить, пока не дочитаете до последней страницы. Барри — настоящий мастер.

Сет Годин

Ладно, посвящается Минтеру

1

В детстве мне хотелось быть паровозом. Желание казалось вполне рядовым, хотя другие ребята больше любили играть с паровозами, чем притворяться ими. Им нравилось соединять рельсы так, чтобы паровозы не падали. Им нравилось наблюдать за тем, как паровозы проходят сквозь туннели. А я делал вид, будто мое тело — две сотни тонн безудержной стали. Воображал, что весь состою из клапанов, вентилей и гидравлических компрессоров.

— Ты о роботах? — спросил Джереми, мой закадычный приятель. — Хочешь, поиграем в роботов?

Но я имел в виду совершенно другое. У роботов квадратные глаза, резкие движения, обычно они желают уничтожить все живое. Вместо того чтобы заниматься каким-то одним порученным делом, они берутся за все подряд, и в результате толком не выходит ничего. Ширпотреб. Мне не нравились роботы, я считал их неправильными машинами.

Проснувшись, я потянулся за телефоном, но его не оказалось на месте. Я шарил по тумбочке между грудами бумажных книжек, которые больше не читаю, поскольку от электронных пути назад не бывает. Нет телефона. Тогда я сел, включил свет и сунулся под кровать: вдруг телефон как-то умудрился ночью упасть и хитро отскочить? Толком не пробудившись, сквозь пелену перед глазами я водил руками по ковру в надежде найти пропажу, истошно кашлял от поднятой пыли, но попыток не оставлял. «Может, меня обокрали?» — мелькнула мысль. Но я бы встрепенулся, вздумай кто утащить мой телефон. Подсознание бы не допустило.

Я пошел в кухню. Вернее, кухоньку. Квартирка тоже невелика. Зато чистенькая: я не готовил сам. Так что заметил бы телефон, однако — нет. Я заглянул в гостиную. Иногда я играл с телефоном, сидя на диване перед телевизором. Возможно, телефон завалился между подушками, лежит там тишком-молчком. Меня пробрала дрожь. Неудивительно — в голом-то виде… Шторы были раздвинуты, окно смотрело на улицу. А улица смотрела в окно. Снаружи то и дело прохаживались собачники, спешили в школу дети. Меня снова пробрала дрожь. Надо бы что-нибудь на себя накинуть, спальня — в двух шагах, но телефон мог прятаться еще ближе. Он мог быть совсем рядом! Прикрыв руками пах, я метнулся к дивану и разбросал подушки. Сердце екнуло: внизу поблескивал черный пластик. Всего лишь

пульт от телевизора. Я встал на колени и прощупал щель под диваном. Задницу щекотали первые лучи утреннего солнца. Надеюсь, за окном никого.

Кофейный столик был совершенно пуст, все пространство под ним оккупировали справочники, которых не касалась рука человека со времен появления «Гугла». Телефонная книга, например. Только подумайте, телефонная книга! Три миллиона вязанок из мертвых деревьев навалены стопкой, как памятник неэффективности бумаги в качестве носителя информации. Нет телефона. Я присел. Залаяла собака. Впервые в жизни я пожалел о том, что не имею стационарного аппарата. Можно было бы позвонить себе на мобильный. Я окинул взглядом верх телевизора. Пусто, но, может быть, забытый там телефон свалился назад из-за слабого подземного толчка? Пересекая комнату, я встретился взглядом с заоконной джоггершей. Лицо ее скривилось. Надеюсь, от усердия. За телевизором я обнаружил цивилизацию кабелеобразных. Нет телефона. На лавке в кухне его тоже не оказалось. Так же как и на прикроватной тумбочке, столе и в прочих ранее обследованных местах. У меня уже зубы стучали от холода. Я понятия не имел, какая сегодня будет погода. Возможно, пойдет дождь, повысится влажность — понятия не имел. Да, у меня был настольный компьютер, но он загружался целую вечность: больше минуты. Придется выбирать, что надеть, не обладая всей информацией. Безумие какое-то.

Я принял душ. Иногда для того, чтобы разрешить проблему, нужно перестать о ней думать. Отстраниться. Я стоял под струями воды, вспоминая свои действия прошлым вечером: работал допоздна; вернулся домой около двух; скорее всего, не ужинал, направился прямиком в спальню и там заснул, ни разу не прикоснувшись к телефону. Я понял: он остался в машине. Логично. Я выключил душ: с мылом или шампунем помыться не успел, но под струей стал чище процентов на восемьдесят. Сойдет. Препоясав чресла полотенцем и взяв из кухни ключи, я вышел из квартиры. Ступени ледяные. Я чуть было не потерял полотенце, пока открывал дверь в подземный гараж. Автомобиль стоял на шестой площадке, но я уже видел, что крепеж пуст. Тем не менее машина мне пискнула, разблокировалась, и я залез внутрь покопаться между сиденьями. Не могло быть такого, чтобы я доехал до дому, не сунув телефон в крепеж. Или могло. Иногда я оставлял его в кармане и вспоминал, что он там, когда, уже заглушив мотор, машинально тянулся к привычному месту на «торпеде». Да, случалось и такое. А прошлой ночью я был утомлен. Ничего удивительного. Телефон мог прятаться где угодно. Абсолютно где угодно.

Пока я всматривался сквозь лобовое стекло в бетонную стену, до меня наконец дошло: телефон остался на работе. Я выложил его из кармана: в четвертую лабораторию нельзя вносить электромагнитное оборудование. Он лежит на столе. Любой может взять. Нет. Вокруг — камеры. Никто не прикарманит мой телефон. Особенно если приеду пораньше. Я потянулся за телефоном, чтобы узнать, который час, и застонал. Все равно что зрения лишили. Тут же вставил ключ зажигания, но вспомнил, что одет лишь в полотенце. Я замешкался, потом вынул — вырвал — ключ, вылез из машины, поправил полотенце и устремился вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Я выехал из гаража, вцепившись в баранку так, что побелели костяшки. Солнце жарило сквозь лобовое стекло — глумилось над моим свитером. Слишком тепло оделся. А вот и точка, где надо решить, как ехать дальше: по проспекту или вокруг парка. В полном неведении о пробках. Прошло уже несколько часов, а я еще не читал новостей. Могла начаться война. Могло разразиться землетрясение. Впервые за несколько лет я включил радио, и оно забубнило о коврах по сниженным ценам, о несказанных преимуществах радиорекламы и о том, не хочу ли, мол, я выиграть тысячу долларов. Я изумленно покосился на магнитолу и выключил. Мне было плохо без телефона. И не то чтобы не хватало каких-то его конкретных функций — скорее свободы действий. Телефон много чего умел.

Проспект, естественно, стоял в пробке. И я вместе с ним. Обменял неведение на потерю времени. Свернув наконец в ученый квартал, я помчался мимо лабораторий и машинных цехов. Впереди над рекой возвышался восьмиэтажный комплекс корпорации «Лучшее будущее»: полдюжины соединенных друг с другом зданий, широкая лужайка при входе и колючая проволока повсюду. Под землей — еще много чего, но вам это знать ни к чему. На проходной я выронил пропуск, пришлось выйти из машины, поднять его с бетонки. Охранник вылез из будки; я отмахивался как мог, поскольку в беседах нуждался меньше всего.

— Доброе утро, сэр. — Он таки подошел.

— Вот она. — Я прокатал карточку, шлагбаум поднялся.

— Все в порядке?

— Да. Просто уронил.

Я попытался стянуть с себя свитер, и пропуск застрял в рукаве, снова выпал. К моменту, когда я выпутался, охранник уже протягивал его мне:

— Денек-то жаркий.

Я взглянул на него. Он вроде как намекал на ошибочный выбор одежды. А может, нет. Я открыл было рот, чтобы потребовать объяснений, но вовремя сообразил, что все это не имеет ровно никакого значения. Взял карточку, забрался обратно в машину и устремился в нутро «Лучшего будущего».

Я прокатал карточку еще дважды — у лифта и перед корпусом А. Прокатывание карточек — наше все. В «Лучшем будущем» без этого и в туалет не сходить. Однажды у сотрудницы карточка глюкнула, так ей пришлось просидеть в коридоре четыре часа. Притом что мимо за это время прошла масса людей, никто из них не имел права ее выпустить. В «Лучшем будущем» не было преступления страшнее, чем провести кого-либо по своей карточке. За такое увольняли. Той тетке помогли чем сумели: принесли еды и воды, пока служба безопасности проверяла ее биометрические данные.

Я миновал холл, который уже наполнялся молодежью в белых халатах и менеджерами постарше в костюмах и юбках. У главного лифта стояла темноволосая девушка. Из маркетинга или, может, из отдела кадров. Кнопка вызова уже горела, и я потянулся нажать ее снова, но замер на полпути — это же неразумно. А потом все равно нажал: хуже не будет. Делать-то всяко было нечего. Отступив назад, я заметил, что девушка уставилась на меня, и отвел глаза. Потом сообразил, что она улыбается, и повернулся к ней, но было поздно: она уже не смотрела. Я полез в карман за телефоном. Застонал.

— Застряли намертво, — отметила девушка.

— Да нет, я телефон потерял.

Та пришла в недоумение.

— Вот я и того… — Я смешался.

Повисла пауза.

— Они все на третьем, — отметила девушка.

Судя по табло, три кабины торчали на третьем подуровне, а четвертая обосновалась под ними.

— Вокруг полно инженеров — могли бы придумать, как разгрузить лифты. — Она улыбнулась. — Меня зовут Ребекка.

Я промычал что-то невнятное. Алгоритм работы лифтов был мне известен. При вызове он посылал все кабины в одну сторону, а потом отправлял их обратно. Считалось, что это эффективно. Однако альтернативой ему выступал самостоятельный выбор, который пассажир делал *до* посадки в кабину, благодаря чему планировщик принимал более адекватные решения. К несчастью, систему было легко одурачить: пассажиры считали, что лифт придет быстрее, если нажать все кнопки сразу. Может быть, дело

наладится, если пустые кабины развести, думал я. Или вообще придержать одну, чтобы получился разрыв. Поездка замедлится, но тем, кто явится позже, будет легче. Надо бы это обсчитать. Я открыл было рот, чтобы поделиться мыслями, но тут до меня дошло, что лифт уже прибыл и девушка входит внутрь. Я последовал за ней. Она прижала сумку к себе. Похоже, напряглась. Я мучительно соображал, что бы такое сказать, но в голову лезли только ее же слова: «Застряли намертво». Не взглянув на меня, девушка вышла на этаже, где ведали организационными коммуникациями.

Я человек не компанейский. Низшие баллы по социальной шкале. Моя прежняя начальница говорила, что никогда не видела нуля по шкале межличностной эмпатии. А она работала с инженерами. На вечеринки меня не зовут. Когда наступает обед и я сажусь с сослуживцами, мои соседи справа и слева переговариваются через меня. Во мне есть что-то отталкивающее. Нет, не отвратное. Как в магнитах: чем теснее соприкасаются люди — одноименные полюса, тем сильнее им хочется разделиться.

Я парень с головой. Я сортирую мусор, прежде чем выкинуть. Однажды я подобрал потерявшуюся кошку и отнес в приют. Умею и сострить. Если машина барахлит, я могу определить неисправность по звуку. Я люблю детей, кроме тех, которые грубят взрослым, а родители знай улыбаются. У меня есть работа. Квартира — моя собственная. Я редко вру. Я постоянно слышу, что люди ценят именно такие качества. Остается лишь думать, что существует что-то еще, о чем не говорят, поскольку друзей у меня нет, от семьи я отдалился и все последние десять лет оставался без подруги. В отделе лабораторного контроля есть тип, который сбил женщину насмерть, — так его приглашают на вечеринки. Не понимаю.

Я прокатал карточку на доступ в Стеклянный кабинет. Так эту комнату прозвали мы потому, что из нее просматривалось несколько прилегающих лабораторий, хотя ее стены сделаны из зеленоватого поликарбонатного пластика. Когда-то они и вправду были стеклянными: до происшествия с разлившимися из пробирки микробами — военная разработка — и запаниковавшими лаборантами, вооруженными офисными стульями. Я слышал две версии случившегося. По одной, микробы были вполне безобидны, но послужили предупреждением всем заинтересованным лицам. По другой, два человека погибли до того, как опечатали зону, и еще шестеро — после, когда в

лабораторию пустили газ. Это случилось до меня, и я не знаю, где правда. Стены из пластика — вот все, что мне известно наверняка.

Едва открылась дверь, я увидел, что телефона на столе нет. На всякий случай порылся в бумагах, прошерстил ящики, встал на колени и осмотрел пол, прошелся по комнате, проверил остальные столы, затем снова — более тщательно — осмотрел все горизонтальные поверхности. После чего откинулся в кресле и прикрыл глаза. Я ухватился за одну версию, толком не рассмотрев другие. Трудно, что ли, было еще раз обыскать квартиру? Может, телефон спрятался между книгами на прикроватной тумбочке? Я осмотрел ее довольно тщательно, но чем черт не шутит. Я открыл глаза и вертанулся на кресле, оглядывая комнату сверху донизу. Ничего. Ничего. Тут в голову пришла новая мысль, я поднял трубку рабочего аппарата, чтобы позвонить на мобильный, но рука бессильно зависла над клавишами: я не помнил номера. Он был записан в самом телефоне. Все там записано. Так я и сидел, не зная, что делать дальше.

Пришли мои лаборанты. У меня их было трое: Джейсон, Илейн и Кэтрин. Кэтрин — та, которая не китаянка. Предполагалось, что я их чему-то научу в ходе работы, но я понятия не имел чему. Обманул их ожидания. Они ухитрились пробиться в передовую исследовательскую лабораторию — предмет вожделения многих, и тут их наставником оказался я.

Лаборанты надели белые халаты и выжидающе замерли. Илейн взглянула на Кэтрин, та закатила глаза, а Илейн вскинула брови, как будто сказала: «Знаю». И все это у меня на виду. Мне бы окоротить их, но глупо же требовать — хватит, мол, строить бровки домиком. Они, наверное, все понимали. С Джейсоном таких проблем не было: он говорил то, что думал, если его спрашивали напрямую.

— Мы сегодня начнем или нет? — спросила Илейн.

— Начнем — что?

Очередной взгляд на Кэтрин. Илейн указала на стекло. Вернее, на пластик. На лабораторию за ним.

— Испытывать образцы, что еще.

Мы облучали радиацией легкий углеродный полимер. Задачей было проверить, не расплавится ли он. Мы сделали три попытки — расплавился. Наблюдать было интересно, но с профессиональной точки зрения — огорчительно. Очевидно, он расплавится снова. Совершенно не то, чем хочется заниматься, потеряв телефон: смотреть, как плавится полимер. Но я встал и

надел халат; в конце концов, это моя работа.

Джейсон достал полимер, а я прокатал карточку в четвертую лабораторию и запустил Тиски. Они представляли собой пару стальных пластин на гидравлике: отлично держат образцы и не плавятся. Оставшуюся часть помещения занимали спектрограф, небольшой ускоритель и разное вспомогательное оборудование; все было соединено кабелями толщиной с человеческую руку. Пока я возился с джойстиком, устанавливая Тиски в нужное положение, мне было видно, как бродили по Стеклянному кабинету Илейн и Кэтрин, зеленоватые и размытые. А вдруг они видели мой телефон? Надо было спросить. Но отвлекаться не следовало, так как Тиски пришли в движение, а эта штуковина до того тяжелая, что может ушибить даже при скорости десять сантиметров в секунду. Однажды она зацепила мне бедро — синяк сходил три недели. Сам виноват. В оборудование встроена защита от дурака, но лучшая гарантия — мозги. Предполагалось, что у любого, кто попадает в эту комнату, их достаточно, чтобы держаться подальше от раскаленных предметов, острых предметов и предметов с высокой инерцией. Мы не какие-нибудь пролетарии с фабрики.

Я установил Тиски и надавил резиновую кнопку, чтобы сдвинуть пластины теснее. Включился ревун. Замигал оранжевым светом маячок. Обычное дело. Я больше не обращал внимания. От нечего делать я вспомнил о девушке в лифте. Надо было рассказать ей об алгоритмах. Может, ее бы заинтересовало. Возможно, она бы сказала: «Подумать только!» — а потом, когда мы доехали бы до ее этажа, надо было придержать дверь, чтобы та не закрылась.

Тут я заметил телефон. Я столько раз мысленно представлял его за утро, что в первую секунду усомнился в его реальности. Однако вот он — на спектрографе. На самом видном месте. Я заработался допоздна, полез в карман за ручкой и обнаружил, что телефон все еще при мне, а это строжайше запрещено. Но сейчас уже не важно, ибо вот он, передо мной. Я потянулся к нему, почти уже схватил, когда задел бедром за металл. Посмотрел вниз: я вошел в Тиски. Меня касались пластины. И они были ближе, чем я предполагал. Надо было нажать «стоп» несколько секунд назад. Тут я словно впервые услышал ревун, заметил мигающий маячок и попятился. Серьезной опасности не возникло. Пластины двигались слишком медленно. Впрочем, это впечатление было обманчивым. Щель между ними истончалась линейно, но в относительном смысле — все быстрее. Мои бедра уже оказались зажаты. Я повернулся боком и заерзал. Левый ботинок застрял. Я

высвободил его, но моментально застрял правый. Я не учел обратную связь: пластины все сильнее мешали движению. Я пожадничал с допуском на ошибку. Рванувшись что было сил, я упал лицом на пол. Освободил одну ногу, но правый ботинок увяз намертво. Сверху, разинув рот, смотрели сквозь зеленое стекло Илейн и Кэтрин. Между ними и мною лежал нетронутым телефон.

Я ощутил невыносимое давление. Кишки чуть не полезли из ушей. Звука я не услышал: все заглушал ревун. Зато увидел, как брызнула кровь. В оранжевом свете она казалась черной.

При включенных Тисках двери в лабораторию автоматически блокировались. Пришлось разорвать рубашку на лоскутки, чтобы остановить кровотечение и доползти до приборной доски. Скажу честно: крику было много. Я наконец дотянулся до кнопки. Ревун умолк. Маячок погас. Я закрыл глаза. Хотелось проблеваться, или отключиться, или сначала одно, потом другое. Дверь открылась, вбежал Джейсон, причитая: «Ойбля, ойбля». Я пал духом, так как сомнений больше не оставалось.

2

Вокруг меня материализовалась комната. Произошло это не сразу. Постепенно окружающая пустота обрела форму. Не поймите меня буквально — однако под препаратами пригрезилось именно так. Потребовалось время, чтобы я уверился: выбеленные простыни, бежевые стены и мебель на колесиках не растворятся вновь, а я, истекающий кровью, не вернусь в четвертую лабораторию.

Пришла хирург — женщина с темными вьющимися волосами и нетерпением в глазах. Вообще мне в людях нравится нетерпеливость. Такие оперативны. Но в голове у меня жужжали пчелы, а она говорила слишком быстро, чтобы угнаться за смыслом.

— Санация прошла прекрасно. При травмах часто остается много костных осколков и поврежденной ткани, но ваша была на удивление чиста. Пришлось укоротить бедро на шесть дюймов, но это мелочи. Кость почти не пришлось обтачивать. Я сделала лоскутную ампутацию и плотно зашила кожу — большая редкость при травмах. Обычно мы оставляем рану открытой, чтобы легче было иссекать инфицированную плоть. Но, как я сказала, поле было очень чистое.

— Что за поле? — выдавил я.

Вряд ли я толком понимал, о чем спрашиваю. Я просто не хотел, чтобы она тараторила.

Хирургесса уткнулась в планшет с зажимом. На бедже было написано: «Доктор Анжелика Остин». Знакомое имя. Может быть, она уже навещала меня раньше, когда я хуже соображал.

— Дозу обезболивающих можно снизить. — Она перевернула страницу.

Эта ее идея мне совсем не понравилась. Я попытался сесть. Увидел ногу. Бедро у меня было. В чулке. Из-под бинтов торчало три или четыре трубки, тянувшиеся к висячим пластиковым пакетам. Между трубок проглядывало нечто розовато-черное, блестящее, ничуть не похожее на кожу, но это была она. Меня укоротили. Вот в чем ужас. Дело было не столько в самой культе. Культя, конечно, не радовала. Но ужасало — отсутствие. Пустое место. Осталась лишь половина бедра. Колено исчезло. И голень. Ступни тоже не было. Я лишился целой ноги. Бывало, пинал ею что ни попадя, и вот ее не стало. Такие дела.

— Вы… — начала Анжелика Остин. — Мы обсудили культю вчера. Я вам показывала.

— Не помню.

Доктор Остин писала что-то в планшете. Снижала дозу. Не успел я воспротивиться, как она положила руку мне на плечо. Оба мы испытывали неловкость.

— Вернусь, когда вы отдохнете. Сейчас самый тяжелый период, мистер Нейман. Потом лучше пойдет.

В палате были окна. Я видел парковую дорожку, целиком. В сумерках пламенели огнями небоскребы. Очень тихое место эта больница. Казалось, что я тут один.

Нянек у меня было четыре: Кейти, Челси, Вероника и Майк. Именно Майк меня мыл. Мне это казалось несправедливым. Я прошел через ад, а меня моет мужчина. Не самая большая беда. Всего лишь новое разочарование. Нянька Майк держался дружески. Я ничего не имел против няньки Майка. Он научил меня снимать бинты, не выдергивая дренажных трубок, — однажды я выдернул и больше не хотел. Он научил меня крепить бинты так, чтобы они не разматывались ночью. Их приходилось менять через каждые четыре часа. Они промокали еще до того, как сестры успевали подсчитать, сколько вытекло из трубок. Это настораживало. Отключи меня от капельницы, я высох бы до пустой шкурки. Задачка для школьников. *Дано: Чарльз Нейман — человеческое существо объемом 80 литров — выделяет телесные жидкости со скоростью 0,5 литра в минуту. Как часто придется менять емкости с физраствором, объем которых 400 мл?* Мне хотелось быть посложнее.

Медсестры изучили мою культю вдоль и поперек. При каждом удобном случае они откидывали простыню и трогали плоть. «Классно выглядит», — восхищались они. Особенно Вероника. Любовь Вероники к обрубку не имела границ. Она и улыбалась, и раздвигала шторы, и меняла пакеты, и утверждала, что я моргнуть не успею, как пойду на танцульки. Я понимал, к чему все это. Они учили меня не стыдиться себя. Хорошая больница. Но мне все равно было стыдно.

Вскоре явился специалист по лечебной физкультуре. Я ощутил себя в школьном спортзале. Загорелый, подтянутый, доктор был одет в больничную рубашку поло — такую тесную, что на бицепсах натягивались швы. Под одним он пристроил планшет. Недоставало только свистка.

— Чарльз Нейман! — Он остановился возле койки и скрестил руки. Я смотрел телевизор и чувствовал себя виноватым. — Как лучше? Чарльз? Чарли? Чак?

— Чарльз.

— Меня зовут Дейв. — Он откатил стойку с пакетами для капельницы. — Я подниму вас с этого ложа.

Я взглянул на мою постель. Теплые простыни. Журналы в ногах. В ноге. Рядом телефон. Я не видел в кровати никакого изъяна.

Глаза Дейва сияли. Я мог поспорить, что он пил много фруктовых соков. Он вселял в меня апатию.

— Мы с вами плотно поработаем, Чарльз. Должен предупредить: иногда я вас буду отчаянно раздражать.

Он придвинул стул. Стоял возле него и ухмылялся. Я посмотрел на стул. Посмотрел на Дейва.

— Зачем это?

— Садитесь на него.

С моей точки зрения, стул находился слишком далеко. Он был на метр ниже кровати. А вдруг я упаду? Дейв ждал. Он был готов улыбаться вечно. Я переложил телефон на прикроватный столик и закрыл журналы. Отбросил простыню. Потянулся проверить бинты и трубки.

— Не трогайте ничего. Просто садитесь задницей на стул.

«Просто садитесь задницей на стул», — повторил я мысленно. Но сдвинулся чуть вперед. Культя проехалась по простыне. Ничего страшного. Но и приятного мало. Щекотно. Мне хотелось пить. Я оглянулся в поисках стакана воды.

— Ну же, Чарльз.

Я вцепился в край постели и перекинул через него здоровую ногу. Потом культю. Я чуть не расплакался от этой жалкой подвижки. Душераздирающе. Когда-то, стоило приказать, я выписывал кренделя полноценными конечности. Теперь же — вот.

— Еще чуть-чуть.

Я соскользнул с кровати и упал на стул. Удар аукнулся в культе, все нервы в ней отозвались хором. Хирург Анжелика Остин свернула их внутри меня; медсестра рассказала. Они очутились там, где никогда не бывали, и ныне дивились происходящему. Из глаз потекло.

— Да! Молодчина! Здорово! — Дейв опустился на корточки и потрепал меня по руке. — У вас получилось!

Он радовался, будто мы были друзьями. Но мы ими не были. Никак нет.

На следующий день Дейв объявился в стальном инвалидном кресле. Это было блестяще. Я имею в виду кресло. Колеса сверкали. Сиденье, спинка и подлокотники — из зеленой кожи. Припарковавшись возле кровати, Дейв слез.

— Йо-хо-хо, Сильвер![1]

— Что?

— Время седлать вашего жеребца, милорд. — Дейв шлепнул по креслу. — Будет классно.

Ничего классного не будет. Мы оба это знали. Так села бы в кресло мокрая рыбина — в мучениях и тряске. И что потом? Может быть, Дейв прокатит меня по больнице. Может, заставит рулить самого. В любом случае будет тяжко и унизительно. Я прикусил губу, потому что не умел ругаться.

— Давайте приступим, — сказал Дейв.

— Вот только дочитаю. — Я показал ему телефон.

Дейв выхватил его и отложил на прикроватный столик. Я не стал возражать, ибо не верил своим глазам. Дейв не понимал интимной сути телефона. Ему и не въехать.

— В седло.

Дейв старался разозлить меня, чтобы я доказывал его неправоту. Он видел, что вызов действует. Он будет безжалостно меня жалить, а при выписке скажет, что всегда в меня верил.

— Давай, бугаина. — Он барабанил по креслу. — Порвем их всех!

Так они себя оправдывали. Школьные физруки. Личные тренеры. Машинисты. Смотрели на вас свысока, презирали, это считалось в порядке вещей, потому что для вашей пользы.

— Не заставляйте меня вмешиваться, — посоветовал Дейв. — Ха-ха.

Мне снилось, что я вернулся в «Лучшее будущее», ищу ногу и никак не могу найти. Скакал по всей лаборатории. И тут увидел ее на спектрографе. Я испытал глубокое облегчение, так как теперь мог приладить ее на место, потом проснулся и понял, что — нет, не выйдет.

— Вдыхайте! — командовал Дейв. — Ме-е-едленно. Почувствуйте, как расширяется грудная клетка. Задержите дыхание. Задержите. Теперь выдыхайте.

Я выдохнул. Солнце выглянуло из-за тучи. Я сощурился и поерзал в кресле-каталке. Мы выехали наружу. Меня это не радовало.

— Еще три раза. Я хочу, чтобы вы расслабились, Чарльз. Вдыхайте.

— Мне жарко.

— Нет, не жарко.

Мимо шли сотрудники больницы, входили в вестибюль. Дейв втянул в себя воздух.

— Еще три раза.

— Не помогает.

— Не помогает потому, что вы не даете помочь.

— Не поэтому. У меня нет ноги. Дыханием тут не поможешь. Оно вообще ничему не поможет.

В глазах Дейва не было ни тени сочувствия.

— Жалеете себя?

Дейв носил шорты. Я старался не обращать внимания, но он их носил. Напялил их на стройные загорелые ноги, которые торчали из штанин и продолжались в носки и кроссовки, — наверное, малость некрасиво перед человеком в инвалидном кресле с распухшей, безобразной, зудящей культей? Я не хотел быть таким. Злобным калекой. Но я был калекой, а злили меня ноги Дейва.

— Всего лишь новая глава, дружище, — уговаривал Дейв. — Новая глава в жизни, ждущая написания.

— Никакая не глава. Потеря. Деградация.

— Все зависит от точки зрения.

— Нет. Это легко подтвердить объективно. Меня стало меньше.

Дейв присел на корточки. Положил руку на мое левое колесо:

— Расскажу вам о парне, который попал сюда лет пять назад. Производственная травма вроде вашей. Он потерял обе ноги. Правую — до основания. До этого катался на водных лыжах. Профессионально. Но в день, когда он покинул операционную, этот парень сказал себе: «Моя старая жизнь позади. Сейчас начинается новая». Я предложил ему написать новую главу, и он написал. Знаете, чем он сейчас занимается?

Я спихнул руку Дейва с колеса, схватился за ободы и устремился прочь. Люди сторонились, освобождая мне путь, — неистовый революционный порыв.

— Он завоевывает медали! — кричал Дейв. — На Параолимпийских играх!

Проснувшись от послеобеденного сна, я обнаружил женщину, сидевшую на стуле возле кровати. Стула тут раньше не было. Она принесла его с собой. У нее был большой черный кейс вроде портфеля. Она была изящна, корпоративной наружности. Симметричные скулы выдавались вперед. Блондинка.

— Привет. — Ее губы сочувственно дрогнули. — Как ваши дела?

— Не понял.

— Меня зовут Кассандра Котри. Я из компании. — Она чуть наклонила голову. — Нам не хватает вас, Чарли. Надеюсь, за вами хорошо ухаживают. Да? Для меня ваше удобство превыше

всего.

— Гм, — откликнулся я.

— Отлично. — Она улыбнулась.

Слишком симпатичная, чтобы так долго смотреть мне в глаза. Мне было неловко, словно меня приняли за другого. Она вручила мне визитку. Там было написано: «КАССАНДРА КОТРИ. Кризис-менеджер».

— Я сам виноват, — сказал я. — В несчастном случае.

— Не могли бы вы подписать соответствующий документ? — Она расстегнула портфель и протянула мне бумагу, оказавшуюся заявлением от моего имени. — Извините. Это прозвучит грубо. Но дело в том, что… да, вы сами сказали, это ваша вина. — Она сняла колпачок с ручки и протянула ее мне.

Я задумался: не нанять ли адвоката? Ситуация казалась подходящей. Но в заявлении все было правдой. Подтянув оставшееся колено, я положил на него бумагу и подписал.

— Спасибо. — (Лист исчез в портфеле.) — Ценю вашу порядочность. Давайте теперь о вас. О том, что вам нужно, чтобы снова встать на ноги. — Улыбка поблекла. — Извините.

— Ничего страшного.

— Просто вырвалось.

— Нужно… — Я пожал плечами.

— Пандус. Отпуск. Это можно устроить. Такая у нас компания.

— Хорошо.

— Вас точно все устраивает? Никаких пожеланий?

— Нет, — промямлил я. — Впрочем, мне не нравится мой врач-физкультурник.

Больше я Дейва не видел. В тот день пришла сестра Вероника, она стала возиться с цветами у моей кровати:

— Не желаете ли… Чем бы вы хотели сегодня заняться, Чарли?

— Остаться здесь.

— В постели?

— Да.

— Ладно, — согласилась она.

Я не вставал два дня. Не считая поездок в туалет. Ради них приходилось покинуть ложе: перевалить себя в кресло-каталку, проехаться по кафелю и взобраться на унитаз. В другое время не оставалось ничего, кроме как изучать культю. Чулок сняли, трубки тоже. Я больше не промокал. Остались только розовая кожа и черные швы. Я не любил ходить в туалет, потому что

культя мне не нравилась.

Зато в постели все было отлично. У меня был телефон. У меня был вай-фай. Я залогинился в рабочий аккаунт и писал заметки. Я скачивал фильмы. Я пристрастился к играм. Нельзя сказать, что я был счастлив. То и дело я тянулся почесать правую ногу и вспоминал, что ее больше нет. Или слишком легко переворачивался. Но я понимал, что это еще не конец всему.

Вернулась Анжелика Остин. Прошла неделя. Я лежал с закрытыми глазами, пока она осматривала зону бедствия.

— Прекрасно. — Она запахнула простыню. — О лучшем я и мечтать не могла.

Я промолчал. Я не хотел обидеть Анжелику Остин. Но мне было трудно поверить, что этим уместно гордиться. Возможно, я был несправедлив: она работала с живой тканью, тогда как я — с искусственными металлами. Но я бы расстроился, если бы произвел что-то настолько же безобразное.

— Ампутированную конечность чувствуете?

— Как это?

— У многих пациентов бывают фантомные ощущения.

— Ах вот что, — ответил я. — Нет.

Я слышал о фантомных болях, но не ожидал таких слов от врача. Мне казалось, что это явление сродни призракам и ауре.

— Их незачем стесняться.

— Ничего подобного не было.

Доктор Анжелика внимательно изучала меня.

— Я чувствую, что там что-то есть. Оно чешется.

— Болит?

— Да. Болит. — Я ждал, что доктор Анжелика возьмется за планшет, чтобы назначить обезболивающее. Она этого не сделала. — Сильно болит.

— Это потому, что вы ею не двигаете. Я слышала, что вы отказались от лечебной физкультуры.

— Да.

— Она необходима для выздоровления. Почему вы отказались?

— Мне не нравился Дейв.

— Он вам не нравиться приходил. Вы просто должны были его слушаться.

Доктор Анжелика нахмурилась. В ушах у нее были блестящие серьги. Немного экстравагантно для женщины, в иных отношениях строгой. В операционной их приходится снимать. Нельзя, чтобы мелкие бриллианты упали, скажем, в грудную полость. Мешают работать — получалось, что доктор Анжелика

больше заботилась о собственной внешности, чем о деле. Наверное, я снова несправедлив. Может быть, у нее сегодня не было операций.

— Пора вам пообщаться с протезистом.

— Протезистом?

На секунду мне почудилось, что она помянула проститутку.

— Да, прекрасная женщина.

Доктор Анжелика смотрела на меня так, словно я должен был радоваться тому, что ко мне вообще пожалует протезист. Мне показалось, она думает, что я и вовсе не заслуживал ее трудов.

— Не нужен мне протезист. — Я уже прикинул, что это будет: очередной урок физкультуры. Мучения на деревянных брусьях, попытки сдружить части тела. — Мне хватит стула. На работе я целый день сижу. И дома сижу. Я не занимаюсь спортом.

— А машину вы водите? Ступеньки в вашем доме есть? На эскалатор заходите? Сколько раз в день встаете на ноги?

Я молчал.

— От вас еще будет толк, — чеканила доктор Анжелика. — Вы целы. У вас небольшой дефект, и вы с ним справитесь.

Ребенком я часто болел. Думаю, в этом нет ничего удивительного. Я был из тех, кто все лето проводит дома, прячась за шторами от гомона уличной детворы. Инфекционный мононуклеоз. Дальше — легочное осложнение. Вернувшись в школу, я вручил учителю справку, дозволявшую мне посещать библиотеку взамен физкультуры. Он требовал документ всякий раз, хотя там было написано: «в течение года». Он ждал, когда я созрею для физкультуры и забуду про справку. Этого не произошло. В библиотеке я читал о паровозах, ДНК и строительстве дамбы Гувера. По дороге домой я наблюдал, как опускается шлагбаум на железнодорожном переезде. Я знал, что происходит это потому, что колеса приближающегося поезда изменяют индуктивность путей ниже заданного уровня.

В итоге я подавал мяч, как четырехлетка, а ловить и вовсе не умел. При беге я взмахивал руками и ногами, как будто тонул. Если меня заставляли играть в бейсбол, я лупил по мячу в надежде, но без веры в успех и не удивлялся. Для футболистов я был пустым местом, они проводили мяч сквозь меня.

С возрастом дела начали меняться. Нет, я не стал лучше. Мне было просто наплевать. К выпускному большинство ребят, которые здорово бегали, прыгали и метали мячи, словно снаряды, отсеялись. Быть умным стало круто. Девчонки с учебниками под мышкой пока еще не просили меня помочь с уроками, но все к этому шло. Вероятность такого события повышалась. Я поступил в

МТИ,[2] на факультете механики спорт никого не интересовал. Курс по теории волн посещала девушка по имени Дженни, так вот она, пока я читал доклад по гидродинамике, кивала и улыбалась. Целую неделю я гадал, как бы пригласить ее на свидание. А потом, зайдя в аудиторию, увидел, как она совсем иным взглядом взирала на м***о***лодца, который футболил пакет, и понял, что ничего не изменилось.

Протезистка вошла, подобно индийской богине, с кучей искусственных ног под мышками. Она свалила их мне на постель и вожделенно вытаращилась на меня сквозь очки. Ее каштановые мягкие волосы были безжалостно стянуты в хвостик. Блузка была белоснежная и пышная.

— Привет! Мне сказали, у вас трансфеморальная.[3] — Прежде чем я ответил, она подняла простыню. — Ого! Не обманули. Культя чистая. — Она закатала простыню мне до пояса и уперлась локтями в постель, чтобы рассмотреть вблизи. — Механическая травма?

— Тиски.

— Что ж, вы сорвали джекпот. Поздравляю.

Я уставился на нее. Она не первая сочла мою ампутацию идеальной. Но была первой, кому я поверил.

— Если подумываете махнуть и вторую, советую тот же метод. Я серьезно.

— В смысле?

— Шучу. — Она присела, но руку оставила близ культи. — Вы Чарли, да? Скажу вам откровенно, Чарли. Мне нравятся трансфеморалы. Я повидала много транстибиалов,[4] но — не в обиду им будет сказано — с ними как ботинки подбирать. Ни тени искусства. А это… — она похлопала меня по культе; я взвился, — чистый лист. Есть из чего выбирать. Хотите взглянуть на ноги? — Она отвернулась и принялась рыться в конечностях. Непослушная прядь выбилась на лицо, и она заткнула ее за ухо, словно хотела проучить. — Итак, посмотрим, что у нас есть.

Она что-то выбрала. Палку. С резиновым наконечником. Как нижняя часть костыля. Венчало ее телесного цвета гнездо с полотняными ремнями.

— Начальный уровень. Я просто показываю, что вышло из моды. Эй, эй!

Мой взгляд метнулся к ней.

— Я вам этот ужас не предлагаю. Экономвариант. Но ваш патрон, насколько я знаю, оплачивает лучшее — иначе пришлось бы довольствоваться этим. — Она положила ногу-палку на пол так, чтобы мне не было видно. — Забудем о ней. Стоп. Я

представилась? Меня зовут Лола Шенкс.

Это я уже прочел на беджике, пришпиленном к ее вздымавшейся блузке. На фото она скривилась перед камерой. Я на ее месте попросил бы переснять.

— Давайте покажу вам кое-что еще.

Вниз от лодыжки устройство напоминало настоящую ногу. Ту, что скончалась несколько дней назад. Пальцы плоские и сточенные. Алюминиевая икра. Колено — металлический шарнир. Поверх всего этого — снова гнездо.

— На эту можно надеть ботинок. По лицу вижу, что вам не нравится, но представьте ее под штаниной. Толстая в этом месте? Так будет натуральнее. Когда привыкнете, никто не заметит разницы. Пока не снимете штаны, — улыбнулась она. Очаровательно молода. Сколько нужно учиться на протезиста? Очевидно, недолго. — Что скажете?

— Как она работает?

— Вот гнездо. Девяносто процентов успеха в том, насколько вы ему подойдете. — (Я обратил внимание на выбор слов: она не сказала «насколько оно подойдет вам») — Засунем культю в чулок, вставим в гнездо через это маленькое отверстие в днище и закрепим ремнями. Но это, конечно, не идеальный вариант. Когда спадет опухоль, мы снимем слепок с вашей ноги и сделаем гнездо на заказ.

— И как в нем ходить?

— Придется взмахивать при каждом шаге. Нужно немного потренироваться.

— Взмахивать?

— Да. Она на шарнире. Какое-то время стопа будет выскакивать вперед. Спускаться по крутому склону будет трудно. Все будет трудно. Что бы вы ни носили, Чарли, придется нелегко.

Я посмотрел на груду ног:

— А еще что-нибудь есть?

Из-за спины Лолы торчало нечто серебристо-черное. Выглядело занятно.

— Испортили всю интригу, — улыбнулась она. — Я наращивала напряжение, пока мы не дошли до топовой модели. Но позвольте предупредить: вы не будете выглядеть естественно. Тут мы жертвуем наружностью ради функции.

— Мне нет дела до естественности.

— Правда? — Лола на миг задохнулась. — Ну и отлично. Я думаю так же. Настоящая красота проистекает из функциональности. Вещи красивы, когда работают. Например, зубы. Ровные и белые нравятся нам не просто так. Такими удобно кусать. А этой ногой удобно ходить.

То, что она вытянула из-за спины, мало походило на ногу. Скорее — на некий механизм. Ступня представляла собой два гнутых штыря, чуть ли не лыжи. Из гидравлической лодыжки вырастали два одинаковых черных стержня, скрывавшиеся в алюминиевом колене. Там, судя по батарейному отсеку, находился микропроцессор.

— Производство фирмы «Экзегезис архион» с адаптивным компьютерным коленом. Вращение по многим осям, полицентричный мах. Подошва из углеродного полимера. Запрещен на Олимпийских играх, так как дает искусственное преимущество перед живыми ногами. Слишком большая энергоотдача. Колено программируемое. Мы приучим его к вашей походке. Оно рассчитывает ходьбу. Вам не придется думать, куда и как поставить ногу, вы просто пойдете.

Я взял протез и повертел. Нога была легкой. Интересный дизайн. Ничего сверхъестественного. Наверху — люлька, очередное прозрачное пластиковое гнездо. В поисках новшеств я заглянул внутрь, но ничего не нашел.

— Не вижу энтузиазма, — сказала Лола.

— Это действительно лучшее?

— Это… если честно, Чарли, вещь исключительная.

— Новая разработка?

— Последний писк, — ухмыльнулась Лола.

Я понял, что она пошутила. Медики склонны к черному юмору. По их мнению, шутка — дрянь, если не фигурируют реки крови и осквернённые трупы.

— Нет. Я серьезно, — сказала она. — Это лучшее.

— Ладно. — Я вернул ногу.

— Эта нога не из мяса. У меня нет настоящей. Но когда вы привыкнете к протезу, он станет не хуже.

— Хорошо.

Она собрала протезы. Я переполз обратно в постель. Я ничего не имел против самой Лолы Шенкс. Просто у нее не было того, чего я хотел.

Ночью я проснулся оттого, что теребил швы, ковырялся в них ногтями. Я сел и включил свет в ожидании худшего. Однако с виду все было цело. Выступила прозрачная капля. Я промокнул ее влажной салфеткой из тумбочки, выключил свет и улегся. Но заснул не сразу, так как расстроился всерьез.

Я находился в помещении с двумя деревянными брусьями. За них, надо было держаться. Три метра в длину, метр между ними, оба на уровне пояса. Кроме них, в комнате ничего не было, за

исключением нескольких стульев, стола и растения в горшке. Здесь полагалось двигаться.

Лола Шенкс припарковала меня возле пластикового стула, положила на пол ногу компании «Экзегезис» и закатала мои пижамные штаны. Мне были не по душе эти брусья.

— А вы не очень разговорчивы. — Она пришпилила штаны, превратив их в подобие шорт. — Это плохо.

Одиннадцать лет не носил шорт. Из меня снова лепили кого-то, кем я быть не хотел.

— Почему плохо?

— Вам нужно общение. — Она натянула на культю чулок. — Не всем захочется с вами разговаривать. Люди будут бояться ляпнуть что-то не то. Вам придется разбивать лед.

Она взяла ногу под мышку и провела конец чулка в отверстие. Потянула. Мне стало крайне неприятно: казалось, что швы вот-вот лопнут. Культя вошла в гнездо.

— Что скажете?

— Туго. Очень туго.

— Это хорошо, что туго. — Она обвязала меня ремнем. — Но вы никакой проблемы не видите?

— В чем?

— Я насчет социума. Вы не боитесь одиночества?

— Нет.

Она присела на корточки.

— Вы ищете, чем бы оправдать самоустранение. Так нельзя. Я видела, чем это кончается. Исход зависит от вас, Чарли. От вашей реакции на вызов.

— О'кей.

Я имел в виду другое. Я не хотел отгораживаться от мира. Просто знал, что все равно так и будет.

— Встаньте. — Она отошла.

Я подтянулся, опершись о кресло. Нога свисала с культи. В таком положении она выглядела и вовсе невыгодно. Крючья-лыжины болтались. Они казались хрупкими. Они могли отвалиться в любую секунду.

— Перенесите на нее вес.

Я подался вперед. Гнездо сдавило меня пренеприятнейшим образом.

— Доверяйте ноге, Чарли.

— Но швы…

— Я еще ни разу не повредила швы.

Я вытер лоб рукавом. Оперся на ногу, крючья прогнулись. Логика подсказывала, что они выдержат взрослого бегуна, но верилось в это с трудом. Хотелось бы знать, хорошо ли их

проверяли.

Лола Шенкс простерла руки. Я глубоко вздохнул и полностью переместил вес на ногу. Культю сдавило, но терпеть было можно. Я дернулся вперед, потом еще раз. К моменту, когда я добрался до Лолы, пот лил с меня ручьем. Я прошел четыре шага.

— Прекрасно! — Она сияла, как будто искренне радовалась, а я дрожал от изнеможения, но тоже был горд и улыбался в ответ.

Я сидел в постели и рассматривал Экзегезу — так я ее назвал. Тут явно требовались инструменты. Узнать, что у нее внутри. Но кое-что было видно и снаружи. Не такая уж сложная конструкция. По сути — корзина на палке. Удивительно все же, что это считается лучшим. Я начал подозревать, что ампутантов среди инженеров-механиков не так и много. Не иначе, они руководствовались принципом: «Скажите спасибо, что вообще можете ходить».

Но в одном Лола Шенкс была права: нога начала мне нравиться. Не потому, что я мог ходить. Это не главное. Мне нравилось ковылять по направлению к Лоле и видеть, как с каждым шагом расширяются ее глаза, — и то, как она сжимала мне руки, когда я до нее добирался.

Я все еще иногда испытывал потрясение от мысли, что лишился ноги. Меня охватывал парализующий ужас. «Где же она?» — стучало колоколом в черепной коробке. Порой мне снилось, что я чего-то лишился, но я не понимал чего. Это начало раздражать. Мне было ясно, что мозгу придется преодолеть тридцатипятилетнюю привычку, но в самом деле — когда же он разберется, что к чему?

В 10.45 я потерял покой. Не мог сосредоточиться на телефоне. Мне хотелось пить. Все из-за Лолы Шенкс. Она пришла в одиннадцать. Я сполз на край постели. К ее прибытию я уже встал и ковылял по палате. Лола остановилась в дверях, якобы возмущенная — в хорошем смысле.

— Чарли, — сказала она и выставила локоть, — идемте гулять.

Больницу окружала широкая бетонная дорожка, тянувшаяся от приемного отделения до сквера на заднем дворе. Там торчали пациенты с подключенными капельницами: курили. Я начал привыкать к Экзегезе. Но если я шагал слишком уверенно, Лола Шенкс убирала руку — меня же одолевал соблазн разыграть беспомощность.

— Расскажите мне о работе, — попросила Лола. — Чем вы занимаетесь?

— Тестирую всякую всячину.

Лыжи-крючья знай себе скрежетали.

— Например?

— Изделия. Материалы.

— Это интересно?

Я задумался. Да, иногда мне было интересно — ждешь, например, что валентность меди изменится от бомбардировки частицами, а этого не происходит. Впрочем, люди не находили это «интересным».

— Нет, — ответил я.

— Печаль, — посочувствовала Лола.

— Иногда конструирую. Появляется идея, я предлагаю проект. Если одобрят — сделаю.

— Что, например?

Мы спустились по пандусу. Лыжи норовили выскользнуть из-под меня, и я им позволил. Лола крепче взяла меня под руку.

— В прошлом году я построил осциллятор. Он смещал пятиграммовый медный стержень на двадцать миллиметров туда и обратно шестьсот тысяч раз в секунду.

Лола помолчала.

— И зачем такое нужно?

— Не знаю. Я предложил, они согласились. Наверное, пригодилось в каком-то другом проекте.

— Понятно.

— Шестьсот тысяч колебаний в секунду — это много.

— Да похоже на то.

— Мне пришлось поместить его в вакуум. Чтобы не поджечь воздух.

— Он поджег воздух?

— Только однажды. Под контролем.

— Напомните — где вы работаете?

— В «Лучшем будущем». — (Название ни о чем ей не сказало.) — В семидесятых мы разработали боеприпасы с обедненным ураном. В восьмидесятых — танки-амфибии. В действительности они не пригодились. Вряд ли мы к ним вернемся. Лет десять назад мы занялись медициной. У нас полно фармацевтической продукции. В последнее время мы занимались разработкой металлов, щадящего оружия и биоинженерией. Еще мы спонсируем местную софтбольную команду.

Нам преградил дорогу пожилой мужчина в больничной пижаме, с сигаретой в зубах. Он шарил взглядом по скверу. Мужчина был чем-то раздражен. Может быть, всем. Так он

выглядел.

— Извините, — сказала Лола.

Он покосился на Экзегезу и сжал губы.

— Эй, — повторила Лола, — в чем дело?

Мужчина притворился глухим.

— Эй, курилка! Что случилось? Думаешь, ты лучше, потому что у тебя две ноги?

Он покатил стойку с капельницей к зданию:

— Поздравляю. Хорошо поработали. Небось, семь потов сошло, пока делали… Нет, вы слышали? — Лола повернулась ко мне, качая головой. — Возмутительно.

Мы пошли дальше.

— Люди с ногами безлики, Чарли. Бог свидетель. Им никогда не приходится ломать голову над тем, как попасть из комнаты в комнату. А если даже задумаются, то воображают себя умными. — Она взяла меня под руку. — Вам предстоит бороться. Придется трудно. И вы станете лучше.

Мы шли молча. Легкий ветер холодил мне кожу. Я никогда еще не был так счастлив.

На следующий день Лола отвела меня в кафетерий. Там было полно врачей и семейных пар, сплошные разговоры — уютно. У некоторых пациентов не было волос, другие исхудали настолько, что смахивали на проволочный каркас, — напоминая мне, что бывает и хуже. Мы с Лолой заняли столик у окна, выходящего в сад. Я отважился пригласить ее на свидание. Мне было не вполне ясно, что это значит. Отвести ее мне было некуда. Однако так принято, если девушка нравится. И если она соглашается, то у вас есть подружка. Вот все, что я знал. Я очень волновался, так как ни с кем еще не выбирался на свидание со времен Дженни с курса теории волн.

— Как по-твоему, сколько можно отравить человек, пока никто не заметил? — Она наблюдала за женщиной, подававшей салат. — Я думаю, много.

— Давай куда-нибудь сходим.

Она впилась в гамбургер.

— Не сегодня. Я кое-что придумала для тебя. Третьим будет футбольный мяч.

Я не понял. Поерзал — перенес вес с одной ягодицы на другую. Лыжа клацнула о ножку стола.

— Бум, — вторила Лола.

— У тебя красивые волосы.

Лола округлила глаза. Она вдруг занялась выбившейся прядью. Издала звук, будто фыркнула, сгребла волосы и

затолкала за ухо.

— Заткнись.

Я ничего и не говорил. Никак не мог решить: объяснить, что я серьезно, или пусть думает, что это шутка.

— Когда ты выщипываешь брови?

Я взялся за сэндвич с яйцом. Я очнулся от дум. Разве я должен выщипывать брови? Не знал, что это делают мужчины.

С бедра Лолы пискнуло, она расчехлила пейджер:

— Тьфу. Подождет.

У Лолы наверняка были и другие пациенты. Как же без них. Другие мужчины. Она учила их ходить, сжимала им руки, когда они поднимались по лестнице. Держу пари, в нее влюблялись все. Ну, может быть, не все. Она была со странностями. Ладно, хватит. Я вспомнил статью, где говорилось, что люди, имевшие несчастье пережить сильный стресс, неподобающе привязываются к первому человеку, которого видят после происшествия. Тело путает возбуждение с влечением. Должно быть, я последний в череде инвалидов, очарованных Лолой Шенкс. Наверное, она сыта нами по горло. Если бы я признался ей в любви, она бы огорчилась и ответила, что я ей нравлюсь бесконечно и я классный, но наши отношения сугубо рабочие. И все наши занятия пойдут наперекосяк. Раньше надо было думать.

— Эй! — позвала Лола. — Что с тобой?

Я тупо смотрел перед собой:

— Ничего. — Я принялся за сэндвич.

— Не представляю, как ты можешь есть яйца, — сказала она. — Это же зародыши.

В палату влетела сестра Кейти. Донельзя довольная:

— Хорошие новости. Вас выписывают.

— Как это? — Я отложил телефон.

— Вас подали на выписку.

— Что?

— Да бросьте, — отмахнулась Кейти. — Хотите, помогу вам одеться? Или будете сами?

— Я не… почему меня выписывают?

— Наверное, потому, что пора. — Сестра Кейти была счастлива. Ее щеки порозовели и были похожи на яблоки.

— А я считаю, что не пора.

— Что поделать, — ответила Кейти. — Врачи считают иначе.

Я ничего не понимал. Меня никто не спросил и не предупредил. Мне казалось, что меня вышвырнули.

— Ваша компания заказала машину. Она ждет у входа. Так что давайте пошевеливаться! Может, вам все же помочь?

Я оглядел палату. Уезжать не хотелось. Здесь было все, что мне нужно.

— А беседы с врачами не будет?

— Они вам больше ни к чему. — Сестра Кейти плюхнула на кровать фирменную больничную сумку. — Уезжайте и радуйтесь жизни.

— Но…

— Обо всем уже позаботились, — твердила она. — Живо! Одна нога здесь, другая там!

Сестра Кейти выкатила меня на дорожку. Немного странно, нога была при мне, но таковы были правила. Меня ожидал белый фургон с логотипом «Лучшего будущего». Я не понимал, почему они выбрали фургон, пока Кейти не усадила меня в пассажирское кресло и не закатила внутрь коляску: та отправлялась со мной.

— Всего хорошего! — крикнула Кейти и помахала через стекло.

— Куда едем? — спросил водитель.

«Обратно в больницу», — подумал я.

Но такой вариант не предлагался.

— Домой, наверное, — ответил я.

3

Я решил подрочить. Не очень-то и хотелось. Так, от нечего делать. Я торчал дома уже неделю: онлайн-фильмы надоели. Я сел за комп поискать порнушку. Нашел девицу с красными губами и волосами и озадачился: если с ней поговорить, то о чем? Я выполз из пижамных штанов. Никакого стояка — разваренная макаронина. «Похоже на культю», — подумал я, и это было ужасно, чудовищно. Член сморщился. Я хотел задать поиск по ключевым словам «ампутанты, порно», но быстро сообразил, что получу не порно для ампутантов, а нечто совсем иное. Но я все равно стал искать. Нашел красивую женщину без руки и еще одну — с ампутированными по колено ногами. Я счел их симпатичными и в некотором роде аппетитными, но мастурбировать не захотел. Я вспомнил статью о самцах шимпанзе, среди которых те, что стояли в самом низу иерархии, отличались значительно сниженным сексуальным влечением. Я выключил компьютер. Мне было одиноко.

Я проснулся от страшной судороги в ступне. Не в той, что осталась, — в другой. В потемках, корчась от боли, я шарил руками по голой постели. Потом подтянулся, сел, включил свет и отбросил простыни. «Посмотри, ничего нет, — говорил я мозгу. — Там нечему болеть». Наклонившись вперед, я притворился, будто массирую место, где должны были находиться пальцы. Гордиться нечем, я все-таки был ученым. Но это помогло. Я выпил пару пилюль и продолжил массаж. Лекарства заканчивались быстрее, чем их выписывали. Но это временная проблема. Скоро до мозга дойдет, что ему незачем ощущать фантомные боли, благо я был далеко не дурак.

Я валялся на диване с телефоном, когда тот вдруг зазвонил. Я не сразу понял, что с ним такое. Пролистывал себе статейку, и вдруг она пропала с экрана, сменившись звуком, какого я раньше не слышал. Всплывающая реклама? Я обнаружил опции: «БЛОКИРОВАТЬ», «СБРОСИТЬ», «ОТВЕТИТЬ». Ткнул большим пальцем в «ОТВЕТИТЬ». Было странно, как будто я пытался использовать телевизор в качестве микроволновки.

— Алло?

— Доктор Нейман.

Женщина. Не Лола. Обращалась с нескрываемым удовольствием. Этот месяц был щедр на необычные ощущения.

— Это Кассандра Котри. Из компании. Как дела?

— Алло, — повторил я, не будучи силен в телефонных разговорах.

— Я просто хотела узнать, как ваши дела.

Повисла пауза, по ходу которой я понял, что мне задали вопрос.

— Хорошо.

— Прекрасно! — (Горячая штучка эта Кассандра Котри, вспомнил я. Я разговаривал с горячей женщиной прямо сейчас.) — Так я и думала. Просматривала больничный отчет, там все отлично. Я очень рада. Мы так переживали за вас.

— Да.

— Давайте кое-что обсудим. Ваше возвращение. — Она выждала. — График составите, какой пожелаете. Мы хотим, чтобы вам было удобно. Но… не уверена, что вам это ясно… совершенно очевидно, что занятость пойдет на пользу. Вам, разумеется. Вас берут обратно, вы погружаетесь в дела, вы больше не просиживаете штаны дома. Я не говорю, что вы это делаете, — рассмеялась она.

На моем кофейном столике стояли четыре коробки мюсли, наполовину пустые, и еще валялось с полудюжины шоколадных оберток. На книжной полке поселился пакет скисшего молока, который я собирался выбросить еще пару дней назад, но постоянно забывал о нем и вспоминал, лишь когда садился. От провайдера пришло письмо, где говорилось, что, хотя (кавычки открыты) безлимитный тариф (кавычки закрыты) подразумевает отсутствие ограничений на скачивание, существуют определенные рамки разумного пользования и провайдер будет премного мне благодарен, если я умерю аппетиты.

— Я знаю инженеров. Они себе места не находят, пока не начнут строить. Итак… когда вы можете приступить?

— Гм, — сказал я. — Завтра.

— Завтра? То есть… отлично. Пусть будет завтра. — (Я услышал шелест бумаг.) — Это здорово. Я пришлю машину. Фургон.

— Легковую. У меня есть нога.

— Нога… Конечно она у вас есть. Я восхищена вашей активностью. Честное слово. Будет просто замечательно, когда мы покажем, что вы сумели сравнительно быстро и в полной мере вернуться к своим обязанностям. Тем меньше юридической волокиты. Понимаете?

— Нет.

Она рассмеялась. Но я не шутил.

— Тогда — добро пожаловать обратно… в седло. Завтра в восемь вас устроит?

— Договорились. — Я нажал на ЗАВЕРШИТЬ ЗВОНОК.

На экран вернулась домашняя страница. Мне назначили встречу. Я забил ее в дневник и проверил список звонков. Вот он, входящий. Длился три минуты и сорок две секунды. Какое-то время я рассматривал запись, так как в своем роде она была примечательной.

Я сходил в душ. Ненадолго, поскольку дома не было больничного стула, на котором я мог сидеть и чувствовать, как вода стекает по заднице. Надо бы прикупить. Я отодвинул шторку и допрыгал до полотенца. Можно было бы и не снимать Экзегезу — она была водоустойчивой, но тогда я не смог бы вымыть культю. Если что и нуждалось в мытье, так это она.

Вытершись на унитазе, я натянул чулок и приладил ногу. Не так уж часто я ее надевал с тех пор, как вернулся домой. Лола Шенкс была бы разочарована. Стоило мне встать, как гнездо сдавило культю, и я подумал: «Вот оно! Поэтому и не нравится». Но я проковылял в спальню и распахнул шкаф. Одевшись, я вернулся в ванную, чтобы взглянуть на себя в зеркало. Опирался я преимущественно на здоровую ногу. Экзегеза, торчавшая из штанины деловых брюк, смотрелась не очень. Напоминала раздвоенный змеиный язык. Как будто я наступил на что-то, запутался и потащил за собой. Я разнервничался. То ли дело в больнице: много людей и у всех беда.

Я прошел в гостиную и сел на диван. Зазвонил телефон. Водитель. Я сидел и не отвечал. Телефон умолк. Потом зазвонил снова. На сей раз я отозвался:

— Здравствуйте. Я готов.

Меня встречал черный лимузин. Тучный водитель, с бородкой и в кепке, открыл дверцу, оповестив меня о прекрасном утре.

— Какой у вас интересный протез, — заметил он, когда мы выезжали на шоссе.

— Это Экзегеза, — объяснил я, оторвавшись от телефона.

Шофер смотрел на меня в зеркало:

— В самом деле? И как она работает?

— Преобразует кинетическую энергию в движение, — описал я ходьбу.

— Круто! — присвистнул водитель. — Обалдеть.

Мы въехали на подъездную дорожку под арку за главным входом. Водитель выскочил отворить дверцу. Не успел я запихнуть телефон в карман брюк, как водитель уже подавал мне

руку. Я ухватился за нее, он поднял меня на ноги. Свет был яркий, и я сощурился. Ко мне шли двое: Кассандра Котри и высокий улыбающийся мужчина, которого я не знал.

— Вот и он, — произнес мужчина. — С возвращением!

Его бедж гласил: «Д. Питерс». Наверное, начальник моего отдела. Я не узнал его потому, что старшие менеджеры не появлялись в лабораториях. Д. Питерс протянул мне руку, и я пожал ее. Было странно, мы будто впервые встретились.

— Мы очень рады, — вторила Кассандра Котри. Она тоже улыбалась.

— Все уже обустроено специально для вас.

Мы направились к стеклянным дверям. Мне было немного неудобно, а крючья волочились по бетону.

— Интересная конструкция, — заметил Д. Питерс. — Что это такое, то есть как называется?

— «Экзегезис архион».

— А в чем идея? Я имею в виду дизайн?

— Экономит кинетическую энергию.

— Хм. Умно, — одобрил Д. Питерс.

Стеклянные двери раздвинулись. Мы ощутили искусственную прохладу «Лучшего будущего». Потолки в вестибюле были очень высокими даже для нас, привычных; стеклянная стена отделяла его от внутреннего дворика. Там жили птицы. Они всю свою жизнь проводили в компании. Два белых халата, шагавшие мимо, взглянули на мою ногу с профессиональным интересом. Трудно идти, когда обдумываешь движения.

— Я допущу вас до работы, — объявил Д. Питерс. — Но если вам что-то понадобится, что угодно, то сразу звоните мне.

— Хорошо.

— Молодчина.

Я было решил, что он потреплет меня по руке. Но нет. Он быстро ушел по своим менеджерским делам. Проводить совещания, например. Делать звонки. Мы, технари, не понимали, зачем компании столько менеджеров. Инженеры конструировали. Отдел продаж — продавали. Я даже мог худо-бедно понять кадровиков. Но менеджеры множились, несмотря на их весьма расплывчатые функции.

Кассандра Котри прокатала пропуск на доступ в корпус А. Я вошел следом.

— Надо же, вы и вправду ходите в этом, — удивилась она.

Я кивнул. Мы помолчали. У лифтов к нам присоединились еще несколько человек, но никто не сказал ни слова. Может быть, им было неловко в соседстве с моей ногой — или нет. Кто знает. Кассандра Котри внимательно изучала свой рукав. Лифт звякнул,

и мы вошли. В кабину попытался протиснуться еще один человек, но Кассандра Котри его придержала:

— Не могли бы вы подождать следующего? Спасибо.

Двери сошлись. Зашумел мотор.

— У меня диастема, — призналась Кассандра Котри и чуть покраснела. — Щель между зубами. — Она сунула палец в рот и развела губы. Между клыками и коренными зубами зиял зазор почти в сантиметр. Она отпустила губы. — Я ходила к разным врачам, но все говорят одно и то же: неоперабельно. Там близко нервный пучок, а зубы сидят так, что трогать их нельзя, иначе будут осложнения. Паралич лицевого нерва. — Она трижды моргнула. — Мне пришлось нелегко. Я росла. Сидела на диете. Бегала, прыгала плюс система Пилатес. Вы, может быть, не поймете, но девочки из моего окружения были настроены жестко. Насчет внешности. Я сказала родителям, что хочу операцию и будь что будет. Они отказали. Мы ругались несколько месяцев.

Двери лифта открылись, Кассандра Котри выглянула наружу. Коридор был пуст. Я тревожно переступил.

— Но знаете что? Я рада, что я такая. Я горжусь этим. Нет, не горжусь. Я благодарю. За урок. Как ни старайся, совершенства не добиться. Вот мораль. Мы постоянно себя улучшаем. Берем под контроль все, что можем. Но сталкиваемся с какой-нибудь диастемой — и остается только смириться. Глубоко вздохнуть и признать: «Да, я такая».

Повисла тишина.

— Ага, — сказал я.

— Я никому об этом не говорила. Буду признательна, если вы никому не расскажете.

— Хорошо.

— Я просто хотела показать вам, что вы не одиноки, — улыбнулась она.

Кассандра Котри довела меня до Стеклянного кабинета. Внутри на своих местах сидели мои лаборанты Джейсон и Илейн. Я видел и Кэтрин — она чем-то занималась с крысами во второй лаборатории. Кэтрин всегда возилась с этими крысами. Сооружала им домики и фанерные пандусы. У одной было что-то вроде качелей. Я все хотел отвести Кэтрин в сторонку и объяснить, что она пожалеет об этом, когда дело дойдет до опытов со смертельным исходом.

Взгляды Илейн и Джейсона ползли за мной по полу. Я приземлился в рабочее кресло.

— Добро пожаловать обратно, мистер Нейман, — сказала Илейн.

— Спасибо.

Илейн посмотрела на Джейсона. Тот промолчал.

— Мы рады, что вы поправились, — добавила Илейн.

Я включил компьютер. Тот грузился целую вечность. Я ощупал брючный карман, проверяя, на месте ли телефон.

— Мы ходили к психологическому консультанту.

Я уставился на нее:

— Зачем?

— Чтобы пережить. Несчастный случай. Жуткое дело. Действительно жуткое. Мне снились кошмары. — Она помялась. На лбу Илейн выстроился целый парад прыщей. У нее была чувствительная кожа. Она носила густую челку, но все равно было видно. — Это помогло. Консультирование. Нам предложили выговориться. Они велели нам поделиться нашими чувствами с вами, если вы не против.

Я взглянул на Джейсона. Он сидел очень прямо, лицо застыло. Голова мелко покачивалась из стороны в сторону. Я ощутил признательность к Джейсону. Будь все такими же, мы могли бы заняться делом и притвориться, будто ничего не случилось.

— Вот я и не знаю, — продолжила Илейн. — Вы против или нет? Побеседовать об этом. Если нет…

— Я не хочу об этом разговаривать.

— Простите. Хорошо. Без проблем.

Она отвернулась. Ее плечи поникли. Не иначе, я приговорил ее к кошмарам. Но я не отвечаю за ее мозг. Я не могу контролировать ее мысли. Она человек. Ей положено самой разбираться во всем, что творится промеж ушей.

— Добро пожаловать обратно, доктор Нейман, — поздоровался Джейсон.

Его явно отпустило. Он развернулся назад к столу, и мы принялись за работу.

Я вышел из Стеклянного кабинета на ланч. Коридоры заполнились, и моя лыжа-нога привлекала внимание. Люди таращились без всякого стыда. Мы были инженерами, а им всегда интересно, как устроены вещи. Я шел себе и шел, но в кафетерии корпуса А угодил в очередь. Мужчина передо мной обернулся и посмотрел на ногу:

— Привет. Вы тот самый?

— Который… — начал было я, но опомнился. — Да, тот.

— Вы оттяпали себе ногу? — Он наклонился и стал изучать. — В лаборатории?

— Всмятку.

— Можно потрогать?

— Ну…

Еще двое в очереди обернулись. Из-за стола поднялся бородатый мужик и устремился ко мне, с лаборантами на хвосте.

— Можно, потрогайте.

— Интересная форма, — заметила женщина позади меня.

— Можно мне чуточку задрать штанину? — Мужчина поднял глаза. — Ничего? Мне не видно.

— Я сам.

Я подтянул брючину. Вокруг одобрительно зашептались. Я покраснел.

— На колено посмотрите, — сказал бородач.

— Двигается при помощи вот этого поршня, — объяснил мужчина; он уже стоял на четвереньках и смотрел снизу вверх. — А в чем удобство при ходьбе?

— А ногу вставляете в эту пластиковую фигню?

— Гнездо.

— И как оно держится?

— На ремнях, — ответил я. — Простые полотняные ремни.

Все умолкли. Мужчина в синей рубашке еще немного поглядел, но больше не нашел ничего достойного внимания:

— Да, и вправду удивительно.

— Фантастика, — вторила ему борода. — Надо же, до чего додумались.

— Очень остроумно, — подытожила женщина.

На беджах у этих людей было написано: «ОТДЕЛ АЭРОНАВТИКИ», «МОЛЕКУЛЯРНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ» и «БИОМАТЕРИАЛЫ». Для среднего ученого *глупой* считалась неспособность объяснить изменение свойств магнитогидродинамических объектов при разгоне до сверхзвуковых скоростей. Или незнание гёделевской нумерации. Несколько месяцев назад я побывал на презентации живых гелей, и там, когда один из слушателей счел что-то остроумным, имелся в виду процесс дозированной подачи живых клеток для их слияния с молекулами углерода, впервые осуществленный в человеческой истории. Гость произнес это недовольно. Мы не раздаем такие эпитеты направо и налево. Не применяем их к шарниру.

— Неплохо, — кто-то похлопал меня по плечу. — Совсем неплохо.

Сгорая от стыда, я опустил брючину.

Я отнес обеденный поднос в туалет и заперся в кабинке. Отделяя сэндвич от пластиковой обертки, я вспомнил слова Лолы

Шенкс: будет трудно, но я стану лучше. Она утверждала, что это зависит от «моей реакции на вызов». Хорошо, что она не видела меня в этот момент.

Я получил мейл от Кассандры Котри, где говорилось, что машина отвезет меня домой, как только я пожелаю. Нужно было лишь позвонить. Я записал номер в телефон и продолжил работать. Когда все ушли, я вызвал лифт и доехал до Аудиовизуального центра, где вне затемненных помещений для презентаций торговые автоматы предлагали шоколадные батончики, фрукты и колу. Все бесплатно, чтобы инженеры не шлялись и не искали за доллар наилучший источник калорий. Взяв несколько батончиков и яблок, я вернулся в Стеклянный кабинет. Делать мне было нечего. Б*о*льшую часть обязанностей перераспределили, пока меня не было; все остальное было несрочным. Я съел батончики, развлекся с программами, но без энтузиазма. Около десяти я позвонил. Водитель пообещал приехать через десять минут. Подождав пять, я надел пиджак и покинул Стеклянный кабинет. В цокольном этаже коридоры были освещены тусклым желтым светом, а вестибюль был пуст. От моих шагов разлеталось эхо; мягкое шуршание туфли сопровождалось скрежетом углеродного полимера — такие звуки возникают при механических процессах.

Я открыл, что в корпусе А существуют спальные места. То были тесные, невзрачные комнаты, где едва хватало места для кровати, но пользоваться ими мог кто угодно. Если у вас включен аппарат каталитического крекинга, который проработает еще два часа, вы можете вздремнуть. Имелись и душевые кабинки, и круглосуточная кухня. Я почти ожидал повстречать там компанию шумных и веселых ученых, похожих на робинзонов, но помещения пустовали. Я позвонил водителю и попросил привезти из моего дома кое-какие пожитки. Этой ночью я разогрел в микроволновке упакованную еду, а спать улегся на казенную койку. Проснувшись, я принял душ, оделся, вызвал лифт и за все это время не встретил ни единой души. Надо было додуматься раньше.

Мне надоело сидеть. Переходить из положения стоя в положение сидя. Экзегеза помогала при ходьбе, но была бесполезна при посадке в кресло. Все ложилось на мою настоящую ногу — худую, слабую и ноющую под нагрузкой. В больнице, на физкультуре, она немного окрепла, но успела усохнуть до первоначального вида. Поэтому я бросался на стулья,

охая при ударе. Катастрофой не назовешь. Но и до идеала далеко.

Едва лаборанты ушли, я отцепил ногу, закрепил ее на рабочем столе и прибавил свет. Я изучил колено. Затем разобрал его. К полуночи я собрал регулятор. Он смахивал на банку из-под персиков, прилаженную под коленом. Когда я щелкал боковым переключателем, скорость сгибания ограничивалась. Я приторочил ногу и попытался сесть. Все работало. Я мог усесться на стул в обычном темпе без всяких усилий. Но был недоволен. Теперь я видел, что ручное переключение примитивно. Колено должно было само понимать, когда и как сгибаться и разгибаться.

В три часа ночи я отказался от регулятора и подсоединил коленный микропроцессор к компьютеру, чтобы выяснить код. Попробую изменить вшитую программу, добавить новые команды. На это ушло восемь часов. По ходу дела явились Джейсон и Кэтрин; они спросили в интерком, не нужна ли мне помощь. Я попросил принести батончиков. Наконец я загрузил в чип новый код и включил. Конденсатор издал хлопок и сдох.

Я тупо смотрел на него. Мне было нужно поспать. На свежую голову я во всем разберусь. Вдыхая затхлый запах пота, я прицепил ногу и заковылял к выходу. С неработающим микропроцессором голень болталась, как садовая калитка. Лыжа-ступня выстреливала вперед. Я добрался до лифта по стенке. Достигнув койки, я снял ремни и стряхнул всю канитель на пол.

Я хотел попросить Илейн найти мне кадмиевую батарейку, но лаборантки нигде не было.

— Илейн не видел? — спросил я Джейсона.

Он провернулся на стуле ко мне лицом. В очках отразился свет моей галогеновой настольной лампы.

— Я думал… — Он посмотрел на стол Илейн. Тот был девственно чист. — Разве вы не получили мейл?

Я подъехал к клавиатуре. Писем было много. Я прочел лишь несколько. Всмотрелся в превьюшки по сорок символов. Все, что начиналось словами «Поздравляем с праздником» или «Открыта запись на семинар», можно было отмести как очевидный спам. То, что мне следовало прочесть, начиналось иначе: «Вы этого не видели? Вам надлежит…» — или «Вашему отделу снова не удалось…» — или что-то еще в том же духе. Я пролистал входящие. Мне пришлось продираться через всякую бесполезную ерунду — кому и где нельзя парковаться, почему отключат кондиционеры с четырех до пяти, — но затем я нашел искомое. Письмо было из отдела кадров. Илейн перевелась. В письме не объяснялась причина. Просто констатировался факт.

— Вот оно как, — сказал я.

Ночью кадмиевая батарейка спалила микропроцессор. Я допускал такую возможность, но все равно был разочарован. Я сидел за рабочим столом и взирал на струйку дыма, тянувшуюся из пластикового колена. Дело поправимое. Можно было заменить чип. Но тогда я упрусь в транзисторы. Каждый раз, когда я что-то улучшал, возникала новая незадача.

Я оттолкнулся от стола. Было поздно. Проблема заключалась в том, что я пытался ловить блох. Исправить конструкцию, не выходя за рамки основного дизайна. Как и все, я считал, что протез обязан копировать оригинал.

Я закрыл глаза. Уже теплее. Открыл их, нашел ручку и блокнот, начал писать. Я готовил эскиз. Исписав четыре страницы, я убрал ногу со стола и положил ее на пол, чтобы освободить место. Я все делал неправильно. Природа не идеальна. Если вдуматься, натуральные ноги только и умеют, что переносить небольшую массу из пункта А в пункт Б при условии, что расстояние между ними не слишком велико, а вы никуда не спешите. Это не впечатляет. Единственное хотя бы и небольшое достижение — то, что ноги вырастают самостоятельно из естественного сырья. Если стоит задача соорудить нечто не выходящее за эти рамки — тогда все в порядке, неплохая работа. Но если нет, мне казалось, что можно сделать еще много замечательного.

Через три недели я позвонил в больницу Я был очень взволнован. Я откладывал этот звонок — ждал, пока успокоюсь, но этого не произошло, и я позвонил. Я запер дверь в спальное помещение и уперся взглядом в стену, чтобы не отвлекаться.

— Лола Шенкс, отдел протезирования.

— Привет, это Чарльз Нейман, я был у вас несколько…

— Чарли! Где ты пропадал?

Я должен был являться в больницу на контрольные осмотры. Это считалось обязательным — из тех правил, которые если нарушишь, то тебя никто не накажет.

— Дела. Мы можем увидеться?

— Да! Было бы здорово! Надеюсь, ты не забросил физкультуру. Иначе беда. Когда заглянешь?

— А ты не могла бы навестить меня здесь? — Я постукивал по полу лыжами-крючьями: тик-тик-тик. Наконец велел себе прекратить. — Хочу тебе кое-что показать. Мне нужно твое профессиональное мнение.

— Опля. Хорошо. Почему бы и нет? Где ты находишься?

Чтобы встретить Лолу Шенкс, мне пришлось отправиться в вестибюль. Я не был наверху с тех пор, как открыл для себя комнаты отдыха. Но Лоле нужно было заказать пропуск. Поэтому я поднялся в лифте и пошел по коридорам. Это было труднее, чем кажется, так как я надел Экзегезу, а колено еще не починил. Она все время хотела от меня убежать. Мне приходилось держаться стен. Но я прохромал мимо равнодушных инженеров и не услышал ни единого вопроса. Я не мог понять, в чем дело, пока не сообразил, что выглядел жалким.

Добравшись до вестибюля, я упал на черный диван. Вытащил телефон и дальше то и дело вскидывал глаза — не вошла ли она. Я пришел рано. Я нагнулся вперед и принялся рассматривать масштабную модель передвижной боевой установки, заключенную в стеклянный аквариум на низком кофейном столике. Маленькая табличка гласила: «МИРОТВОРЕЦ ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ. ВЕРСИЯ 5-III». По сути это был фургон с пулеметами. Я присутствовал на презентации, идея была в том, чтобы притащить его, скажем, в только что захваченный город и там оставить во имя мира.

— Эй!

Я подпрыгнул. Ко мне шла Лола Шенкс, одетая в белую рубашку поло, белые брюки и белые кеды. Ее волосы были собраны в хвост и повязаны узкой белой лентой. Я сперва решил, что она явилась прямо с тренировки или с какого-то религиозного собрания, но дело, наверное, было в предпочтении предельно единообразного стиля. Она распахнула объятия. Я встал с дивана, для этого пришлось раскачаться. Неуправляемая лыжа-ступня выпрыгнула вперед. Лола схватила меня за руки:

— Тпру! Что случилось с твоей ногой? Так быть не должно.

Я не успел и слова сказать, как она уже подняла мою штанину.

— Что это? — Она постучала по жестянке.

— Я ее усовершенствовал.

— Что-что ты сделал? — Теперь она обнажила колено. То, что от него осталось. Пустой корпус, наполовину расплавленный. — Где колено?

— Я его сломал. — Мне стало неловко. Люди смотрели. Лола выпрямилась и стрельнула в меня карими глазами. — Мне не удалось попрощаться в больнице.

— Прощания в графике не было. Ты должен был ходить на занятия.

— Я сожалею.

— Зачем ты сломал колено?

— Я хотел его улучшить. Но потом решил сделать новое.

— Сделать новое колено?

— Новую ногу.

— Ты… что?

— Я сконструировал протез. Ладно, еще копаюсь в нем. Довожу до ума.

— Ты сконструировал ногу?

— Я покажу.

— Да, — сказала она. — Пожалуйста.

Охранники повели Лолу на собеседование, а я вернулся на диван. Пока она отвечала на вопросы обо всех людях, каких знала, о всех местах, где побывала, и о своем профиле на «Фейсбуке», я пролистывал глянцевый корпоративный журнал «Взгляд в будущее». Оказывается, мы делали прививки детям Нигерии. Лолы не было так долго, что я пошел ее разыскивать, и мне сказали, что она в мультисканере. Он был похож на металлодетектор для углубленного распознавания металлов. Я удивился, так как эта процедура казалась самой непродолжительной. Там было нужно просто стоять.

Наконец Лола вышла, на ходу застегивая верхнюю пуговицу футболки.

— Они взяли у меня мазок, — объявила она. — Мазок изо рта.

Охранник вручил ей бедж:

— Пожалуйста, не снимайте это. Если потеряете — не сможете выйти.

Лола весело взглянула на меня, но я покачал головой: они не шутят. Она прицепила бедж к рубашке.

— Возникли проблемы?

— Да нет же. Я просто не дружу с металлодетекторами. — Она поправила очки. — Забудь. Показывай свою ногу.

В лифте я сказал:

— Беда естественных ног в том, что им не выжить самостоятельно. Они не состоят из модулей. Поэтому возникают обособленные критические точки и проблемы зависимости от внешних источников. Все это отпадет, если сделать ногу самодостаточной.

— Самодостаточной? — Лола отвлеклась от своего.

— То есть она должна работать сама по себе. Не нуждаясь в телесном тепле как топливе.

— Экзегезе не нужно топливо.

— Нет, нужно. Смотри, я прямо сейчас снабжаю ее кинетической энергией.

— Ну надо же. Тогда понятно.

— Без меня она никуда не сдвинется. — Я посмотрел на Лолу. — Конечно, это лучше, чем ничего.

— Но это действительно хорошая нога, Чарли.

— Я осмелюсь заметить…

— Сходи в обычную больницу. Посмотри, какими ногами ходят дети. — Она сверкнула глазами.

— Уже понял, — сказал я.

— У них палки. Ведра на палках.

— Экзегеза тоже ведро на палке. О том и речь. Ужасный дизайн. Почему никто не соорудил самоходный протез? Вот в чем вопрос.

— В чем же именно?

— Это очевидно. — Я взмахнул свободной рукой. — В ноге должен быть двигатель.

Лола остановилась:

— Ты затолкал в ногу двигатель?

— Да. Вернее, нет. Не один. Несколько двигателей. Их нужно много для управления пальцами. — Я разнервничался. Я скрывал мою деятельность даже от лаборантов. — Это опытный образец. Многое еще нужно доделать. Но я должен знать твое мнение. Как профессионала.

Лола изучающе взирала на меня. Затем оглянулась:

— Где она?

Я провел ее в четвертую лабораторию. Вероятность встречи с лаборантами была невелика: Кэтрин в основном занималась крысами, а Джейсон намертво прилип к дисплею в Стеклянном кабинете. Дай ему волю, он бы оттуда и не вылезал. У нас с ним было много общего.

— Как глубоко мы опустились? — спросила она, разглядывая стальные опоры на стенах.

— Футов на шестьдесят. — Я прокатал бедж на входе. Дверь щелкнула. — Ты тоже проведи этой штукой.

— Почему мы на шестьдесят футов внизу?

— На всякий случай, если что-нибудь пойдет не так.

Она проследовала за мной в четвертую лабораторию. Нога лежала на изоляционном коврике под белой простыней в окружении верстаков и ламп. Я накрыл ее, потому что не хотел, чтобы на нее глазели из Стеклянного кабинета и подавали советы.

Лола взглянула на меня. Я кивнул, и она подошла. Я оглянулся: Джейсона не было. Прекрасно. Лола тронула простыню:

— Можно?..

Я сдернул покров. Лола глубоко втянула воздух. Я следил за ее лицом, пытаясь понять, был то вздох осуждения или восторга. Сразу не скажешь. Как будет выглядеть нога для того, кто увидит ее впервые? Как что-то паучье, наверное. Верхняя часть представляла собой черную стальную сетку. От нее отходили два серебристых поршня, встроенные в ступню с восьмью растопыренными пальцами. Я очень всем этим гордился, но внезапно нога показалась мне жуткой.

Лола обошла ее трижды. Остановилась возле Тисков. Те так и стояли на прежнем месте. Машины такого класса не выбрасывают лишь потому, что какой-то идиот сунулся и лишился ноги.

— Это ты сделал?

— Да.

— Но как ты… как тебе удалось?

— Как обычно, — пожал я плечами. — Понемногу.

— На вид тяжелая.

— Весит фунтов двести. — Я показал на выбоины в полу. — Это от нее.

— Как ты ее поднимаешь?

— Я не поднимаю. Она ходит сама.

Лола воззрилась на меня.

— Она несовершенна. Ей приходится соприкасаться с поверхностью. Но с лестницей уже справляется. Пальцы поднимаются на десять дюймов. Тебе не видно, но есть два безвтулочных колеса на подвижной многоразмерной оси. Она выбирает между пальцами и колесами в зависимости от покрытия.

Она прошлась вкруг ноги.

— А это что? — Лола указала на черные алюминиевые коробки, приваренные возле гнезда.

— Там процессоры. Расположение мне самому не нравится.

— Зачем они нужны?

— Блок управления. Хранение данных, джи-пи-эс, вай-фай и тому подобное.

— В твоей ноге есть вай-фай?

— Без него никак. Иначе она не могла бы взаимодействовать с онлайновым интерфейсом определения траектории.

Брови Лолы поползли вверх.

— Ноге не нужно указывать, куда ступать. Достаточно один раз сказать ей, куда идти, и она сама рассчитает, как туда попасть. Это основная инкапсуляция.

Лола оглянулась на ногу. Не думаю, что она поняла про инкапсуляцию. Она опустилась на колени и провела по металлу пальцами.

— Сейчас надену. — Я подтянул офисное кресло и стал отстегивать Экзегезу.

Та со звоном упала, а я щелкнул переключателем на новой ноге, чтобы перевести ее в согнутое положение. Зашипела гидравлика. Я вставил культю в гнездо. Ничего особенного. Еще одно место, где можно пристроить бедро.

— Ремней не будет?

Я мотнул головой:

— Я в ней отдыхаю. — Выровняв равновесие, я встал на ногу. — Готова?

Лола кивнула. Я включил питание. Почти беззвучно заработали сервомагниты. Имелся ряд кнопок для простых действий, и я выбрал короткий променад. Нога согнулась в трех местах и скользнула вперед. Опершись на нее, я подобающе шагнул настоящей ногой. Это была самая неуклюжая часть процедуры. Меня это никак не устраивало. Все это время Лола молчала.

Я прочистил горло:

— Что скажешь?

— О Чарли, она прекрасна. Она абсолютно прекрасна.

— Надо же, — сказал я. — Рад слышать. Спасибо.

Проводив Лолу наверх, я вернулся в четвертую лабораторию и уселся на пол рядом с ногой. Я надеялся, что Лоле нога понравится, но ручаться не мог. Ее реакция превзошла все мои ожидания.

Потом мне стало грустно. Логичнее было обратное, но так уж вышло. Я всегда испытывал печаль по завершении проекта. Я безумствовал, был полон решимости, волновался, а затем тосковал, потому что работа заканчивалась и исправлять было нечего. Я не сводил глаз с ноги. До меня дошло, что я не избавился от недочетов. Я лишь отодвинул их на задний план. Я создал ногу, которая могла ходить сама, — это так, но теперь я видел, что всему есть предел. Все дальнейшие усовершенствования могли быть лишь поэтапными, ибо тормозом становилось мое собственное тело.

Было уже поздно. Лаборанты разошлись. Я поглядел на мою ногу. На хорошую. То есть я не имел в виду, что она хороша. Не хороша, а досталась мне от рождения. Я закатал брючину и повертел ею так и сяк. Она была жирной, слабой и заурядной. Чем дольше я на нее смотрел, тем больше она меня раздражала.

Я разобрал протез. Не собирался, но, взявшись за дело, я находил все новые элементы, которые мог улучшить. Когда я

увидел, что натворил — протез лежал, разъятый на мелкие части, — меня охватила паника, но бояться было нечего. Я все мог собрать заново.

Нужные детали я нарыл в соседних лабораториях. За редкими материалами послал лаборантов. Я не стал объяснять, зачем те понадобились. Хотя они, наверное, знали. Вам не бывать ученым, если вы в силах устоять и не взглянуть, что спрятано под белой простыней в залитой светом лаборатории. Я перестал отвечать на мейлы и выполнять служебные обязанности. Я не брился. Я придал ноге новую форму, которая повышала ее подвижность наполовину, но тут же придумал новое решение и снова все разобрал. Прошло какое-то время. Не знаю сколько. Порой я засыпал в лаборатории, а просыпался в холодной лужице собственной слюны. При набегах на автоматы я набирал столько батончиков, сколько мог унести, и сваливал их в углу, так что работать мог дольше. Самым неприятным делом были походы в туалет, находившийся в конце коридора, у лифтов. Самым же приятным — пребывание там, потому что далее образовывалось окно в шесть-восемь часов ничем не нарушаемого труда; на стульчаке же, где я восседал, откинувшись назад и прикрыв глаза, рождались идеи.

В голосовой почте скопились сообщения от Лолы. Ночами, добравшись до ночлежки, я слушал их перед сном. Включал громкую связь, и Лола будто оказывалась рядом. С растущей тревогой в голосе она упрашивала меня позвонить ей. Быть востребованным приятно. Но я не звонил, потому что ноги еще не были готовы.

Джейсон принес мне тридцатидюймовые пружины. На моем столе лежали фрагменты ноги. Я больше не скрывал своих занятий. Этот этап миновал.

— Что-то еще? — Я сдвинул очки на лоб, когда понял, что он не собирается уходить.

Взгляд Джейсона бегал от детали к детали.

— Вы просили две пружины.

— Да. Спасибо.

— Тогда получается… что вы собираете *две* ноги.

Я оглядел стол. Отрицать очевидное было трудно.

— Но я… — пробормотал Джейсон. — Не понимаю, зачем вам две.

— Про запас.

— Понятно. — Похоже, я его не убедил. Он топтался на месте. — Вам больше ничего не нужно, доктор Нейман? Вы только скажите.

Я подумал:

— Принеси еще батончиков.

И он принес.

Я доделал ноги. Отлично. Я достиг стадии, на которой уже не испытывал настойчивого, жгучего желания все переделать. Я всячески старался сохранять спокойствие, но внутри все дрожало от нетерпения. Я сглатывал вновь и вновь. Я боялся взглянуть на них. Это было глупо. Но мне мерещилось, что все вот-вот рухнет.

Конечно, я не мог их носить. Они составляли пару, я не годился по параметрам. Но я мог сидеть рядом и радоваться их наличию. Тишина: только я и они.

Когда мне было пятнадцать, меня чуть насмерть не задавил «додж-вайпер»[5] с полуголым мужчиной за рулем. Я шел из школы и переходил загородную улочку, когда машина с ревом вылетела из-за угла. Думаю, мужик рассчитывал, что я немедленно испарюсь с дороги, но этого не произошло, потому что мне было пятнадцать и выглядеть крутым в глазах незнакомцев для меня было важнее, чем остаться в живых. Водитель явно придерживался тех же взглядов, так как его машина неслась на меня. Я понял, что сейчас умру или, по меньшей мере, останусь калекой. Но в последний момент — будь машина попроще, было бы слишком поздно, — «вайпер» замер, дымя покрышками.

Водитель высунулся из окна и стал материться. Тогда-то я и заметил, что он без рубашки. На нем были зеркальные очки и толстая цепочка, которая моталась туда-сюда, пока он размахивал руками. Я напрягся, ожидая, что он вот-вот вылезет и врежет мне, но он лишь тыкал в меня пальцами, размеренно выкрикивая ругательства, которых я не мог расслышать из-за потока музыки, превосходно воспроизводившейся его проигрывателем.

В конце концов он завел мотор и укатил восвояси. Я проследил, как он мастерски вписывается в ближайший поворот, уже разогнавшись до сорока-пятидесяти миль в час. Я пошел дальше. Я ощущал смутную ярость оттого, что такой плохой человек водит такую хорошую машину. Ибо автомобиль был вершиной тысячелетнего научного прогресса. Но мужик был мудаком. Я задумался: когда же это случилось, что мы начали делать машины лучше, чем людей?

Мои помощники явились в Стеклянный кабинет, неся с собой кофе и обсуждая что-то казавшееся им смешным. Увидев меня, они застыли.

— Доктор Нейман? — заговорила Кэтрин. Я прочел это по губам. Она находилась по другую сторону полимерного стекла и забыла включить интерком. Пришлось подождать, пока до нее не дойдет. — Доктор Нейман… что у вас в шприце?

— Морфий, — пробурчал я, и вышло невнятно, потому что я закусил рукав. Но, думаю, она поняла. Сделав укол, я опустил рукав. — От боли.

Лаборанты переглянулись, Джейсон наклонился к микрофону:

— О какой боли вы говорите, доктор Нейман?

Я был разочарован. Эти ребята считались интеллектуальной элитой своего поколения. Вот он я: в Тисках, со шприцем морфия, а они теряются в догадках.

— Думаю, скоро все станет ясно.

На стене Стеклянного кабинета имелась Большая Красная Кнопка. Если откинуть прозрачную пластиковую панельку и нажать ее, все обесточится. Табличка гласила: «ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОЙ СИТУАЦИИ». Рядом же когда-то приладили примечание: «СТОП! НЕ ТРОГАЙ!!! ИДИОТ!» — лаборанты любопытны. Джейсон покосился на кнопку.

— Будь добр, свяжись с медицинским отделом, — попросил я.

К его чести, Джейсон сделал вид, что собирается позвонить. Он потянулся за трубкой, взял ее. И тут же метнулся к Большой Красной Кнопке.

Но моя кнопка была ближе — в руке. Тиски были включены и выжидающе гудели. Их стальные пластины разделяло около фута. Я сидел на краю, свесив настоящую ногу.

Хорошо, что я все продумал заранее, так как морфий уже добрался до нейронов, обволакивая синапсы. Если бы я не подготовился, Джейсон добрался бы до Большой Красной Кнопки раньше, чем я успел привести Тиски в действие и расплющить ногу. Но я позаботился, а он — нет, и я все успел.

4

Я очнулся, но не в больнице. Мне понадобилось время, чтобы осознать это, поскольку перед глазами все расплывалось и потому что я был должен, обязан находиться в больнице.

— …уже едут, — говорил кто-то. Похоже, тот самый тип. Мой начальник Д. Питерс. — Пара минут, плюс-минус.

— Этаж очистили? — Этот голос был женский — знакомый, но плохо опознаваемый.

— Да, остались медики.

Вернулись ощущения. Руки на моем теле — крепкая хватка специалистов. Но говорили другие. Голоса доносились издали. Говорившие смотрели, а руки работали.

— Отвратительно, — вздохнула женщина.

— Ты не обязана тут быть.

— Это дерьмо. А я — уборщица дерьма. Поэтому я здесь.

Д. Питерс прокашлялся.

— На этот раз никакого несчастного случая, полагаю.

— Нет.

— Что ж… это хорошо. Согласны?

— Просто замечательно. Наш сотрудник — самоубийца.

— Я имею в виду…

— Известна ли вам статистика производственных травм, *помимо* случаев, когда люди нарочно суются в машины?

— Я только…

— Возможно, вам предстоит отбиваться от следователей, Дик. Подумайте, что им сказать. Потому что расследование неизбежно.

— Кассандра, я вовсе не собираюсь…

— Если происходит несчастный случай, вы объясняете следователям, кто напортачил, как и что вы сделали для того, чтобы это не повторилось. Принятые меры снимают проблему. Активные меры нравятся всем, — вещала кризис-менеджер Кассандра Котри. — Какие же меры нам предпринять сейчас? Кто виноват?

— По-моему, в первую очередь — он.

— Такой ответ подведет нас под суд. Не подвергался ли он давлению, чтобы выйти на работу раньше времени? Обеспечили ли мы адекватное психологическое консультирование? Как мы следили за его психическим состоянием? Ощутил ли он радушный прием?

— Понимаю.

— Если честно, было бы проще, если бы он умер от потери крови.

Руки замерли в нерешительности. Я попытался приподнять голову, но смог лишь приоткрыть глаз. Надо мной зависло солнце, злое и ослепительное. Что-то знакомое. Лабораторное освещение.

— Он пошевелился, — сказал Д. Питерс. — Видели?

Новый вздох.

— Терпеть не могу дерьмо. Ненавижу.

— Но вы отлично справляетесь.

— Я знаю, — ответила она.

Я отключался и пробуждался. Не знаю, как долго. Я чувствовал удовлетворение. Тепло. Хотелось почесать ногу, но можно было и потерпеть. Однажды я открыл глаза, увидел знакомый потолок больничной палаты и снова заснул. Все шло как надо.

Пришла сестра и стала с чем-то возиться возле моей постели. Она была крупная и красивая. Я вспомнил, что ее звали Кейти. Я попытался поздороваться. Я был рад ее видеть и хотел, чтобы она об этом знала. Моя рука скользнула по ее халату. Она повернулась и скрестила на груди руки. «Что?» Ее глаза бесстрастно взирали на меня. В итоге она вернулась к прикроватному столику и с треском задвинула ящик. Я не знал, чем обидел сестричку Кейти, видимо, что-то серьезное.

Немного отойдя от лекарственного дурмана, я сбросил простыню, чтобы оценить ущерб. Мне казалось, что во второй раз будет не так ужасно, но я ошибся. Раньше я видел место, где должна была находиться нога. Я был человеком без ноги. Теперь я стал существом, которое заканчивалось на бедрах. Коротышкой. Я закрыл глаза и заплакал, так как внезапно понял, что совершил страшную глупость.

Однако позднее я вспомнил, что вовсе не безног. У меня были ноги. Я просто их не носил. Они настоящее произведение искусства, и я сделал их сам. Они уже совершеннее отпущенных мне природой, а вскоре станут еще лучше. Рассуждать подобным образом было легче, если не смотреть на культи. Я утешал себя: все наладится, как только я доберусь до новых ног. Это не потеря. Это переход в новое состояние.

Вернулась сестра Кейти. За окном было темно. Больничную тишину нарушал лишь скрип сестринской обуви. Я все витал в облаках, но не настолько, чтобы не заметить отсутствия

телефона. В прошлый раз все личные вещи доставили вместе со мной. Но сейчас — ничего. Я изголодался по интернету и страстно желал чего-то с процессором внутри.

Сестра Кейти проверяла капельницы молча, хотя я лежал и смотрел на нее.

— Привет, — сказал я.

— Здравствуйте.

— Вы не видели мой телефон?

— Ваш телефон? — Кейти уперла руки в боки.

— Он был в кармане рубашки. Моей одежды почему-то нет.

— Вам не положено хранить здесь одежду.

Я мялся, потому что это был не ответ.

— Вы знаете, где она?

— Да, и вам не положено держать ее здесь.

Я повторил попытку:

— Одежда мне не нужна, нужен телефон. Не могли бы вы посмотреть в кармане?

— Нет.

Кейти обогнула кровать и подняла простыню. Мне не было видно, что она делала, — должно быть, проверяла катетеры. У меня их было два: мочевой и кишечный. Никто мне этого не объяснил. Я сам догадался, когда не мог больше терпеть. Они стали для меня облегчением во всех смыслах слова. Калоприемник кажется отвратительным, но он куда функциональней, чем высиживанье унитаза. Все запечатано и обработано. Если вдуматься, то дефектной предстанет естественная система.

— Объясните, почему вы не можете вернуть мне телефон?

Кейти опустила простыню.

— Потому что вы находитесь под надзором после попытки суицида.

Я был так огорошен, что ничего не ответил. Она развернулась и заскрипела по коридору прочь.

Теперь ясно, куда делись брюки. Но я не понимал, почему все вокруг на меня обозлились. Не только Кейти. Майк, купая меня, выглядел подавленным, был уклончив и не шутил. Сестра Вероника со стуком швыряла поднос с едой на передвижной столик. Я был слишком запуган, чтобы выпрашивать телефон. Вместо этого, я лежал на кровати и смотрел телевизор с выключенным звуком, не желая никому досаждать.

Меня навестила мой хирург Анжелика Остин, та с кудрявыми волосами и нетерпеливыми манерами.

— Значит, вернулись. — Не спросив разрешения, она откинула простыню. Надавила пальцами. Я ничего не почувствовал. Она могла бы отбивать на мне стейки. — Заживает нормально. — В ее голосе прозвучало сожаление.

Я посмотрел вниз. Разница между культями поражала. Я не считал, что правая вполне зажила, но по сравнению с новой она просто излучала здоровье. Ее напарница распухла, блестела и была утыкана трубками. Еще не скоро мне удастся засунуть ее в протез без криков и стонов. Или без горсти таблеток.

— Я полагаю, процесс выздоровления обсуждать незачем, — сказала Анжелика Остин. — Он еще свеж в вашей памяти.

— Я не самоубийца.

Она проигнорировала мою реплику:

— Боли не беспокоят?

— Очень. — Не то чтобы правда, однако сестры не соблюдали режим назначений, вынуждая меня требовать больше и раньше. — Я не самоубийца.

— Это вы обсудите с психиатром. Не моя область.

Она взглянула на культю. Выражение ее лица напомнило мне эпизод школьной поры, когда девочка, которую я едва знал, вдруг заявила: «У тебя красивые глаза». Ее следующими словами были: «А толку-то?»

— И когда он придет?

— Скоро.

— А точнее? — Ответа не последовало; я сменил тактику: — Могу я получить свой телефон? Не вижу в нем ничего опасного.

Анжелика Остин щелкнула ручкой и что-то записала в мою карту.

— А Лола Шенкс придет?

— Может быть, позже.

— Почему я всех раздражаю?

Доктор Анжелика Остин опустила свой планшет:

— Ничего подобного.

Она раздраженно сверкнула глазами и ушла.

Ночью я почувствовал сильнейший зуд в обеих ногах. Меня должны были уколоть в полночь, но на часах уже было 12.17, а лекарств не принесли. Я потел, дрожал и в итоге удерживал кнопку вызова нажатой, пока не пришла сестра Вероника — через девять минут. Она взглянула на меня, как на слякоть.

— Извините, — сказала она. — Я была занята с пациентами, которые пытаются выкарабкаться.

Шли дни, но ко мне никто не приходил. В этом смысле все оставалось как в прошлый раз. Разница была в том, что теперь я

желал посещений. Не всяких. Ее. Я мечтал, чтобы в палату ввалилась Лола Шенкс с охапкой ног в руках.

Я не решался спросить о ней. Поскольку сестры держались враждебно, уведомить их о каком-то своем желаний было бы стратегической ошибкой. Мой рацион служил тому доказательством. Но и ждать я тоже не мог. На пятый день я составил план вылазки через весь этаж к телефону в коридоре. И тут свершилось чудо: она явилась. Никаких протезов при ней не было. Она пришла сама по себе, в свободной больничной блузке и спортивных брюках. Она остановилась в дверях и уставилась на меня сквозь очки.

Я подтянулся и сел:

— Привет! Привет.

Лола приблизилась, не доходя до кровати:

— Ты раздавил себе вторую ногу.

— Ага.

— Нарочно.

— Да.

— Зачем? — Слово упало, будто имело немалый вес. Ударилось об пол и осталось там лежать.

— Потому что… — Я не знал, как объяснить. Все казалось очевидным. Она видела опытный образец.

— Ты хочешь умереть?

— Да нет же!

— Ты ненавидишь себя?

— Нет. Хотя… — Я задумался. О некоторых своих составляющих я был невысокого мнения. Но я не испытывал к ним ненависти. Я просто считал, что они могут быть лучше. — Нет.

— Тебе нравится боль?

— Что? Конечно нет.

— Тогда я не понимаю.

— Когда люди соглашаются на лазерную коррекцию зрения, никто не думает, что они пытаются себе навредить. Они лишь терпят недолгую боль ради усовершенствования тела. Ты занимаешься лечебной физкультурой. Ты заставляешь людей потеть, напрягаться и выполнять болезненные упражнения. У тебя самой… уши проколоты! Ты прокололa мочки потому, что ненавидишь себя? Ты катишься к суициду? — Лола втянула в себя воздух, но я нашел правильные слова и хотел их высказать. — Боль не является моей целью. Моя боль — побочный эффект, так как человеческое тело настолько несовершенно, что радикально улучшить его можно, лишь выбросив все, что есть, и отстроив заново. Я только хотел апгрейда. В этом нет ничего странного.

Люди ходят для этого в спортзал. Разница лишь в том, что у меня есть доступ к передовой технологии.

Тут я понял, что зашел слишком далеко. Лола пришла в движение.

— Подожди, — сказал я. — Давай я сформулирую иначе.

Но она склонялась все ближе. Не успел я понять, что происходит, она уже поцеловала меня.

Однажды на студенческой вечеринке мы с некой девушкой сидели на драном кожаном диване и я рассказывал об альтернативных вселенных. Она подалась вперед, словно желая что-то сказать, приоткрыла рот и повалилась на меня. Не знаю, как это вышло. Зрачки у нее были расширены. Наверное, в том и была причина. Я был потрясен и не знал, что делать. Все время, пока мы целовались, я боялся, что сделаю что-то не так и она перестанет. Голова у нее отяжелела, поцелуи становились все менее пылкими, и в итоге она заснула. Я понял это не сразу. Мне следовало сообразить. Я обнял ее, лег рядом, и это было по-настоящему здорово.

Я говорю об этом потому, что до поцелуя Лолы Шенкс тот случай оставался самым страстным переживанием в моей жизни, а произошло это двенадцать лет назад, то есть весьма и весьма давно.

— Лола, — произнес кто-то в дверях.

Губы Лолы оторвались от моих. Потеря была ужасна. Я увидел моего хирурга, доктора Анжелику Остин, источавшую ярость.

— Я только… — Плечи Лолы поникли.

Анжелика Остин поманила ее пальцем. Лола бросила на меня взор, исполненный вины и обещания. Она отвернулась. Рука ее соскользнула с моего плеча. Доктор Анжелика стояла поодаль, и Лола тяжело прошла мимо. Мне хотелось сказать «подожди», или «вернись», или даже «спасибо», но взгляд доктора Анжелики меня остановил. *Тебе не видать моей девочки* — как бы говорила она. Потом взялась за дверь, как будто хотела хлопнуть ею, но передумала, так как я пребывал под надзором из-за попытки самоубийства.

Лола не вернулась. Когда Кейти принесла мне обед, я спросил, нельзя ли увидеть Лолу, и Кейти пообещала выяснить, но тон ее выдал: она уже знала, и ответ — отрицательный. Позвонить я не мог: у меня не было телефона. Выбраться из кровати я тоже не мог: у меня не было ног. Даже если бы я

дотянулся до кресла-каталки, мне помешала бы сеть трубок и пакетов. Я оказался в ловушке.

Утром меня навестила Кассандра Котри, кризис-менеджер из «Лучшего будущего». Поверх полосатой блузки с широким воротником и короткой юбки она надела приталенный серый пиджак. Все вместе, вероятно, называлось: «школьница с Уолл-стрит». Ее желваки гуляли от сострадания.

— Ох, Чарли. — Она приложила руку к груди. — Ох, Чарли. — Она придвинула к моей постели стул и посмотрела на меня увлажнившимися глазами. — Вы не представляете, как я огорчена. Всем случившимся. Самой собой. Всей этой ситуацией.

Я вспомнил, как Кассандра Котри и Д. Питерс обсуждали меня, покуда я истекал кровью на полу четвертой лаборатории. Память подводила, и я не мог вспомнить сказанного. Но у меня было чувство, что мне следует рассердиться.

— Я искренне думала, что мы оказывали вам всю необходимую поддержку. Но я ошиблась. Конечно же нет. Мне очень жаль. Я обязана выяснить: чем еще вам помочь?

— В каком смысле?

— В смысле… — Она положила ладонь мне на руку. Ее пальцы были удивительно теплыми. Мне почему-то думалось, что они окажутся холодными. — В том смысле, чтобы вы почувствовали себя нужным.

Мне понадобилось время, чтобы разобраться. Я плохо понимаю иносказания. Я все воспринимаю буквально и лишь позднее осознаю услышанное.

— Говорю вам, я не пытался покончить с собой. Твержу об этом снова и снова. Я не хотел покончить с собой. Я просто хотел сменить ноги.

Кассандра Котри разинула рот, как будто собираясь что-то сказать, затем закрыла его, наклонила голову и прищурилась.

— С одной ногой неудобно, — объяснил я. — Приходится пользоваться заменителем, копирующим оригинал, что невозможно в принципе и навязывает вам все недостатки протеза. Или же сделать действительно приличную искусственную ногу, но тогда начинает мешать настоящая, которая не поспевает за ней. Все равно что в машине заменить одно колесо ногой шофера. Наступает момент, когда природа начинает мешать прогрессу.

— Не уверена, что понимаю, — сказала Кассандра Котри.

— Могу показать. Мои ноги на работе.

— Ваши… — Она прикрыла ладонью рот. — Чарли, у вас нет ног. Их расплющило.

— Я не о тех ногах. Я говорю о новых. О тех, которые сделал

сам.

Она расслабилась.

— Тут нет ничего сложного. Сначала я изготовил протез. Потом понял, что в паре он будет лучше. Поэтому я избавился от натуральной ноги.

— Чтобы… суметь…

— Чтобы носить искусственную пару.

— Искусственную пару… ног.

— Именно.

— Потому что… потому что…

— Потому что искусственные — совершеннее.

Кассандра Котри окаменела. Ее рука лежала на моей мертвым грузом. Я поежился от неловкости. Я не понимал, как объяснить доходчивее. Секунды текли. Я кашлянул. Кассандра Котри вскочила со стула. Лицо ее не изменилось. Когда она заговорила, двигались только губы:

— Вы… мне нужно подумать. Позвольте… Я вам перезвоню… насчет этого.

Она поворотилась и пошла прочь, движениями напоминая марионетку.

— Постойте, — сказал я. — Вы можете прислать ко мне протезиста? Лолу Шенкс?

Кассандра Котри медленно обернулась. Время шло. Она смотрела на меня, но мыслями витала далеко. Потом судорожно кивнула. Но я не думал, что она действовала осознанно, а по отсутствию Лолы Шенкс понял, что не ошибся.

В дверях нарисовался незнакомый мужчина. Его шея вырастала из ворота, подобно древесному стволу. Руки его походили на черные лопаты. Серая рубашка лопалась от мускулов, каких у меня никогда не было. Охранник.

— Привет.

У него была книга. Я решил, что это роман. Наверное, Кассандра Котри заметила, что мне нечем заняться.

— Меня зовут Карл. Я из «Лучшего будущего».

Воцарилось молчание. Мне нравится общаться с людьми, которые не говорят без надобности, но меня устрашало телосложение Карла. Я был не столько унижен, сколько не сочетался с ним. Карл жил в мире, где успех измерялся физическими достоинствами. Его мозг служил потребностям тела, а не наоборот. Не понимаю таких людей. Кто знает, чего им хочется или может захотеться.

Карл кивнул, как будто мы о чем-то договорились. Он удалился. Я услышал, как в коридоре скрипнул стул. Отсчетом

времени стал звук переворачиваемых страниц.

Когда сестра приносила еду, лекарства или проверяла, не промокаю ли я, за ней следовал Карл. Он стоял, скрестив руки-лопаты, и зорко следил за каждым ее движением. Не знаю, чем он занимался, но мне это нравилось: он заставлял сестер нервничать. Однажды я нажал кнопку вызова, и, когда истекли две минуты, а никто не пришел, Карл заскрипел стулом. Вернулся он с нянькой Майком в поводу.

— Мне нужен мой телефон, — сказал я Майку. — И я хочу увидеться с Лолой Шенкс.

Кнопку я нажимал не для этого. Мне понадобилась телепрограмма. Но вот он пришел, и я решил его прощупать.

Майк посмотрел на Карла:

— Извините, доктор Нейман. Ничем не могу помочь.

Карл промолчал. Майк приосанился. Итак, победа откладывалась. Но мои позиции явно упрочились.

Карл перестал шелестеть страницами. Он сидел за дверью. Я слышал скрип стула. Но он не читал. Я решил поговорить с ним. Я могу быть коммуникабельным, если подготовлюсь заранее.

— Карл?

— Да, сэр? — Его силуэт заполнил дверной проем.

— Зачем вы здесь?

— Простите?

— Зачем вы здесь?

— Не знаю, сэр. Куда меня посылают, туда и иду.

— Вы караулите меня, чтобы не убежал?

— Я не думаю, что вы в состоянии убежать. При всем уважении, сэр.

— Тогда зачем?

Он пожал плечами, будто вздымая горы:

— Наверное, компания хочет, чтобы за вами присматривали.

Это меня не устроило. Но я не знал, как до него достучаться.

— Вы дочитали книгу?

Он вскинул брови:

— Да.

— И о чем она?

— Ничего особенного. Просто время скоротать.

Я ждал. Он прочистил горло:

— Она о мужчине, который путешествует назад во времени. Спасает невесту.

— Отчего?

— От пожара.

— И у него получается?

— Да. Но он создал временную петлю, ему пришлось вернуться снова и убить ее.

— Прискорбно.

— Ага, — согласился Карл. — Типа печаль.

— Можно мне почитать?

— Не знаю, понравится ли вам. Не такая уж она и заумная, эта книжка.

— Мне все равно больше нечего делать.

Он вышел в коридор и вернулся с романом. Тот назывался «Вселенская зыбь». На обложке был изображен мужской силуэт на фоне горящего здания. Страницы пожелтели и загнулись.

— Похоже, ее не раз перечитывали.

— Точно. Моя невеста погибла.

— Что вы говорите!

— Но тут пожар ни при чем. Автомобильная авария.

— Беда. — Я не знал, что сказать. К такому я не был готов. — Мои соболезнования.

— Спасибо. Прошло восемь лет.

— У меня никогда не было невесты.

— Беда, — эхом повторил Карл.

— Мне бы хотелось.

— Да, я могу… Советую, в общем. — Он выдержал паузу. — Они понимают нас. Это ни на что не похоже — никто не знает, пока не случится… никто.

Я кивнул, повертел в руках книгу. Так примерно я себе и представлял.

— Обложка меня бесит, — сообщил Карл. — В книге нет такого, чтобы он стоял перед этим домом. Там квартира. И дверь не открывается. Вот почему его невеста погибает. Она внутри, а он не может вышибить дверь. Сил не хватает. Зачем было на обложке все путать?

Я покачал головой. Я не знал.

— Ведь это важно. Это главное в книге. Вот и моя Лили, я не смог вытащить ее из пикапа. Тоже сил не хватило. — Он хрустнул пальцами. — Тогда я не был накачан. Не сумел открыть дверцу.

— Да, настоящее несчастье.

— Точно, — подтвердил он. — Случилось несчастье.

Мы обменялись кивками. Молчание было непринужденным. Какое-то время.

— По-любому, — заговорил Карл, — я теперь начеку, если вдруг случится разрыв времени.

— Путешествие в прошлое наверняка невозможно, если верить гипотезе о защите хронологии.[6] — (Карл никак не

отреагировал.) — Я хочу сказать… что оно чрезвычайно маловероятно.

— Знаю.

Я попытался измыслить способ завершить беседу. Но было поздно: молчание стало напряженным.

— Надеюсь, вам понравится книга, — сказал Карл.

— Спасибо, — ответил я.

Прошло два дня. Карла сменил белый парень, любивший напевать и отбивать ногой мелодии из телепередач. Он вошел и спросил, смотрел ли я последнюю игру «Бриджей»,[7] а я не знал, о каком спорте речь, и на том наше общение завершилось. Я погрузился в Карлову книгу. Герой ее пытался исправить собственную жизнь, но ему мешали законы физики. Вернее, не сами законы — авторская их версия. Мне понравилось, что он не оставил попытки. Он несколько раз и разными способами разрушал мир, но неизменно возвращался назад и поступал иначе. Меня привлекала его хватка. Если желаешь невозможного — никогда не сдавайся, вот в чем идея.

Мне приснились крохотные, сжимающиеся пространства, и я проснулся, задыхаясь, весь в поту; ноги кололи тысячи иголок. Тело давало сдачи. Оно уведомляло меня, что более не потерпит потери своих частей. Тело не знало, что я не принимаю приказов от внутренних органов. Я был сознанием, которое обслуживала и поддерживала биологическая матрица, а вовсе не наоборот. Этим эгоистичным глыбам мяса и синапсов следовало проникнуться программой, ибо если дело дошло до выбора между мной и ими, то победа будет за мной.

Меня разбудил голос Лолы. Был день, мозг оставался в тумане. Я плыл к бодрствованию, подобно утопающему.

— …на одну минутку? — просила она.

— Извините, мэм. — Голос принадлежал новому охраннику.

— Лола… — прокаркал я.

— Чарли?

— Простите, мэм, вам туда нельзя.

— Всего на минуту.

— Нет, мэм.

— Я хочу ее видеть, — воззвал я к нему. — Пропустите ее.

— Простите, мэм, — твердил охранник, как будто меня не было. — Извините.

На пятый день сняли трубки. В том числе и приемники. Я не

понимал, чем занимается Кейти, пока не стало поздно. Я смятенно взирал на пластиковые пакеты.

— А нельзя их оставить?

— Нет. Может развиться инфекция.

Позади нее тенью высился Карл. Я не хотел обсуждать все это при нем, но мне и вправду нравились катетеры.

— А нет ли таких же для постоянного ношения? Как у вас живут паралитики?

— Вы не паралитик. — Кейти бросила трубки в мешок с надписью «Опасные биологические отходы». — Можете сходить в туалет, как все остальные.

Я ничего не сказал. Так оно и было. Мог и сходить. Но с какой стати? Мы обладали передовой технологией утилизации отходов, однако не пользовались ею лишь потому, что предпочитали испражняться в сосуд с водой и вытирать остатки древесной трухой. Но я понимал, что такой довод не подействует на Кейти. Прежде чем она унесла приемники, я внимательно рассмотрел их, чтобы запомнить устройство.

Я начал тренироваться. Лежа на спине, я поочередно поднимал культи вверх, а затем переворачивался на живот и повторял процедуру. По три серии из десяти репов. Репы означали повторы.[8] Я нахватался терминов. Помимо этого, я отжимался. Звучит, но в моем случае все было прозаичнее, так как я опирался на бедра. В школе мы называли это отжимашками для девчонок. Было приятно чувствовать, что тело мне подчиняется, хотя причиной удовольствия служили эндорфины, которыми мозг меня поощрял. Как если бы мне приплачивали за мытье машины. Но продолжал заниматься, так как знал, что этого захотела бы Лола.

Меня навестили психиатры — четверо, явились скопом, словно на конференцию. Двое мужчин, две женщины, один из мужчин — чернокожий. Казалось, они сошли с рекламы недвижимости или лекарств для улучшения качества жизни, адресованной верхушке среднего класса. Черный парень непринужденно привалился к стене. Он был спокойный, расслабленный и улыбался мне как старому знакомому.

Начались церемонии. Они поинтересовались моим мнением о больнице. Одна из женщин — блондинка с заостренными ушами — восхитилась панорамой за окном. Можно подумать, она ни разу не поднималась на лифте. Они переключились на тему работы. Это далось им легко, так как я мало что говорил, помимо «да» и «нет».

— Насколько я понимаю, вы отчасти изобретатель, — высказался белый мужчина. Он развалился на стуле, но до спокойной расслабленности чернокожего недобирал. — Придумываете разное.

— Ноги, — вмешалась остроухая. И улыбнулась с намеком: не каждому дано.

— Да, — ответил я.

— Расскажите подробнее.

Впервые за встречу повисло молчание.

— Что же тут скажешь? Это ноги — я не знаю, о чем вам рассказывать. — Я посмотрел на чернокожего в надежде, что тот вмешается, все успокоит и расслабит, но не тут-то было. Я вздохнул. — Послушайте, клянусь, мне не нравится боль. Я не хочу себе навредить. Я не…

— А! Конечно. Это мы знаем, — рассмеялся мужчина. — Вам незачем убеждать нас в вашем психическом здоровье, доктор Нейман.

Я переводил взгляд с одного лица на другое:

— Тогда о чем вы хотите узнать?

— О ногах, которые вы изготовили, — ответила женщина. — Мы понимаем, что они лучше любых современных протезов.

— Да. Насколько мне известно.

— По сути, они настолько совершенны, что вы… решили раздавить себе вторую ногу. Чтобы… привести себя в соответствие.

— Верно.

— Они мощные? — спросил черный мужчина, подпиравший стену. — Должны быть мощными.

— Более или менее.

— И только-то?

— Их нужно доработать.

— Ну, разумеется. — Он со значением поглядел на своих спутников. — Что именно доработать?

— У него появились новые идеи. — Это сказала женщина с заостренными ушами. — Ни секунды не сомневаюсь.

— Не могли бы вы поделиться этими идеями с нами? — предложил тот, что разлегся на стуле. — Это возможно?

— Вы назвались психиатрами, — сказал я.

— По-моему, нет. — Он окинул взглядом окружающих. — Разве кто-то так сказал?

— Я, например, работаю в кадрах, — сообщила остроухая. — Там поневоле станешь психиатром.

— Если мне не изменяет память, мы сказали, что хотели поговорить о вашем самочувствии.

Я попытался сверить воспоминания. Возможно, оно так и было.

— Эти ноги… вы сконструировали их в рабочее время?

— Мм… да.

— Не волнуйтесь, — успокоил меня мужчина на стуле. — В этом нет ничего страшного. Уверяю вас.

— Абсолютно ничего, — подтвердил тот, что прислонился к стене.

— Мы, как вы поняли, из «Лучшего будущего», — заговорила женщина, которая до сих пор молчала. Маленькая, ярко одетая, она смахивала на птичку. — И мы, доктор Нейман, чрезвычайно довольны; мы готовы оказывать поддержку и всячески содействовать вашему проекту. — Она сцепила пальцы.

Доктор Анжелика Остин не хотела выпускать меня из больницы. Это было немного забавно, так как сестрам не терпелось от меня избавиться. Они спорили над моим ложем, как будто я был неодушевленным предметом.

— Мне наплевать, чего хочет его компания, — говорила доктор Анжелика. — Я его врач и считаю, что он не готов к выписке.

Сестра Кейти продолжала паковать мои вещи. Над ней молча нависал Карл. Еще две сестры следили из дверей: Вероника и Челси.

— Что ж, директор распорядился иначе, — парировала Кейти.

Вероника вторила ей невнятным мычанием.

Доктор Анжелика Остин раздраженно листала мою карту.

— Тут нет записи психиатра. — Она подняла взгляд на Кейти. — Святые угодники, как так вышло?

— Его компания сказала…

— Консультацию психиатра назначила я, — перебила ее доктор Анжелика. — Я лично послала их в эту палату. Куда они делись?

Тут заговорил Карл. Все вздрогнули, и я в том числе, поскольку привыкли к тому, что он стоял немой как скала.

— Это я их не пустил.

— Вы? — Доктор Анжелика выпрямилась во весь свой рост — небольшой, но все-таки впечатлявший. В ней была стать. Может быть, этому учат в мединституте. Или набираются от сверстников, у которых есть лыжи, костюмы и фамильное серебро. Мы, инженеры, сутулимся. — Но вы же не имеете права?

— Имею.

— И на каком основании?

— Потому что его мозг является коммерческой тайной и

интеллектуальной собственностью «Лучшего будущего».

У доктора Анжелики взлетели брови. Кейти застегнула молнию на моей сумке. Это звучало непререкаемо. Она сложила руки на груди, цокнула каблучками и воззрилась на доктора Анжелику.

— Я собираюсь оставить его еще на день.

Стоявшие в дверях Вероника и Челси дружно выдохнули.

— Вы не можете этого сделать, — молвила Кейти.

Доктор Анжелика, словно ее не слыша, черкала что-то в моей карте.

— Физически он здоров. Запрета от психиатра нет. Он желает выписаться. Его компания желает, чтобы его выписали. Директор велит его выписать.

Доктор Анжелика слегка покачала головой, давая понять, что весь день ее донимают разные бюрократы, каковое обстоятельство прискорбно, но совершенно не удивительно.

— А его лечащий врач — против.

— Вы знаете, что за этим последует, — негромко напомнила Кейти.

Ручка доктора Анжелики зависла. Какой драматический момент! Я чуть не засмеялся: что — на самом деле? Ее уволят? Карл свернет ей шею? Скорее всего, «Лучшее будущее» просто найдет мне другого врача. Но доктору Анжелике происходящего было достаточно, чтобы признать поражение. Ее гонор сдулся. Она отправится домой, нальет себе красного вина и уставится в стену. Будет гадать, зачем она борется с коммерческими интересами в корпоративной больнице, если хотела лишь помогать людям. А утром, когда она выйдет из своего красивого дома и отопрет автомобиль с откидным верхом, она все вспомнит.

— Они ждут, — поторопила Кейти. — Что мне им сказать?

Доктор Анжелика бросила планшет на поднос, как вещь, ставшую бесполезной.

— Передайте им, — велела она, — что я настоятельно рекомендую держать нашего пациента подальше от режущего и давящего технического оборудования.

5

В лимузине мне никак не сиделось спокойно. Я хлопал по бедрам: ладони вспархивали воробышками. Я пристегнул ремень, всмотрелся в тонированное окно и подумал, что хорошо бы ехать быстрее. Как бы то ни было — сколько осталось до «Лучшего будущего»? Я не помнил жилых застроек, мелькавших за окном. Я подался вперед, чтобы спросить у водителя, на заблудились ли мы, но заставил себя сдержаться, — разумеется, нет. Мне просто не терпелось увидеть мои ноги.

— Уже скоро, — молвил Карл.

Я подпрыгнул. Совсем забыл, что он сидел рядом и заполнял собою половину машины. Он был большой, но тихий.

Я сжал кулаки. Мне следовало чем-то занять их. Я вспомнил о телефоне. Сумка, собранная в больнице, стояла на сиденье рядом: я расстегнул молнию и начал рыться в старых вещах, которых не видел несколько недель. Телефона там не было. Я откинулся на спинку и выдохнул. Вот сволочи.

— Что-то не так?

— Телефон.

— Пропал?

— Да. Представьте себе, он пропал.

Я не хотел язвить и просто выбрал не тот объект, чтобы срывать злость.

— Хотите за ним вернуться?

Я открыл рот, собираясь ответить утвердительно.

— Не вопрос, — сказал Карл.

— Не могли бы вы… попросить их прислать его?

— Запросто.

— Курьером или как им удобнее.

— Конечно.

— Хорошо, — заключил я. — Так и поступим.

Я выглянул в окно, продолжая барабанить по бедрам. Мимо проносились здания.

Лимузин остановился. Карл выскочил наружу — как пробка из бутылки шампанского. Я только начал поворачивать ручку, как он распахнул передо мной дверь. Я сощурился. Карл поднял меня и пересадил в ожидавшее тут же инвалидное кресло. Раздались аплодисменты. Я не понимал, что происходит. Затем Карл отступил, и я обнаружил, что вдоль асфальтовой дорожки к вестибюлю выстроились сотрудники. При виде меня они разразились приветственными возгласами. Я все еще пребывал в

смятении. Передо мной стояла Кассандра Котри, молитвенно сложив перед собою руки. Она пошла ко мне с распростертыми объятиями, затем склонилась и поцеловала меня в щеку.

— Добро пожаловать домой, — шепнула она.

Семь лет — ни одного поцелуя, а теперь — сразу два за неделю. Если бы речь шла о лабораторных данных, я заподозрил бы грубое нарушение чистоты эксперимента. Кассандра Котри положила мне руку на плечо, и Карл покатил коляску к вестибюлю. Люди тянули ко мне руки: дай пять. Женщина из отдела обработки вершин, которая на собраниях всегда старалась сесть от меня подальше, прошептала: «Вы само вдохновение». Я ничего не мог понять.

Воздух внутри был прохладным и отлаженным.

— Я взяла на себя смелость и расширила ваш отдел, — сообщила Кассандра Котри. — Что вы думаете о Джейсоне Хуанге? Я его оставила, несмотря на посредственные характеристики.

— Мне нравится Джейсон.

Карл остановил кресло. Кассандра Котри обогнула его и заглянула мне в глаза. Она была очень красива. Она казалась константой, занимающей естественное место под солнцем. Трудно было представить ее какой-то иной — расстроенной или усталой. Наверное, вечность является свойством красоты.

— Джейсон очень хорош.

— Я всего лишь хотела предоставить вам лучших.

— Но почему?

Кассандра Котри глубокомысленно кивнула, как будто вопрос был серьезный и требовал вдумчивого ответа.

— В больнице вы заявили, что искусственное — совершеннее. Это вызвало здесь некоторый интерес. В самых высоких кругах. Обсуждалось на всех уровнях, вплоть до Менеджера. — Она нащупала мой взгляд; я понятия не имел, кто такой Менеджер. — Что вы скажете о вашей собственной линии производства?

— Собственная линия производства — чего?

— Протезов… — Она осеклась. — Искусственных надстроек. Высококачественных биоразработок. Мы не знаем, как это назвать. Но мы хотим, чтобы вы ими занялись. Мы обеспечим полное финансирование всех изысканий и идей, какие только придут в вашу золотую… бесценную голову.

— Вы хотите, чтобы я делал протезы?

— Да.

— Зачем вам это понадобилось?

— А вам самому не интересно?

— Интересно. Но… Я не бизнесмен, однако…

— Правильно, — рассмеялась Кассандра Котри. — Вы не бизнесмен. Предоставьте это нам.

— Но…

— Я менеджер среднего звена, — сказала она. — Некоторые находят это уничижительным, но я считаю иначе. Вышестоящие принимают решения, подчиненные — выполняют. Эти люди живут в разных реальностях. Весьма непохожих. Моя работа заключается в том, чтобы их сблизить. Объединить миры. Иногда они не вполне совместимы, а иногда я даже не понимаю, как они там живут, но суть не меняется: я их свожу. Я похожа на переводчика. Но я ближе к земле. И без меня компания не сможет работать. Без менеджеров среднего звена, которые объединяют миры. Поэтому позвольте мне покуситься на вашу реальность, Чарли. Известно ли вам, сколько денег крутится в медицине? Много. И с каждым годом все больше: кто-то изобретает искусственное сердце, и людям не важно, сколько оно стоит, — оно им необходимо. Потому что ты продаешь им жизнь. — Она моргнула. — Ты продаешь им жизнь. — Она похлопала себя по карманам. — Мне нужна ручка. Но в чем проблема медицины? Рынок ограничен больными людьми. Представьте: вы гробите тридцать миллионов на разработку лучшего в мире аортального клапана, а кто-то берет и вылечивает заболевания сердца. Это беда. Конечно, не для… обычных людей. Я имею в виду компанию. Финансовая катастрофа. Я к тому, что бизнес-риски подобного рода вынуждают верхушку нервничать, когда речь идет о крупных капиталовложениях. Но то, что вы предлагаете и о чем рассказывали в больнице… это медицина для здоровых. Вот что их возбуждает. Они представляют себе устройство. Скажем, селезенку. Они не имеют понятия. И я не имею понятия. Это ваше дело. Но допустим, что вы создали искусственную селезенку, которая лучше натуральной. Более надежную, безопасную, со встроенным контролем кровяного давления. Не сомневаюсь, что вам придут в голову и другие идеи. Но такое устройство мы можем продать любому. Рынок охватывает весь мир — всех, кто хочет, чтобы их селезенка работала лучше. И каждый клиент — навсегда. Буквально. В больнице вы упомянули апгрейды. Давайте представим, что вы купили Лучшую Селезенку. Проходит несколько лет, и вот появляется Лучшая Селезенка — два! Точно такая же, но умеет проверять электронную почту. — Она рассмеялась. — Я говорю глупости. Но вы уяснили принцип действия бизнеса. Эта модель подразумевает повторение. Я была на том совещании, Чарли, так вот один выступавший сказал, что люди меняют мобильники каждые тринадцать месяцев. Тринадцать месяцев. Выбрасывают старый, который обожали,

поскольку появилось что-то новое. Более сексуальное. Есть еще один аспект. Они видели ваши ноги. Они считают, что в них присутствует некая… эстетика. Вы не пытались подражать природе. Вот в чем разница. Вы создали новое. Нечто самостоятельное — простите за каламбур, я имела в виду другое. Я хотела сказать, что в них ощущается искусство. Это сдвиг парадигмы. Потому что обычные протезы — я не хочу никого обидеть — выглядят несколько отталкивающими. Безжизненными. А потому возникла следующая мысль — это дело отдаленной перспективы, но об этом подумывают: что, если отдать Лучшие Органы на откуп моде? Разве нельзя? Может быть, кто-то купит искусственный зуб лишь потому, что тот лучше смотрится. Или искусственное ухо. Если мы станем спонсорами спортсменов… паралимпийцев… они могут сделаться объектами вожделения. Они крепкие, они эффективные, они среди нас. Им принадлежит будущее. Маркетинг отметил, что мы давно прокалываем себе тело, следуя моде. Физически вводим металл в ушные мочки, губы, подбородки и бог его знает, куда еще. Вы видели таких ребят. Вот чего они ищут. Носимые аксессуары. Сверхфункциональные, суперсексуальные кибертела. Вы, Чарли, помогли компании разглядеть рынок прямо под носом. Среди нас самих. И наша компания обладает уникальным преимуществом: она будет первой на этом рынке. Вот почему вам выделили ресурсы. Теперь вы понимаете?

— Примерно, — ответил я, подумав.

— Рада, что вы с нами, — улыбнулась она.

Карл покатил меня в лаборатории, Кассандра Котри шла рядом. Я думал, меня отвезут в Стеклянный кабинет, но они свернули налево, в четвертую. В коридоре выстроились молодые люди — как я понял, мои новые лаборанты. Когда Карл миновал их, до меня дошло, почему они стояли снаружи: внутри не хватило места. Все помещение было заполнено белыми халатами. Кроме центра: там в лучах света стояли мои ноги. Отполированные. Прекрасные. Кассандра Котри не ошиблась. Я немного удивился тому, что это кто-то заметил, так как красивы они были лишь в смысле функции: красивы, потому что работали. Пучки изолированных проводов толщиной в руку змеились меж голых стальных опор и вкруг промасленных поршней-катушек. Компьютерный короб был примотан к бедру черной изоляционной лентой. Икры изгибались кзади, как у газели. Стопы представляли собой заключенные в сферы роторные двигатели; один длинный палец торчал вперед, два гнутых — назад.

Присутствующие аплодировали.

— Вы — мой кумир, — выдохнул Джейсон.

Я его и не заметил.

— Что? — переспросил я, полагая, что ослышался.

— Вы и Исаак Ньютон. И Барри Маршалл.[9] И Кюри. Такие люди, как вы, готовы положить себя на алтарь науки. Поставить опыты на себе. Я отдаю вам честь.

Карл подвез меня к ногам.

— Кеннет Уорик[10] — пацан по сравнению с вами, — продолжал Джейсон. — Пусть ему будет стыдно!

Карл поднял меня на руки, как ребенка. Он нес меня к ногам, словно спасал из горящего дома.

— Так хорошо? — спросил он.

— Да, — ответил я.

И он опустил меня в гнезда. Я поморщился: травмированная левая нога задела пластик, но тут ягодицы опустились на сиденье, и боль утихла. В этих ногах не было необходимости стоять: я присел и расслабился. Мои руки потянулись к бедрам. Там находились панели управления. Большие пальцы нащупали кнопки включения и вдавили их. Моторы, при всей своей мощности, работали очень тихо, но не бесшумно. Ноги приподнялись на пальцах, согнулись, приняли устойчивое положение.

Мои зрители рукоплескали и восторженно восклицали. Глаза Кассандры Котри сверкали. Я улыбался. Аплодисменты не смолкали. Происходящее казалось мне прекрасным и ужасным одновременно. Я хотел, чтобы все ушли и я мог в одиночестве наиграться своими ногами, но в то же время хотелось, чтобы люди остались навсегда.

Касанием пальца я двинул вперед левую ногу. Она поднялась, разогнулась и топнула. Пол хрустнул. Вернее, это я надеялся, что хрустнул именно пол. Но проблема возникла в любом случае. Я повторил операцию с правой, чтобы сделать второй шаг. Движение качнуло мое тело назад, потом — вперед, и мне секунду казалось, что я выпаду. Я отнял руки от панели управления и схватился за сиденье. Все в порядке. Я привыкну. Похоже на езду верхом. Ну то есть на то, как она мне представляется. Сам-то я никогда верхом не ездил. Я восстановил равновесие и сделал еще один шаг. И еще. *Хрусть. Хрусть.* Люди освобождали мне путь. Двое снимали на камеру. Надо было очистить помещение. Нельзя работать в такой сутолоке. Подумав об этом, я вдруг сообразил, что понятия не имею, как управлюсь с двадцатью лаборантами. Мне и с троими-то было трудно. Может

быть, получится уговорить Кассандру Котри забрать их назад. Я поискал ее в толпе и осознал, что она стояла в Стеклянном кабинете, являя размытую зеленоватую версию самой себя. Она наблюдала с безопасного расстояния. Здесь же находился лишь я посреди сонмища лаборантов. Я остановился. Все молчали. Изредка шаркали подошвы. В этом зале собралась целая куча очкариков.

— Итак, — сказал я, — какие будут мнения?

Откашлялся парень с ужасной кожей, невероятно тощий:

— Интерфейс грубоват. В идеале, по-моему, надо что-то придумать с нервными импульсами.

— Нервами занимается Кренкмен, — вмешалась девушка. — Я раньше работала у него в проекте. Сплайсинг.[11]

Они придвинулись. Некоторые становились на колени, чтобы разглядеть ноги поближе. Я почти чувствовал прикосновения их пальцев.

— Это железо немало весит.

— Можно облегчить — сделаем стержни полыми.

— Титановыми?

— Нужен ударогаситель. Не знаю, как без него спускаться.

— Мм, — промычал тощий.

И я расслабился: все шло своим чередом.

Кюри, как известно, умерли. Открыли ионизирующее излучение, купаясь в нем.[12] Быть подопытным кроликом опасно. Но традиция давно укрепилась в ученой среде: платить за познание собственной жизнь. Я не заслуживал их общества, ибо, говоря откровенно, не стремился к высокому. Я просто хотел сделать себе ноги получше. Мне ничуть не жалко — пусть другие получают в далеком будущем какие-то косвенные дивиденды, но у меня были иные мотивы. Какое-то время я даже терзался по этому поводу угрызениями совести. Каждый раз, когда лаборант смотрел на меня восхищенным взором, ощущал потребность признаться: «Послушай, я не герой. Мне просто интересно взглянуть, на что я способен». Но позже до меня дошло, что все великие, наверно, думали так. Все эти выдающиеся ученые, рискнувшие собой, чтобы принести свет во тьму, — возможно, они тоже не были такими уж альтруистами? Может быть, они были похожи на меня и выясняли, на что способны.

Я попытался дозвониться до Лолы. Телефона у меня не было, пришлось прокатиться к столу в Стеклянном кабинете. Я позвонил через оператора: гудки раздались не сразу, а когда пошли — ими все и ограничилось. Мне показалось странным, что

в больнице никто не отвечает; я вновь связался с оператором и попросил проверить номер. «Номер правильный», — ответила девушка. Я повторил, но результат был тот же.

Я разбил лаборантов на три группы: Альфа, Бета и Гамма. Только так можно было с ними справиться. Они соревновались, а я разъезжал среди них, и все, что мне нравилось, воспламеняло энтузиазм и бурную деятельность. Бета предложила совершенно новый дизайн: нога на колесах, почти колесница. Она до того мне понравилась, что я возглавил работу. Тогда Альфа и Гамма тоже занялись колесами, а Бета обвинила их в интеллектуальном плагиате. Началось светопреставление. Лились слезы. Я предложил Гамме заняться пальцами или чем-то подобным. Им это понравилось. Они возбудились и воспользовались преимуществом в четыре руки, показывая Бете непристойные жесты. Я словно вернулся в институт, но теперь меня уважали. Время от времени, проезжая по коридору, я обнаруживал спящих вповалку: лаборанты настолько уматывались, что ложились на пол, не в силах добраться до дому. Повсюду были бутылки с газировкой.

Все полагали, что Бета первой начнет испытывать свою модель, но с колесами вышел затык. Добиться хорошего сцепления на неровной поверхности не удалось, не помогли даже вращающиеся комплексы на независимой подвеске с клейкими сенсорными тормозами. Пришлось побиться на лестнице, пока до нас не дошло. Мы наделали в стенах выбоин, сокрушили ступеньки и выгнули участок перил. Но поражение было лишь способом выяснить, что работало, а что — нет.

Затем Альфа объявила: им есть что показать. Они базировались во второй лаборатории, где жили крысы Кэтрин, пока их не отправили куда-то еще. Кэтрин последовала за ними. Я представлял, как ей предложили выбрать — либо крысы, либо я. Мне все еще мерещился их запах, хотя его не могло быть: в ходе уборки мы выкачивали весь воздух.

Ноги от Альфы напоминали мою предыдущую модель, но были длиннее, изящнее и сделаны из титана. Изоляции стало меньше, возросло число заказных блоков из углеродного полимера. Я проехался вокруг и оценил. Ничем особенным сегодня я заниматься не собирался — только подгонкой и балансировкой. Для ходьбы слишком много проводных соединений. Нет пока и нервного интерфейса. И все же, когда лаборанты вытащили меня из кресла и опустили в гнезда, мое сердце екнуло.

— Порядок. — Я пристегнулся.

Джейсон держал пульт управления. Он включил питание. Ничего не произошло. Из ног повалил дым. Вокруг закричали. Чьи-то руки схватили меня и выволокли прочь. Кто-то сорвал огнетушитель и залил ноги пеной. Покончив с неразберихой, мы начали заново.

Я позвонил оператору и попросил соединить меня с городской справочной службой.

— Если вы ищете номер, я могу сделать это сама, — предложила девушка.

Я отказался. Дозвонившись, я спросил у робота-консультанта номер больницы. Тот предложил соединить меня напрямую, и я согласился. Раздались гудки. В больнице сняли трубку. Едва я открыл рот, чтобы попросить к телефону Лолу Шенкс из протезирования, как связь прервалась.

Я отнял трубку от уха и посмотрел на нее. Затем положил на рычаг. Перезванивать оператору не имело смысла. Но я хотя бы понял, в чем проблема. Теперь следовало заняться ее решением.

В меня довольно долго втыкали иголки. Не шприцы. Крошечные кусочки стали со встроенными электродами. Идея была в том, чтобы подсоединить их к моим усеченным бедрам для считывания сигналов из мозга с преобразованием импульсов в моторизованные движения. Под это дело мы создали четвертую команду из работников, снятых с других проектов. Поначалу она называлась Дельта, но стоило кому-нибудь употребить это слово в привычном сленговом значении — «допуск на ошибку», как возникала путаница, и это случалось часто, а потому они переименовали себя в Омегу. Мы превратили лабораторию в медкабинет, и я лежал на столе, а высокая широкоскулая лаборантка Мирка колола меня. Вначале это было поистине мучительно, но после дела наладились, стоило лишь понять, что оборудование считывает информацию, даже когда я накачан по самые брови. Я вкалывал себе анальгетики и отпускал сознание погулять, покуда Мирка колдовала над металлическим песком, дабы обеспечить наилучшее восприятие электрического языка моего мозга.

Ноги постоянно болели. Логично было бы назвать это побочным эффектом ежедневного иглоукалывания, но все началось раньше. Это напоминало фантомные боли. Я не принимал этого понятия, полагая его глупым. Я мог понять физиологическую боль. Пусть даже неврологическую. Неврология — наука о нервах. Существовали химические реакции, и на них

можно было указать. Но психология — наука, опирающаяся на сказки. Все равно что объяснять вулканическую активность байками про гнев богов, изгнанных пасынков, месть и предательство. Я не верил в психологическую боль.

Но я не мог обойтись без сна. Поэтому однажды я взял в постель пару ног. Это были ранние легковесные модели, фактически палки, которые мы использовали в качестве прототипов, а затем отвергли. Я поставил их у кровати и выключил свет. Позже, проснувшись от ноющей боли в несуществующих мышцах, я затащил ноги в койку, вставил бедра в гнезда, ухватился за ступни и принялся вручную сгибать и разгибать пластик. Идею я позаимствовал из статьи о лечении фантомных болей при помощи зеркал для создания оптической иллюзии, убеждающей мозг в наличии конечности. Теперь вам понятен мой скепсис. При сгибании я чувствовал, как несуществующие мускулы расслабляются, а псевдокровообращение восстанавливается. Я потеребил пластик. Хорошо, как и то, что никто меня не видит. Я с облегчением выдохнул.

В конце концов ноги от Альфы перестали воспламеняться. Я оседлал их и осторожно шагнул. Они двигались плавно, сервомагниты работали почти бесшумно. Пол не проваливался. Ничто не взрывалось и не дымило. Я подошел к стене. Получилось не очень гладко, но я не был знаком с оборудованием. Я развернулся и направился обратно к центру. Поднял ногу. Я не потерял равновесия. Не выпал. Я согнул ступню. Она раздваивалась. На самом деле она больше смахивала на копыто. Я опустил ее, поднял другую. Все еще на коне. Я оглянулся и увидел вокруг счастливые лица. Я тоже улыбнулся: мы делали успехи.

Затем настала очередь нервного интерфейса. На него мне пришлось потратить больше времени, чем на что-либо другое. Придумав что-то механическое, я мог обычно поручить исполнение кому-то еще. Но чтение нервов было делом личного свойства. Я словно выделял из ливня капли, видные только мне. Я сутками просиживал в первой лаборатории; от бедер тянулось тридцать восемь проводков, пытавшихся прочесть мои мысли. Забавный способ самопознания. Например, когда я представлял, что шевелю большим пальцем, частота достигала 42,912 гигагерца, но та же картина была, когда вспоминал музыку кантри. Никогда бы не подумал, что эти две вещи похожи. Но потом я вспомнил, что притоптываю в такт, — так что вполне

возможно. Так или иначе, с этим явлением приходилось разбираться заблаговременно — до того, как я выйду наружу, а кто-нибудь врубит Кении Роджерса.[13]

Располагая базовой неврологической схемой, я осваивал движение в режиме компьютерного моделирования. Мы загрузили в компьютер каркасные модели ноги, и я попробовал управлять ими силой мысли. Сначала они не реагировали. Затем стали дергаться, изгибаться и пытаться идти сразу в трех направлениях. Методом проб и ошибок я медленно продвигался к полезным действиям. После каждой шестичасовой сессии у меня кружилась голова, и я с трудом соображал, где нахожусь. Я ехал по коридору, и мне казалось, что мир состоит из геометрических линий и углов. Мне снилось, что я — каркас, образованный зелеными лучиками.

Лаборанты стали носить очки с толстыми стеклами. Вид у них был чудной. Линзы — мутноватые, как молоко, подобно изнанке солнцезащитных очков. Не прошло и недели, как в них щеголяла половина Гаммы. Я особого внимания не обращал, принимая происходившее за очередной выверт молодежной моды, но, когда прибыл в первую лабораторию на свидание с Миркой и ее иглами, Мирка надела их тоже, и мне пришлось спросить.

— Это Зет-очки,[14] — объяснила Мирка. Мне показалось, что она удивлена моим незнанием, но за стеклами было не видно. — Никогда не пробовали?

Я покачал головой. Мирка сняла свою пару. Там был элемент, которого я прежде не замечал: два проводка, заканчивавшиеся плоскими металлическими клеммами. Мирка отлепила их от висков. Я с некоторым опасением последовал рекомендациям Мирки, закрепил контакты на черепе и надел очки. Все вокруг выглядело размытым. Затем лицо Мирки проступило. Я никогда не думал, что мои глаза обладают столь низкой разрешающей способностью.

— Разрешение отличное, — сказала Мирка. — Но главное в них — увеличение. Сдвиньте брови. Вот так.

Я повторил движение. Ее лицо рванулось ко мне. Я вскинул руки, а Мирка смеялась.

— И наоборот — для уменьшения. — Она помогла мне сесть прямо. — Поняли?

Я выбрал в лаборатории угол и резко приблизил его. Там валялась скрепка — большая, как будто я стоял над ней на коленях. Я приближал и удалял, выискивая мелкие предметы и увеличивая их. Не уменьшая ничего, я повернул голову, и к горлу

подступила тошнота. Значит, плохая мысль. Удаляем, поворачиваемся, приближаем.

— Вам обязательно сделают такие же, — сказала Мирка. — Если попросите. Сделают в Гамме.

— Это придумала Гамма? — Я снял очки. Мир потускнел.

— Гамма вовсю занимается периферией, — кивнула она.

Я лег. Мирка наполнила шприц морфием. Я ничего не имел против экспериментов Гаммы. Я сам им это и поручил. Но сомневался, что хотел от них очки. Почему — я не знал. Пока Мирка вводила мне в вену раствор, я гадал: не потому ли, что их придумал не я? Отдел, конечно, работал не на меня одного. Он разрабатывал коммерческую продукцию для потребительского рынка. Когда Кассандра Котри объясняла мне правила, меня все устраивало. Но теперь уже я не был уверен, что они мне нравятся.

Я поднялся в лифте на четвертый этаж корпуса С, где находился кабинет Кассандры Котри. Она уже несколько раз приходила в лабораторию, но я всегда либо плавал в дурмане, либо был поглощен каркасами — мы так и не поговорили. Я знал только, что она приводила на экскурсию начальство.

Я катил по ковру настолько толстому, что у меня заболели руки. Корпус С был красив. Весь комплекс «Лучшего будущего» выглядел привлекательным, но в утилитарном, конструкторском смысле, когда красота равна простоте. Мы предпочитали прямые линии и параболические кривые, никакого просачивания чего-то во что-то. Здесь же буйствовали краски. Я не был большим поклонником искусства, но все же чуть расслабился.

Кабинет Кассандры Котри находился на пересечении коридоров. Время встречи было назначено заранее, но я пришел раньше и задумался, не пройтись ли пока туда-сюда.

— Чарли! — Кассандра Котри вышла из-за стола и пригласила меня войти. — Спасибо, что нашли время.

Она прикрыла за мной дверь. Кабинет был невелик и весь завален толстыми книгами. Имелась низкая софа, картина с изображением круга и компьютер — скорее стильный, чем мощный. Окон не наблюдалось.

— Выпьете чего-нибудь?

— Нет. Спасибо.

Она привалилась задом к столу и скрестила руки. Белокурые волосы блестели в искусственном свете, вбирая ультрафиолет.

— О вашей работе говорят только хорошее. Все крайне взволнованы. Это делает вам честь. Как руководителю.

— Я ничего в этом не смыслю.

— Не скромничайте. Я знаю, что вы не считаете себя

таковым. Но вашим сотрудникам не нужен надсмотрщик. Им нужен вдохновитель интеллектуального толка. Тот, кто воспламенит в них негаснущее желание творить. И такой человек — вы.

Я поерзал в моем инвалидном кресле.

— Послушайте меня. Для продвижения по служебной лестнице необходима самооценка. Кто-кто, а я-то знаю. При первом разборе моей деятельности начальница сказала: «Кассандра, вы прилежны, умны, мотивированы и трудолюбивы, но придется научиться довольствоваться меньшим, чем совершенство». Тогда я не согласилась, но она была права. Я была вынуждена научиться принимать то, что не все работают с моей отдачей. Что результаты, которые мне кажутся неприемлемо сырыми, на самом деле вполне приличны и вредно устраивать масштабные разбирательства, доводя людей до слез и угроз уволиться. И знаете что? Это умение пригодилось мне не только как менеджеру, но и как личности. Потому что раньше я была, скажем, несколько одержима. — Она улыбнулась. — Вы никому не сказали о моей диастеме?

— О чем? — Тут я вспомнил о щели между ее зубами. — Нет.

— Спасибо, Чарли. Я говорила по секрету.

— Гм, — хмыкнул я. — Вообще-то, я хотел обсудить с вами пальцы.

— Слушаю, — кивнула она.

— Ими занималась Гамма. Они начали сами. Я лишь хотел, чтобы они перестали собачиться с Бетой. Но они сделали кое-что интересное, и теперь у нас есть рука. Действующая. Ею можно заменить обычную руку. Она несовершенна — в основном из-за отсутствия чувствительности, но есть и преимущества. Она сильнее. И многофункциональна. Например, можно подсоединить к пальцу спектрограф, чтобы ощущать электромагнитные волны. В нашей работе это было бы очень полезно. И все ее элементы поддаются апгрейду. Поэтому перед нами открывается много возможностей для усовершенствования.

— По описанию — то, что нам нужно.

— Я так и подумал. И она уже готова. К испытаниям.

— Вы хотите, чтобы я нашла человека, которому нужен ручной протез?

Я покачал головой:

— Я могу обойтись сам.

— Вы можете… вы хотите сказать…

— Я могу заменить свою руку.

Кассандра Котри некоторое время молчала.

— Весьма благородно с вашей стороны, Чарли. Но я думаю,

мы найдем испытателя.

— Не возражаю.

— Могу лишь… поблагодарить вас. Но вы не можете испытывать на себе все ваши бионические новинки. — Она улыбнулась. — Или можете?

— Вполне, — ответил я.

— Чарли, вы выполняете уникальную работу. Руководство не нарадуется положению дел. Я тоже. Откровенно говоря, мне поначалу казалось, что проект закончится катастрофой. Хорошо, не катастрофой — полным бардаком. Но вы взяли и опровергли мои опасения. Так что давайте… продолжим делать то, что делаем. А я найду человека, которому нужна рука. Договорились?

Я молчал.

— Вот и славно, — сказала она. — На том и порешим.

Мы провели живое испытание нервного интерфейса. Оказалось, что ноги от Альфы сгибались недостаточно для того, чтобы иголки не выдергивались при каждом движении, а потому я в итоге переключился на разработку Беты. Этот мой шаг спровоцировал страхи и торжество, так как после фиаско с колесами Бета плелась в хвосте. Но дело было в технологии. Ноги от Беты весили в два раза меньше и были сделаны из стали-серебрянки: из всех моделей они больше всего напоминали настоящие ноги. Не считая ступней-копыт. Копыта нас полностью устраивали. Я подсоединил иглы; двое лаборантов вставили меня в ноги от Беты и придали вертикальное положение. На этой стадии еще ничего не включали. Ассистенты покинули помещение и начали собираться за зеленым стеклом Стеклянного кабинета. Я нервничал. Не столько потому, что собирался проверить, как будет выглядеть прямое подключение мозга к паре самоходных искусственных ног, сколько из-за наплыва зрителей. Большим пальцем я нашарил пусковую кнопку и положил другую на аварийный выключатель. Взглянул на Стеклянный кабинет, и Джейсон ответил жестом: все в порядке. Случись что с пусковой кнопкой или аварийкой, он был готов отключить питание дистанционно. Все это было излишне, так как мы подали на ноги лишь десятую долю мощности. И тысячу раз проверили их на виртуальной модели. Сюрпризов сегодня не будет.

Я вдавил пусковую кнопку. Услышал тонкий писк. Я постарался не обращать на него внимания и предельно отчетливо представил, как поднимаю правую ногу и делаю шаг.

Ничего не произошло. Я открыл глаза, полный разочарования. Затем посмотрел вниз: моя правая нога стояла впереди левой. Я имею в виду ногу от Беты. Она сделала точно

так, как я велел, — настолько гладко, что я не заметил. Когда я взглянул на Стеклянный кабинет, за трехдюймовым слоем прозрачного зеленоватого пластика мои лаборанты безмолвно прыгали и ликовали, их Z-очки мотались из стороны в сторону.

Чем больше я возился с рукой от Гаммы, тем сильнее она мне нравилась. Забавное дело: стоит узнать о существовании лучшего — и то, что имеешь, начинает казаться несносным. Всякий раз, когда я хлопал себя по карманам в поисках беджа, меня посещала мысль: «Мне не пришлось бы это делать, будь он вмонтирован в палец». За токарным станком и над монтажной платой я то и дело тянулся за инструментом, и, когда пальцы соскальзывали или дрожали руки, я злился — сколько можно, в конце-то концов! То же и с Z-очками: хотя они были тяжелыми и давили на нос, мне было жаль их снимать. Рука была не столь совершенна, и я погрешил бы против истины, если бы отстаивал ее превосходство перед биологическим эквивалентом. Но в ней было что-то такое, от чего я не мог отказаться.

Я достроил IP-клиент голосовой программой и набрал номер больницы. Исходящие проваливались в никуда. Неудивительно: корпоративный файрволл старался вовсю. Ирония работы в самой передовой исследовательской лаборатории мира заключалась в том, что интернет-соединение работало на скорости модемного. Фильтр отслеживал буквально все. Я поиграл с настройками портов: не помогло. Можно было попробовать замаскировать аудиопоток под обращение к Википедии. Я задумался. Идея казалась осуществимой.

Другим вариантом был выход за пределы «Лучшего будущего» ради звонка из телефона-автомата, но должен признаться, что он пришел мне в голову гораздо позднее.

Ноги развивались скачкообразно. Не в буквальном смысле — лабораторные потолки невысоки. Прыжки нам пришлось отложить для полевых испытаний. Но я уже мог бить копытом. Я мог преодолеть препятствие на уровне колена и не сломать. На самом деле я мог это сделать и не заметить, так как ноги чувствовали поверхность. Мне оставалось лишь мысленно указать пункт назначения, и, пока они занимались делом, я мог размышлять о чем угодно. Таким, на мой взгляд, и должно быть пешее путешествие.

Прошли сутки, и все оставалось в порядке. Я выходил в ногах за пределы лаборатории, прогуливался по коридору. Мы прозвали их Контурами за плавные изгибы. Эти ноги радовали глаз. Мне

хотелось показать их Лоле. Но мне так и не удавалось связаться с ней — вот уже пять недель.

Однажды я устраивался в Контурах — и ноги начали складываться. Этого не должно было случиться. Им полагалось быть обесточенными. Один из лаборантов в панике закричал. Я посмотрел на поршни, на щель, сужавшуюся между ними, и потянулся, как будто мог остановить их.

Послышался хруст. Яркая вспышка боли. Кто-то визжал. Ко мне тянулись руки. Я увидел лицо Джейсона, искаженное горем. «Простите», — повторял он снова и снова. Я взглянул на свою руку. Она была зажата, образуя бутерброд с коленом Контуров и просевшим гнездом. Было много крови. У меня закружилась голова. «Простите», — повторил Джейсон. Он отвечал за техническое состояние Контуров, покуда я не вставал в них. Но мы следили за этим не слишком строго, благо все шло прекрасно.

— Пожалуйста, простите меня.

— Все в порядке. — Я был близок к обмороку, но хотел, чтобы он услышал. — Не страшно.

— Чарли! — позвала Лола.

Ее голос приобрел механическую окраску, так как мой компьютер выделял его из IP-пакетов, замаскированных от корпоративного сниффера под увесистое поздравительное письмо. Но ее радость слышалась безошибочно. Я испытал облегчение. Прошло много времени, и всякое могло случиться.

— Я звонила тебе раз сто!

— Правда?

— Да! Мне все время отвечали, что ты занят, и предлагали оставить сообщение. Я раздобыла твой домашний номер, но автоответчик уже переполнен.

— Меня не было дома.

— Давно?

Я задумался.

— С марта.

— Чарли, — она понизила голос до шепота, — по-моему, тебе пора выбраться оттуда.

— Зачем?

Я хотел почесать щеку и промахнулся. Взглянул на руку: снова забыл надеть указательный палец.

— Я просто решила, что это здравая мысль.

— Хорошо.

— Давай встретимся, — сказала она. — Пиши адрес.

Я потянулся за ручкой — рукой, на которой были пальцы.

Несколько лет назад парень из отдела гелей пырнул трех человек битой колбой Шленка.[15] Его пришлось выкуривать слезоточивым газом. Он буянил и кричал, что всем плевать на его лабораторные отчеты. Один из пострадавших умер. И после в коридорах изо дня в день толпились люди, твердившие друг другу: «Невероятно! У меня в голове не укладывается. А у вас?» Они собирались в необычные компании: инженеры вместе с маркетологами и бухгалтерами. Каждый хотел убедиться в согласии собеседника: такое не укладывается в голове.

Сначала я тоже качал головой, как делали все. Я не хотел никого обидеть. Но в итоге мне надоело, и я заявил, что парень — и это вполне очевидно — был глубоко расстроен. Я высказал это моей лаборантке Илейн — той самой, у которой плохая кожа и которая уволилась из-за ночных кошмаров. Илейн взглянула на меня, как будто что-то искала: «Да, но расстроиться так глубоко, чтобы совершить то, что он сделал…» Я ответил, что именно так и поступают глубоко расстроенные люди: предаются насилию. Илейн возразила: «Но сами-то вы никогда такого не сделаете». А я сказал, что, возможно, и нет, но в тех же условиях и при том же поводе разумно было бы допустить, что я повел бы себя так же. Я принадлежал к тому же биологическому виду. Никто не виноват в агрессивном настрое, когда мозг затоплен вазопрессином.[16] Все происходит так и не иначе. Вы роняете стакан, он падает на землю. Вы, может быть, этого не хотели, но стакан ни при чем. Не стоит выносить моральные суждения, ибо причина порождает следствие. Мы являемся биологическими машинами. Наши желания обусловлены химически. Введите монашке соответствующий химический коктейль, и она начнет раздавать оплеухи. Такова реальность.

Все это казалось мне очевидным и простым, но я, вероятно, сформулировал неудачно, так как тем же днем мне позвонили из отдела кадров. Мне сообщили, что все травмированные инцидентом могут записаться на психологическое консультирование, и поинтересовались, не хочу ли я воспользоваться этим предложением, а я ответил отрицательно, но они возразили, что, может быть, и придется, — несмотря ни на что, и я три часа общался с каким-то лысым типом в его кабинете. В конце концов он вроде бы уяснил мою точку зрения или хотя бы уверился, что я не собираюсь расстреливать сослуживцев. Он заявил, что наша ответственность как цивилизованных существ отчасти заключается в обуздании наших низменных инстинктов. С чем я согласился, но тут же представил себе причудливость ситуации: мир вежливых, улыбчивых мужчин и женщин, лишь на каплю серотонина[17] отстоящих от варварства и

притворяющихся, что это не так. Дело казалось мне поправимым.

Я прошел в четвертую лабораторию и залез в Контуры. Несколько человек из Гаммы, обретавшиеся поблизости, с любопытством воззрились на меня сквозь Z-очки.

— Испытания? — спросил один.

Я покачал головой, включил питание и поднял Контуры на уровень ходьбы. Я сделал шаг-другой и вышел из лаборатории.

На выходе из лифта меня уже поджидала четверка охранников. Одним из них оказался Карл, человек-гора.

— Добрый день, сэр, — поздоровался он. — Куда-то собрались?

Мои ноги уже начали его объезжать, и прошла секунда, прежде чем я их остановил. Они были с норовом. Торможение отозвалось вибрацией. Я заметил, что вокруг больше не было никого. Помещение опустело.

— Да. Наружу.

— Куда именно? Мы подвезем вас.

— Просто наружу, — ответил я. — Входит в испытания.

— Извините, доктор Нейман, но для полевых испытаний нужно разрешение.

Я стиснул зубы.

Карл не был ни в чем виноват, но я был разозлен разлукой с Лолой. «Выйду, и все», — подумал я. Ибо вряд ли они могли меня задержать. Я не хотел претворять это в мысленную инструкцию, которую могли воспринять Контуры. Но я уже сказал, что они были с характером. И они сорвались столь стремительно, что мне пришлось вцепиться в сиденье гнезда.

— Тпру, — сказал я.

Карл метнулся наперерез, как заправский лайнбекер.[18] Контуры обогнули его и потопали к вестибюлю.

— Доктор Нейман! — кричал Карл. — Стойте!

Его голос метался в стеклянных стенах. Он звучал грозно, и, может быть, поэтому Контуры перешли на бег. Поршни несли меня к застекленным дверям. Те не успели открыться вовремя, и программа предупреждения столкновений остановила меня столь резко, что я ударился лбом в дымчатое стекло. Было больно. Придется это исправить. Но вот зазор между дверями стал шире, и Контуры снялись с места.

Я будто оседлал отбойный молоток. С каждым шагом шея вздергивалась и пыталась избавиться от головы. Когда копыта попирали землю, мой подбородок бился в грудь с достаточной силой, чтобы сломать зубы. Сквозь слезы я видел, что

приближаюсь к шоссе, и подумал: «Остановитесь хотя бы здесь». Не тут-то было. Они влились в автомобильный поток. Я потянулся к кнопке аварийного выключения, но промахнулся. Возможно, и к лучшему, как я понял потом, благо мне не хотелось терять скорость перед надвигавшимися машинами. Седан промчался так близко, что вихрь разметал мне волосы. Сигналил грузовик величиною с дом. Я услышал истошный вопль и понял, что кричу я сам. Глубоко в Контурах что-то щелкнуло — я скорее почувствовал, чем услышал. Они остановились. Я оказался на пути у грузовика. Я приготовился умереть. Мне предстояло понять, почему не следует проводить полевые испытания нового устройства, будучи к нему примотанным. Грузовик собьет меня, а когда остановится, водитель увидит длинный кровавый след, заканчивающийся сверкающей парой безупречных титановых ног. Это станет окончательным оправданием моих трудов. Доказательством превосходства искусственных органов и надобности тщательнее вычищать баги софта.

Ноги присели и прыгнули. Автомобили и шоссе внезапно уменьшились и отдалились. Я отпустил сиденье и замахал руками — пытался не то уцепиться за воздух, не то воспарить. Взлет замедлился. Всего лишь миг я спокойно летел вперед в шестидесяти футах над землей, не падая и не взлетая. В этом была известная красота. Затем мир стал больше и опаснее. Мозг вычислил конечную скорость: сорок миль в час. С ней я врежусь в тротуар.

Снизу на меня уставились женщина с малолетним сыном. Они замерли точно там, куда мне предстояло упасть. Это было ужасным совпадением. Но вскоре я понял, что нет. Так было рассчитано. Эти люди смягчат удар. Я запрограммировал ноги от столкновений в горизонтальной плоскости, но все, что оказывалось под ними, считалось землей. В лаборатории это выглядело логичным.

Мать дернула сына, уже далеко не младенца, за руку. Я не раз наблюдал, как женщины боролись с детьми такого возраста в супермаркетах и на парковках. Как правило, дети не двигались с места. Но падающий с небес человек вызвал столь мощный выброс адреналина, что ребенок вспорхнул как перышко. Я врезался в тротуар в нескольких дюймах от них. Под копытами треснул асфальт. Взметнулось облако пыли. Мой позвоночник изогнулся как-то очень и очень нехорошо. Дыхание сбилось, и я набрал полные легкие асфальтовой крошки. Подо мною зашевелились Контуры, изготавливаясь бежать. Я попытался приказать им задержаться, чтобы принести извинения женщине и

убедиться, что с ней и с ее сыном — а также со мной — ничего не случилось. Однако ногам не было дела до этого. Их вселенная определялась местонахождением, пунктом назначения и оптимальным путем между ними. Остальное было не важно. Они явно намеревались меня убить.

Они бежали десять минут. Все это время я цепко держался за них, умоляя остановиться. В лаборатории нельзя смоделировать ситуацию, когда смертельный ужас оказывается помехой способности нервного интерфейса интерпретировать мысленные команды. Причина была только в этом — или же Контуры обладали собственной волей. Я мчался мимо пешеходов. Когда я наконец закрыл глаза и сдался, ноги остановились. Я огляделся и увидел оживленный перекресток. Я находился в деловой части города. Прошли секунды. Ноги не двигались. Я перевел дыхание.

Галстук лежал на плече, как высунутый язык. Рубашка насквозь промокла от пота. Пиджак был серым от асфальтовой пыли. Я был похож на бомжа. Механического бомжа. И я рассмеялся, потому что мне было смешно, и мои ноги остановились, и я был жив, и это были самые безумные, неподвластные мне десять минут за всю жизнь.

Я обдумал возвращение в «Лучшее будущее». Шансы найти кафе, где меня ждала Лола Шенкс, казались призрачными. Мне следовало выключить питание и ждать, пока кто-нибудь не остановится и не поинтересуется моим самочувствием, — тогда я попросил бы его позвонить в компанию. Теперь, размышляя над этим, я понимал, что должен был встроить сотовый телефон. Серьезный недосмотр. Как бы то ни было, практика показала, что в Контурах имелись крупные функциональные недочеты, — и я не мог им доверить нести себя куда-то еще. Затем до меня дошло, что я стою перед кафе, внутри которого попивает кофе Лола.

Я колебался. У кафе был зеленый навес, фурнитура — стальная; хорошо одетые люди ели настоящую пищу. Я не хотел сцен. Но там была Лола. Я подумал: «Может быть…» — и ноги восприняли это как зеленый свет. Они устремились через дорогу. В дверях пришлось пригнуться, чтобы не удариться лбом. Лица повернулись в мою сторону. С вилок свисала лапша. Глаза Лолы встретились с моими. Ее волосы были собраны в хвост. Она надела желтое платье, свободное в груди, но намертво обтягивавшее руки. Лола улыбнулась, как будто ничто не имело значения, кроме моего присутствия, а я улыбнулся в ответ, так как чувствовал то же.

Контуры прошли меж столиков. Они вели себя прилично.

— Привет, — сказал я, не в силах стереть с лица улыбку.

Лола была права: я и впрямь слишком долго не выходил из лаборатории. Я забыл, что значит общаться с людьми ради удовольствия.

— Привет. — Она взглянула вниз, потом назад.

В кафе говорили мы одни. Мы огляделись по сторонам, и все отвели глаза. Посетители откашливались и с избыточной увлеченностью возобновляли беседу. Они были вежливы. Меня это немного задело, так как я не был инвалидом.

— Давай же садись.

Контуры уселись, поршни сложились. Я по-прежнему возвышался над столиком, но меньше. Лола разинула рот:

— Эти… выглядят иначе.

— Мы далеко продвинулись.

— А где панель управления?

Я постучал по голове:

— Нервный интерфейс.

Лола моргнула:

— Чарли, это… грандиозно.

Она уставилась на руку, которую я хотел скрыть. Это была механическая рука. Я собирался окружить ее пластиком, но пока она представляла собой металлический каркас, увитый проводами. Я спрятал ее под стол.

— Она еще не доделана.

Лола смотрела на меня сквозь ресницы. Когда она заговорила, ее голос был низким, гортанным:

— Чарли… что ты там сделал?

— Да ладно, — ответил я. — Ты знаешь.

— Покажи.

Я оглянулся. Посетители вернулись к своим делам или притворялись, что вернулись. Я положил руку на стол.

Лола сидела, будто проглотила аршин. Казалось, она не дышала.

— Можно потрогать?

— Да.

Ее пальцы придвинулись ближе. Они изучили мой указательный палец, пробежались по тылу кисти. Мне остро не хватало обратной связи.

— Ну и ну, Чарли…

На щеку ей прыгнул солнечный зайчик, отразившийся от дома напротив. Непослушная прядь, выбившаяся из хвостика, вспыхнула в его свете огнем. Я почувствовал, что воспаряю над собственным телом. Физическая оболочка оставалась позади, я же делался невесомым и неосязаемым.

Лицо Лолы на миг осветил резкий луч фар. Я повернулся на звук мотора. Прямо на бордюр перед кафе въехал белый фургон, оттуда высыпали охранники «Лучшего будущего».

— Черт побери, — произнес я.

Это все, что я успел, прежде чем они ворвались в кафе и принялись сшибать столики. Тарелки летели на пол. Люди кричали. Среди этого бедлама Карл заметил меня. Он поднял пистолет и взревел:

— Ложись!

Он был взвинчен. Таким мне Карл не понравился. Только не с пистолетом, направленным на меня.

— ЛОЖИСЬ!

Я не мог лечь. Это было невозможно физически. Неужели Карл этого не знал? Лола схватила меня за естественную руку. Я увидел страх в ее глазах и расстроился, потому что секунду назад она была счастлива, а Карл все разрушил.

— Ложись!

Глупо было надеяться, что «Лучшее будущее» не бросится в погоню. Я носил на себе оборудование стоимостью в миллионы. Охранники, выставив пистолеты, окружили нас кольцом с радиусом в двадцать футов. До меня дошло: они считали, что мои ноги тоже оснащены оружием. Наверное, я сумел бы встроить что-то подобное. Я пожалел, что не сделал этого.

— Чарли, не дай им тебя забрать, — прошептала Лола. — Они приходили в больницу. Уничтожили все записи о тебе.

Я услышал шум и обернулся. Двое охранников подбирались ко мне.

— Вперед, вперед! — поторопил Карл. Он шагнул в мою сторону.

— Нет! — Лола выступила вперед и протянула руки.

Она как будто хотела полететь к Карлу и выбить пистолет, или призвать на его голову гнев богов, или что-то в этом роде. Не знаю. Мне лишь известно, что Карл развернулся и дважды выстрелил Лоле в сердце.

Как будто прозвенел колокольчик: дзинь! дзинь!

6

— Ужасное несчастье, — сказала Кассандра Котри. — Я места себе не нахожу.

Я ее не видел. Мои глаза не открывались. Я не знал ни где нахожусь, ни откуда прибыл.

— Что нам нужно сейчас, — продолжала она, — так это несколько раз глубоко вздохнуть.

Мой правый глаз чуть приоткрылся. Левое веко так и не отклеилось, но я мог видеть пятно на месте лица Кассандры Котри. В расплывчатом ореоле светлых волос. На фоне потолка. Я узнал этот потолок. Я был на работе.

— Хотите пить? Вас, должно быть, жажда мучит.

Пытаясь сфокусировать на ней взгляд, я издал невнятный звук. Я чувствовал какой-то резкий, беспощадный запах.

Кассандра Котри исчезла из поля зрения, затем вернулась с небольшой пластмассовой чашкой:

— Пейте.

Я попытался сесть. В голове, больной и тяжелой, колыхались волны.

— Мне кажется, все дело в недопонимании с обеих сторон, — говорила Кассандра Котри. — Мы должны извлечь из случившегося урок.

— Лола… — произнес я невнятно.

— Ваше огорчение понятно. На вашем месте я тоже была бы огорчена. Но не забывайте, что ситуация была чрезвычайной. Нашим людям пришлось принимать молниеносные решения.

— Лола. — На сей раз мне удалось сказать четко. Левый глаз распахнулся. Еще немного, и мне удастся сесть. Еще чуть-чуть, и я дотянусь до шеи Кассандры Котри и сдавлю.

— Все дело в неопределенности, — изрекла она. — Неопределенность пугает. Заставляет думать о худшем.

Я вспомнил, как Лола потянулась ко мне. Как я пытался ее поймать. Но мои ноги не шелохнулись. Они стояли на месте. Они превратились в якоря. Я видел, как ее лицо менялось от шока. Как открывался и закрывался рот. Ее пальцы медленно описали дугу и замерли на красном цветке, распустившемся ниже на желтом платье. Я видел, как она упала.

— Вы сами виноваты, Чарли. Я не хочу искать крайнего. Но то, как вы сорвались… никто не знал, что у вас на уме.

Люди в форме выдернули меня из ног. Разорвали нервный интерфейс. В мое плечо впился шприц.

— По-моему, вы недооцениваете стресс, которому мы

подвергаемся. Руководство. Повседневные неприятности. Постоянная неопределенность.

Мне удалось восстановить контроль над руками, я оттолкнулся и сел. Я находился в небольшой комнате без окон. Стены были выкрашены в тоскливый голубой цвет. На одной висела аптечка. Медицинский кабинет.

— Она в хирургии, — сказала Кассандра Котри. — Можете взглянуть, если хотите.

Я разинул рот. Вокруг все снова поплыло. «В хирургии?» — хотелось мне переспросить. И добавить: «Спасибо». И продолжить: «В противном случае…»

— Мне нужно побеседовать с вами, когда придете в себя, — молвила Кассандра Котри. — Я хочу знать, откуда у вашей подруги металлическое сердце.

Она ушла. В комнате остались только я, кровать и виниловый пол в подозрительных пятнах. По сравнению с прочими помещениями компании эта каморка выглядела островком третьего мира. Это свидетельствовало о наших приоритетах. Мы не были целителями.

Дверь была заперта. Во всяком случае, так я решил. Я не мог заставить себя выбраться из постели, проползти по полу и проверить. Мне не хватало моих ног. Раньше я без них обходился, но теперь знал, что больше никогда не расстанусь с ними. Сидя в постели — полчеловека — в ожидании шанса выяснить, жива Лола или мертва, я поклялся, что впредь никому не позволю отрезать от меня по куску.

Наконец дверь открылась; на пороге стоял Карл. Сначала мы оба молчали. В последнее время мы встречались дважды: когда я сбежал от него на искусственных ногах и когда он выстрелил Лоле в сердце. Необычная ситуация для общения.

— С ней, это… все будет в порядке, — сказал Карл. — Я так думаю.

Позади него в коридоре я заметил инвалидное кресло. Карл подошел ко мне и протянул руки. Я попытался его оттолкнуть, так как не был готов к его прикосновениям. Должно было пройти много времени, чтобы я воспринял их спокойно. Но у него были не руки, а балки, а у меня кружилась голова и не было кисти. Он поднял меня с постели. Уткнувшись в его каменную грудь, я вдруг зарыдал. Это была посттравматическая реакция. Я пережил слишком многое.

— Все будет хорошо, — повторил Карл.

Я плакал. Наверное, Карл был славным парнем. Славным

парнем на крутой работе.

— Пистолет был несмертельный. Иначе бы я не выстрелил.

Я затих. Я достаточно хорошо знал вооружение нашей компании, чтобы понять, что означала формулировка «несмертельный». Если речь шла об оружии, после применения которого жертва не только оставалась в живых, но и могла вернуться к полноценной жизни, мы говорили «нетравматическое». Я ударил Карла в плечо. Он словно и не заметил. Я повторил, и он усадил меня в кресло.

— Та книжка — отстой, — сказал я. — Та глупая книжка о путешествиях во времени.

Карл промолчал, и я тоже не произнес больше ни слова.

Кассандра Котри ждала нас в небольшом затемненном смотровом зале над операционной: маленькая фигурка в костюме. Когда Карл вкатил меня внутрь, она взглянула в мою сторону и снова уставилась на людей в зеленых халатах, трудившихся за операционным столом внизу. Карл прикрыл дверь. Не дожидаясь, пока он возьмется за кресло, я нащупал поручни и сам подъехал к стеклу.

Лола лежала на столе. Ее рука торчала из-под зеленого покрова. То была единственная часть ее тела, видная на дисплее, но мне хватало. Хирург стоял ко мне спиной, его плечи двигались: он работал. Это казалось в высшей степени неправильным — Лола лежала, а незнакомый мужчина в ней ковырялся.

— Похоже, мисс Шенкс угодила на испытательный полигон, — заметила Кассандра Котри. — Сердце у нее производства фирмы «СинКардиа», но весьма необычное.

Я видел его. По крайней мере, верхнюю часть. В стальной чаше на тележке справа от хирурга лежало окровавленное устройство из пластика и металла. Выглядело оно странно. Но следовало сделать скидку на деформацию от выстрелов в упор из Карлова не-совсем-смертельного оружия.

— Очень много стали. Пожалуйста, расспросите ее, когда очнется.

Я не собирался говорить с Кассандрой Котри. Я принял это решение в инвалидном кресле, пока Карл катил меня по коридорам, пропахшим свежей краской. Я никому не скажу ни слова, пока Лола не поправится.

— К счастью, у нас есть замена. Небольшая несерийная модель нашей собственной разработки. И возможности для ее установки. — Она взглянула на меня. — Этого помещения не существовало еще две недели назад. Мы его только-только

построили. Вы верите в удачу, Чарли?

Я держал рот на замке.

— Я тоже не верю. Думаю, что кому-то понадобилась ваша девушка. Кому-то наверху.

Сперва я решил, что она намекает на Бога. Потом сообразил, что она имела в виду руководство.

— Мы строили это помещение для вас. Под ваш проект.

— Я выхожу из проекта. — Мне пришлось нарушить обет молчания, но я не мог позволить ей продолжать.

Кассандра держалась сочувственно:

— Хорошо, Чарли. Как скажете.

Она не поверила мне.

Мы следили за операцией. Спустя какое-то время хирург, так и не повернувшись к нам, посторонился. Грудь Лолы представляла собой красную влажную яму.

— Коль скоро ее разрезали, — заговорила Кассандра Котри, — надо подумать, нельзя ли вживить ей еще что-нибудь.

Я в бешенстве взглянул на нее, одновременно испытывая смятение, так как думал о том же.

Когда Лола очнулась, я сидел рядом. Ее пробуждение застало меня врасплох, хотя я ждал его: веки дрогнули, ожили десятки мелких мышц — и вдруг ее лицо преобразилось. Это немного обескураживало. Прежде я такого не видел, столь резкого прилива сознания.

— Привет, — сказал я. Лола потянулась к носовым трубкам, и я отвел ее руку. — Ты перенесла операцию. Тебе заменили сердце.

Ее глаза расширились, пальцы потянулись к груди.

— Бра…

— Все нормально. Постарайся расслабиться.

— Бра…

— Что? — Я подался ближе.

— Бра. — Она вцепилась в мою рубашку. — Бра.

— Не напрягайся. Нельзя, чтобы у тебя поднялось давление.

Она все тянула меня к себе. Я уступил, потому что боялся, что у нее разойдется шов. Ее губы коснулись моего уха.

— Обратно, — произнесла она. — Поставьте… его… обратно.

— Почему вы не спрашиваете у нее про сердце? — осведомилась Кассандра Котри.

Разговор состоялся позже, в коридоре. Лола замолкла. Она смотрела в стену и не отвечала на вопросы. Я начал думать, что знал ее слишком плохо. У нас с ней были яркие общие

воспоминания, но я подсчитал, сколько времени мы провели в общей сложности вместе, и вышло около четырех часов. Когда личность человека, с которым вы познакомились совсем недавно, разительно изменяется, вы начинаете гадать, какую считать настоящей. С чего я взял, что нравлюсь Лоле? Об этом я ни разу не задумывался. Я отнес это к области волшебства.

— Она не хочет ни о чем разговаривать. Она в прострации.

— Вы плохо стараетесь. Просто зовите ее по имени, снова и снова.

Теперь я понял, почему одна из стен послеоперационной палаты представляла собой большое зеркало.

— Вы следите?

— Чарли, — молвила Кассандра Котри, — я не хочу на вас давить, но то, что мы сделали, вся эта домашняя хирургия — дело не вполне законное. Знаете, как чувствует себя в такой ситуации менеджер? — Она приложила руку к груди. — Мне кажется, что я покушаюсь на крестильную купель.

— Что делаете?

— Бизнес выживает в рамках закона. А это… — она указала на дверь в палату Лолы, — противоречит всем моим принципам.

— Тогда почему вы так поступили?

Кассандра Котри уставилась на меня:

— Я решила, что вы будете рады тому, что мы смогли оказать быструю квалифицированную медицинскую помощь.

— Но…

— Мы подтирали за собой. Это моя работа. Подтирать. Вы в команде или нет?

Я молчал.

— Чарли, — сказала она, — я пытаюсь вам помочь. Честное слово. А теперь вернитесь и спросите о сердце.

Я въехал в палату. Ничто не изменилось: Лола лежала на боку и смотрела в окно. По крайней мере, я так решил. Подобравшись ближе, я понял, что смотрит она в стену рядом с окном.

— Лола? — Я потрогал ее за плечо. — Лола, все в порядке. Все хорошо. — Какое-то время я гладил ее волосы. Иногда повторял, что все хорошо. Я постепенно расслаблялся. Я успокаивал сам себя.

Рука Лолы накрыла мою. Наши глаза встретились. Я вдруг перестал понимать, как мог задумываться о ее личности. Конечно, она была Лолой.

— Я родилась с пороком сердца, — проговорила она. Голос звучал тихо и словно издалека. — Синдром гипоплазии левых отделов сердца.[19] Нормально развилась лишь половина. Мне не

было и двух лет, а я уже перенесла три операции. Семья разорилась. А я нуждалась в повторных. Вопрос времени. Я была бомбой с часовым механизмом. Мы ни разу не ездили в отпуск, не меняли машину, не обедали в ресторане. Родители так и не завели второго ребенка. Они экономили на всем в ожидании дня, когда я упаду в обморок, который обойдется им в триста тысяч долларов.

Поэтому я решила умереть. Под кофейным столиком в гостиной хранился фотоальбом, и я разглядывала снимки, на которых родители были молоды, счастливы, всюду ездили, и мне хотелось, чтобы они снова стали такими. Мы жили на севере, в заснеженном городке под названием Чабон, и вот однажды я вышла на мороз, сняла пальто, шапку и села у замерзшего ручья. Романтическая дурь, наверное. Но я не шутила. Мне хотелось спасти жизнь родителей. Я сидела там, пока не окоченела и не заснула.

Проснулась я в больнице, а мама сидела рядом и плакала. Грудь болела. Я повредила сердце. Оно больше не билось самостоятельно. Мне поставили искусственное. Временное, как объяснил доктор, потому что я все еще росла. Через несколько лет его предстояло заменить.

Вот в таком положении мы все оказались. Я — с новым дорогущим сердцем, родители — без копейки. На этот раз я ограбила дедушку с бабушкой. Я узнала об этом позже. Они лишились пенсионного залога, продали дом и фамильные ценности. Все ради моего временного сердца. И пяти лет, после которых потребуется новое.

Через несколько недель, когда я смотрела телевизор, маме позвонили. Ее лицо застыло, она схватилась за стену — как будто ее толкнули. Звонили с автомобильного завода. С папиной работы. Он находился в производственной зоне, и робот защемил его руку. Ты поймешь. Робот, который собирает машины. Руку приварило к двери. Когда пришел бригадир, он все повторял, что не может понять, как такое могло случиться. Есть же техника безопасности. За нее, собственно, и отвечал папа. Так что в этом была своя ирония. Я имею в виду, что казалось, будто она есть. В тот момент.

Папе ампутировали кисть. Он вернулся домой с чеком на пятьдесят тысяч долларов. За производственную травму выплачивалась определенная сумма. Профсоюз настоял. Теряешь левую руку, как папа, — получаешь пятьдесят тысяч. Большой палец рабочей руки — двадцать тонн. Большие пальцы ног — по десять тысяч каждый. Остальные — по трешке за штуку. Снижение слуха — десять. Каждая стопа — по сорок тысяч

долларов. — В ее глазах преломлялись окна за моей спиной. — Угадай, откуда я знаю. Все эти суммы.

— Папа просидел дома шесть недель, — продолжила Лола. — Я готовила ему завтраки. Он отводил меня в школу, а после уроков я бежала к воротам ему навстречу. Он кутался от холода, и не было видно, что у него нет руки. Протеза он не носил, не видел смысла. Ему нравилось дома. Впервые за многие годы он не ходил на работу. Когда все закончилось, мы оба сильно горевали. Мне хотелось, чтобы он остался. Но мы, конечно же, нуждались в деньгах. Вот он и вернулся.

Через четыре дня все повторилось. Еще один несчастный случай. С той же рукой. На этот раз — по локоть. Мы отправились в больницу, мама плакала и твердила, что мы прокляты. Но папа ничуть не грустил. Ему дали больничный на десять недель, по истечении которых я спросила: «Неужели ты вернешься на работу?» — а он ответил: «Посмотрим». Прошло два дня. На сей раз — штамповочный пресс. Несколько пальцев на ноге. Мама не смогла к нему пойти. Она сходила с ума. Но я пошла. Я очень переживала, потому что вид у него действительно был страшный: нога забинтована, не хватает руки. Я забралась к нему в койку и обняла изо всех сил. Я плакала, просила его не умирать. Он утешал меня и говорил, что не собирается. Он рассказал мне о выплатах. У него была специальная книжечка. «Видишь, Лола? По частям выходит дороже, чем оптом».

Таковы были правила. Посмертная выплата составляла сто тысяч долларов. Но если складывать отдельные органы, получалось намного больше. Даже рука: за ее потерю выплачивали пятьдесят тысяч, но пальцы отдельно стоили десять-пятнадцать тысяч, а большой палец — двадцать. Можно было получить по максимуму.

Он сказал, что сглупил с кистью. Потерял ее сразу всю. Теперь он знал, что делает: зарабатывает мне на новое сердце. Он поцеловал меня и сказал, что отныне все будет хорошо.

Компания направила к нам представителя. Он принялся задавать вопросы: не было ли у папы депрессии? Не поговаривал ли он о самоубийстве? Они не замечали, что он был счастлив. Я лгала им. Я помогала папе планировать новые травмы. Мы вели тетрадь. Подсчитывали суммы и выбирали, какими частями тела пожертвовать. Когда он укладывал меня спать, глаза его сияли от радости, а я знала, что у меня лучший папа на свете, потому что никого не любили больше меня.

Мама нашла тетрадь. Я проснулась от ее криков, спустилась вниз: она пришла в неистовство, била его. На следующий день

она оставила меня дома и долго втолковывала, что папа болен. На голову. Она сдала его в психушку. Меня это взбесило. Она пыталась внушить мне, что на самом деле он меня не любил. Что он рехнулся. Мы орали друг на друга. Я пожелала ей сдохнуть. В дальнейшем мы так и не стали теми, кем были прежде.

Спустя какое-то время папа вернулся домой. Его пытались подержать еще, но он всех перехитрил. А на работе не могли найти оснований для его увольнения, и он вернулся в строй. За ним стал ходить по пятам высокий усатый дядька. Они даже из школы забирали меня вместе. Папа говорил, что и в туалет они ходят вдвоем. В его изложении происходящее выглядело забавным. Как игра в шпионов. Мы листали тетрадь, складывали цифры, и выходило, что собрано уже почти все. Мы знали, сколько нам нужно на новое сердце с учетом банковских процентов. Оставалось чуть-чуть. Всего лишь ступня.

Через три недели папа улучил момент, когда усатого дядьки не оказалось рядом. Но что-то пошло не так. Мама пришла в школу, отвела меня на парковку и там сообщила, что папа погиб. Его задавило блоком двигателя. Я прибежала домой, открыла тетрадь — так и есть. Предполагалось обойтись лишь ступней.

Нам выдали чек на сто тысяч долларов. Посмертная выплата. Он бы расстроился. Всего лишь сотня за все, тогда как по частям выходило гораздо больше.

Мы вложили деньги в ценные бумаги. Сумма росла. Когда мне исполнилось восемнадцать, она составила почти шестьсот тысяч долларов.

Я объяснила врачу, что хочу что-нибудь вечное. Из стали. Потому что это будет все, что останется от папы, и я хотела, чтобы он жил в моем сердце до конца моих дней.

Ее лицо исказила гримаса. Пальцы впились в ватное одеяло, укрывавшее ее грудь.

— А они его вынули.

Когда Лола заснула, я выехал в коридор. Кассандра Котри вышли из двери в десяти шагах от меня.

— Вот так история, — сказала она.

— Да уж.

— Мне всегда интересно, что заставляет людей выбрать себе профессию. Никогда не догадаешься.

Я ничего не ответил.

— Она может получить назад свое сердце. Мы его не выбрасывали. Если оно имеет для нее некую сентиментальную ценность… пусть забирает.

— Я ей передам.

Мы замолчали.

— Я хочу продолжить работу над проектом, — заявил я.

— Конечно, — ответила Кассандра Котри. — Я так и думала.

На следующий день Карл отвез меня коридорами исследовательского центра к лабораториям. Мы почти не разговаривали. В ожидании лифта он сказал:

— Очень рад был узнать, что мисс Шенкс выздоравливает.

Я ничего не ответил.

Он отвез меня в помещение, бывшее прежде лабораторией смежного проекта, пока туда не вселились мы. Перед дверью мы остановились.

— У меня нет пропуска, — напомнил я.

Это был упрек, ибо тот находился у меня, пока Карл не выстрелил в Лолу. Его забрали, когда я лежал без сознания, — вместе с рукой и ногами.

Карл прокатал собственную карточку. Индикатор мигнул зеленым. Я удивился, потому что раньше, насколько я знал, охрана не допускалась в лаборатории. За дверью оказалось просторное помещение, заставленное стеллажами. На сверкавших сталью панелях лежали ноги — полдюжины пар в различной степени готовности. В том числе Контуры. Справа от меня был накрыт «шведский стол»: разного рода пальцы. Дальше покоились руки. До сего момента я не верил, что мне вернут мои органы. Я все ждал, что выскочит Кассандра Котри и сошлется на затруднения, возникшие буквально сейчас. Но этого не случилось.

— Свитер дать?

Я вздрогнул: совсем забыл о присутствии Карла.

— Что?

— Вас трясет.

Это была правда.

— А, вы об этом. Нет, не нужно.

Взявшись за поручни, я подъехал к Контурам. Карл не препятствовал, не удержал меня за руку, не предложил выбрать что-то другое. Я пробежался руками по металлу, проверяя контакты и убеждаясь, что все на месте.

— Вы и в самом деле любите эти штуковины, — заметил Карл. — Небось, выжимают тонну?

— Вроде того.

Они выжимали четыре тонны. Что было, признаться, пустяком по сравнению с тем, что они будут делать, когда я кое-что изменю. Но я не сказал об этом, так как Карл стремился втянуть меня в разговор, а я этого не хотел.

— Силы не бывает слишком много, — размышлял Карл. — Это уж точно. — Он положил на стальную стойку карточку: мой пропуск. — Не буду вам мешать.

Я видел его в последний раз. В смысле — целиком.

Я выбрал комплект металлических пальцев и вставил в руку. Это была не вся рука. Она больше напоминала перчатку. При аварии мне расплющило всего три пальца. Тогда казалось, что дело хуже. Перчатка позволяла искусственным пальцам принять нужное положение, вводя иглы нервного интерфейса между суставами пясти. Боль была ожидаемой, но длилась недолго. Я открыл, что ко всему можно привыкнуть. Я ощутил, что подсоединяюсь к чему-то большому, далекому и холодному. Синапсы приятно дрогнули. Я взглянул на металлические пальцы, и те шевельнулись.

Я снова подъехал к Контурам и сложил их. Опустив ноги до удобного уровня, я вынул из гнезд коврик нервного интерфейса. Искусственная рука хороша тем, что пальцы не дрожат. Иглы вошли в мою плоть с лазерной точностью.

Подключившись, я устроился в гнездах. Три недели назад я не мог это сделать без посторонней помощи. С тех пор прошла вечность. Усевшись поудобнее и закрыв глаза, я прислушался к шипению поршней. Копыта Контуров зацокали по полу. Я не солгу, если скажу: это был самый чувственный момент в моей жизни. В той же мере, в какой я тосковал по моим ногам, я недооценивал радость воссоединения с ними.

Я сделал шаг. *Цок.* Должно быть, мне приснилась гонка по городу, когда я кричал, потеряв управление. Эти ноги не могли подвести. Они были надежны. Я был уверен в них. Они фактически стали мною.

Мой взгляд упал на инвалидное кресло. Эта вещь выглядела несерьезной. Я подошел к нему, поднял копыто, прицелился в сиденье. И опустил. Железные стойки хрустели и ломались, как хворост.

Я отправился к лифтам. Я тихо напевал, пока ждал, заложив руки за спину. Двери открылись, и вышли двое лаборантов в Z-очках.

— Доброе утро, доктор Нейман! — Они посторонились, освобождая дорогу.

— Привет. — Я не помнил, как их зовут.

— Вы снова работаете?

— Да, — сказал я. — То есть нет. — Молочные линзы выглядели немного жутко. Конечно, я сам был наполовину

машиной. Но все же. — В скором времени.

— Отлично, — улыбнулся высокий. — Мы хотим вам кое-что показать.

Двери распахнулись, я вышел. Я был заинтригован его словами. Но мне больше хотелось увидеть Лолу. Это было забавно, так как всего час назад я думал лишь о моих органах. А Лола почти наверняка спала. Мне было нечего у нее делать. Тем не менее я дошел до палаты и поднырнул под притолоку. Глаза Лолы на мгновение открылись, и она улыбнулась. Улыбка была слабая, но очень красивая, и я вспоминал потом об этом мгновении как о недостижимом совершенстве, абсолютной вершине.

7

Я где-то читал, что для счастья нужны две вещи из трех на выбор: здоровье, деньги и любовь. Отсутствие одной покрывается двумя другими. Эта мысль меня утешала, пока я был с телом, трудоустроен и нелюбим. Благодаря ей я не чувствовал себя сильно обделенным. Но теперь я понимал, что верил в полную чушь: ведь любовь не идет ни в какое сравнение с деньгами и здоровьем. Вот лежит девушка на больничной койке, я этой девушке нравлюсь, и не знаю, что будет потом, но могу с уверенностью сказать, что она важнее пониженного кровяного давления. Важнее нового автомобиля. Рядом с Лолой я ходил вприпрыжку. В буквальном смысле. Я имею в виду, что был счастлив по оси счастья, о которой раньше знал только в теории. Я радовался тому, что был жив.

Войдя в Стеклянный кабинет, я обнаружил толпу лаборантов в Z-очках. Все они улыбались. Сперва я подумал, что они просто рады меня увидеть, но, когда дошел до моего стола, заподозрил подвох. «Привет», — сказал я одной, и она тоже поздоровалась и еще сильнее заулыбалась. Я опустил Контуры и свой компьютер. Лаборанты топтались — человек восемь или десять.

— В чем дело? — спросил я.

— Ничего нового не замечаете?

До меня дошло, что это был Джейсон. Я не сразу узнал его из-за Z-очков, скрывавших половину лица. Не привык опознавать людей по губам. Я переводил взгляд с одной пары стекол на другую:

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Нет.

— Хотите, чтобы мы сняли очки?

— Не особенно.

Кто-то прыснул.

— Хорошо, — согласился я. — Снимите.

Они сняли. У них не оказалось зрачков. Такое, по крайней мере, возникало впечатление.

— Мы не можем, — сказал Джейсон. Вокруг засмеялись. — Мы все еще в них.

Я взобрался в Контуры. При близком рассмотрении в его зрачках были видны плоские серебристые диски. Крошечные серебряные плавучие солнца.

— Мы их уменьшили. Теперь это линзы.

— Z-линзы, — поправила девушка.

— Силикон и гель на гибкой полиуглеродной основе, — объяснил Джейсон. — Для контроля за увеличением не нужно двигать бровями. Достаточно моргнуть.

Его веки вздрогнули. Серебряные зрачки закружились туманным вихрем.

— Вижу, — сказал я.

— Нет, не видите. — Снова смех. — Без Z-линз ничего не выйдет. Честное слово.

Я смотрел в их веселые, гордые лица без зрачков. Я испытывал меньший энтузиазм, чем им хотелось. Но выглядели они прикольно.

— Хорошо, — молвил я. — Отличная работа.

Днем я работал над органами и каждый вечер навещал Лолу. Иногда она спала, но бодрствовала все чаще и чаще. Разметав по подушке волосы, она лежала и, пока мы разговаривали, накрывала ладонью мою руку. Она уже могла смеяться и шутить, но быстро уставала, и наши встречи слишком скоро заканчивались.

— Мне никогда не нравились мои уши, — говорила она. — Посмотри, они слишком торчат.

— Слишком торчат — для чего?

— Для… — Она улыбнулась, откинула волосы и потрепала меня по руке. В лучах заходящего солнца она выглядела глубоко сердечной.

— Прекрасные уши. — Я дотронулся до ее уха. Мне не верилось, что я это делаю, но мне позволяли. — Завиток раковины соответствует золотому сечению.

— Это хорошо?

— Могу доказать математически.

— Вот бы нам вместе учиться в школе.

— Твои уши превосходны, — повторил я. — С точки зрения биологии.

— Ах вот оно что. — Она опустилась чуть ниже, что означало: мне пора уходить. — Ты небось можешь сделать лучше.

— Ну…

— Скажи.

— Не знаю. Нет, не могу.

— Хотя мог бы.

— Мне нравится твоя биология, — сказал я. — Лучшая биология в мире.

— Но…

— Что ж, в функциональном плане…

— Так-так?

— Кое-что можно было бы поправить.

— Например?

— Ну… — Я посмотрел на зеркало. Непонятно, насколько мы были одни.

— Что бы ты исправил, если бы пришлось?

Я помедлил и прикоснулся к ее плечу:

— Ключица. Мне кажется, это очевидно. Она хрупкая. Кости вообще уступают современным металлам. У нас есть легкие и прочные материалы — куда лучшие, чем кости.

— Я не хочу ее ломать. — Она ощупала ключицу вкруг моих пальцев. В солнечном свете ее рука отливала красным.

— То-то и оно.

— Мне нравится, что ты заглядываешь глубже тел, — сонно сказала Лола. — Куда-то… еще.

Она закрыла глаза. Я немного побыл с ней. Ее рука лежала на моей, а я смотрел, как Лола дышит.

Я выделил третью лабораторию для себя одного, запретив лаборантам там появляться. Они мешали мне сосредоточиться. Слишком много шума, энергии, беспричинного смеха, криков, как будто они впервые в мире синтезировали сопряженную смесь, — я терпел это куда легче, пока у них не было серебряных глаз. Теперь же мне стало страшно заходить в помещения: страшно от их взглядов.

Они предложили сделать пару Z-линз для меня. Я ответил, что занят. Дело было в том, что мне не нравились Z-линзы. Вопреки логике. Они были чудом. Их должен был изготовить я. Но не изготовил, и это меня злило. Звучит, наверное, эгоистично. Но мне не нравилась технология, которую я не мог модифицировать. Я не был пользователем.

В третьей лаборатории я возился с Контурами, отлаживал программу, оптимизировал код. Забавы ради спроектировал руки. Всего лишь игра. Я не собирался заменять свои естественные руки. Не сию секунду. Но факт оставался фактом: у меня имелись искусственные пальцы, но их функциональность была ограничена из-за привязки к биологической руке. Так что мой интерес был поверхностным. Лучше всего работается без четко обозначенной цели. Я мог исследовать самые захватывающие идеи, а не те, которые скорее удовлетворят спецификации.

Одна из таких идей пришла мне в голову в лифте, после возвращения от Лолы. Я проехал в третью лабораторию и заперся внутри. Я вынул блокнот и начал рассеянно рисовать. В этой области я был профан. Я не знал, что можно, а чего нельзя. Но

все-таки мысль мне нравилась. Я задумал сделать Лоле сердце.

Лолу перевели в жилой отсек на верхнем уровне корпуса С. Итак, чтобы попасть к ней, мне теперь приходилось выйти из лифта и обогнуть внутренний дворик, минуя вестибюль. Я топотал, Контуры вовсю трудились поршнями, копыта стучали по ковру, люди оборачивались. Челюсти отвисали. Галстучники пятились, освобождая мне дорогу, а белохалатники подходили поближе. Им хотелось задать вопросы, рассказать о смежных проектах, попросить меня сфотографироваться с ними. Само внимание меня не раздражало, но задерживало, когда мне не терпелось увидеть Лолу. Пришлось найти обходной маршрут, пролегавший вне оживленных мест. Часть дороги была выложена плиткой, и первый же мой шаг пустил по ней паутину трещин. Я нерешительно помедлил. Затем пошел дальше.

— Вам нужно устроить презентацию, — объявила Кассандра Котри, прислонившаяся к стене у номера Лолы. — Все о вас спрашивают.

— Хорошо.

— Ловлю вас на слове. — Она издала смешок. Я пришел в раздражение, потому что не хотел готовить презентацию. — Как вообще дела? Вы довольны?

— Да.

— Я смотрела отчет об этих очках, что ли.

— Z-линзы.

— Похоже, отличная вещь. — Она улыбнулась. — Мне самой очки никогда не были нужны. У меня всегда было двадцать на двадцать.[20] Просто повезло.

— Z-линзы дают результат лучше, чем двадцать на двадцать. Примерно двадцать на два. — (Кассандра Котри была сбита с толку.) — Двадцать на двадцать не означает идеального зрения. Это не двадцать из двадцати. Мы имеем дело с неправильным представлением. Речь лишь о том, что на двадцать футов вы видите как средний человек.

— Я не знала.

— Будь у вас хорошее зрение, вышло бы двадцать на восемнадцать. То есть вы бы видели с двадцати футов то, что среднему человеку видно с восемнадцати. Очень хороший показатель для человека — двадцать на пятнадцать. Может быть, двадцать на двенадцать. Но в этом случае вам нужно быть родом из кочевого племени. — Я бросил взгляд на ее светлые волосы. — Вряд ли у вас двадцать на двенадцать.

— Это точно.

— Двадцать на два — острота зрения ястреба.

— О! — поразилась она. — Вот это да.

— Я хочу повидаться с Лолой, — сказал я. — Если вы не против.

Кассандра Котри кивнула. Казалось, она о чем-то глубоко задумалась. Я оставил ее в коридоре и вошел внутрь.

В номере Лолы стоял небольшой столик. По вечерам сестра вкатывала поднос, распаковывала пасту или непонятно чье мясо. Еда — так себе, но это было мое любимое время суток. Я резал пищу встроенным в палец лезвием, а Лола смотрела.

Однажды мне понадобилась соль, но Лола уже передвинула ее на свой край стола. Я взглянул на нее. Лола пила воду из стакана.

— Соль, — произнес я, но она лишь кивнула, продолжая пить. Она выпила полстакана. Поставила его, взяла салфетку и промокнула губы. Затем посолила суп и передала соль мне. Я продолжал на нее смотреть.

— В чем дело? — спросила она.

— Ни в чем… проехали.

— В чем, я спрашиваю?

Я поставил солонку:

— Ты не отдавала соль, занимаясь вещами, никак с ней не связанными.

Она моргнула:

— Ты имеешь в виду, пока я пила?

— Да.

— Ты не можешь пять секунд подождать соль?

— Могу. Но соль — предмет общего пользования. Если хочешь ее взять, то нужно воспользоваться ею как можно быстрее и вернуть. Нельзя держать ее у себя и заниматься чем-то другим.

— Я захотела пить.

— Тогда сначала верни соль, чтобы все могли взять.

— На случай, если она вдруг тебе понадобится за эти пять секунд?

— Да.

Она уставилась на меня:

— Ты серьезно?

— Иначе ты нарушаешь систему.

— Какую систему?

— Всю… — Я взмахнул руками. — Всю систему.

— Нет никакой системы.

— Весь мир — система. Смотри. — Я подался вперед. — Что, если бы у меня была твоя вода и вдруг я решил, что мне нужна соль? И вместо того, чтобы вернуть тебе воду, я просто сидел бы и

ждал, когда ты вернешь соль, но ты не собиралась этого делать, потому что ждала воду? Тупиковая ситуация. Катастрофическая системная ошибка. И ты, возможно, думаешь: «Я могу просто попросить Чарли обменять воду на соль». Но для этого ты должна знать мои нужды, что нарушает зашифрованность процесса. Болото. Соль — ерунда. Я просто показываю, что ее удерживание на редкость неэффективно и опасно для системы.

Лола прыснула:

— Ты с ума сошел.

— Нет, не сошел. Это основополагающий принцип. С ума сошла ты.

— Нормальные люди не беспокоятся о фундаментальных принципах за столом.

— Как скажешь, — ответил я.

Мы принялись за еду.

— Объясни еще раз, — попросила Лола. — Про это самое удерживание.

Лола чувствовала себя уже достаточно хорошо, чтобы ходить. Держа меня за руку, она шаркала по коридорам в своем ситцевом халатике. Этаж был пуст, если не считать растений в больших серых кадках. Возле лифтов одна стена была стеклянной, мы останавливались там и смотрели через лужайку «Лучшего будущего» на закат. Мне вдруг пришло в голову, что я не встречал у Лолы ни единого посетителя. Я спросил, не позвонить ли кому? Она приткнулась головой к моей руке, немного помолчала и ответила: «Нет».

Ночные боли усилились. Я уже не мог их стряхнуть и просыпался от сильнейших судорог в несуществующих ногах — с чувством, будто их выворачивает наизнанку. Я продолжал лечить их протезами старой модели, но этого становилось мало. Я начал пристегивать их перед сном. Неуклюже и неудобно, но лучше, чем возиться с ремнями в темноте под вой ампутированных мышц.

Я решил оставить на ночь Контуры и посмотреть, что будет. Хорошая мысль, я и так не любил их снимать: словно из ночи в ночь опять превращался в инвалида. Я не вполне представлял, как лягу, но забывал, что по сравнению с их весом мой близился к нулю. Всего-то и надо было покрепче держаться, пока они сгибались на двух шарнирах и перемещали сиденье-гнездо. Переворачиваться я не мог. Неудобно. Однако дискомфорт по сравнению с болью — огромный прогресс. Вскоре я и представить не мог, что когда-нибудь вновь сниму ноги.

Однажды утром я прибыл в лабораторию и застал там девушку в белом халате с глазами голубыми, как бунзеновские горелки. Я не сложил два и два, пока не прошел мимо другой, с фиолетовыми глазами, и лаборанта — с изумрудными. На входе в Стеклянный кабинет я уже был готов ко всему. Естественно, у Джейсона глаза оказались цвета красного дерева.

— Вы покрасили Зет-линзы.

— Это чисто косметическая процедура. — Джейсон подъехал ближе в офисном кресле. — Но людям нравится. Что скажете?

— Функции не мешает?

Он покачал головой:

— Всего лишь добавили чип для фильтрации определенной частоты.

— Похоже на очередное усложнение. Еще одна область потенциального сбоя.

— Работает отлично.

— Никогда не жертвуйте функцией ради внешнего вида, — возразил я. — Это порочная практика.

Но линзы были и вправду красивы.

Я поручил Альфе заниматься гормональной регуляцией. Бету поставил на улучшение сенсорики. Гамму — на всякую всячину, связанную с руками. Моим тайным мотивом было желание лишить их свободного времени, чтобы замедлить разработку Z-линз. Похоже, это сработало. Но тут я увлекся ими сам и понял, что могу настроить линзы для восприятия невидимого спектра — инфракрасного и ультрафиолетового излучения. Я не знал, кому и зачем это понадобится, но видел, что сделать можно. Я потратил несколько дней на опыты с прототипом — использовал очки, а не линзы, так как технология одинакова, но не приходится возиться с миниатюризацией — и нацепил их. В инфракрасном спектре мир полыхнул пурпуром, а люди выглядели как светящиеся мозги и сердца. На Контурах горели три точки: батарейный отсек и копыта; прочие части оставались холодными и черными. Ультрафиолет мало чем отличался, за исключением сияния белых халатов, ламп и некоторых поверхностей. Это несколько разочаровывало. Но мое отношение к Z-линзам изменилось к лучшему, и я прекратил задерживать их разработку.

Когда я вышел из третьей лаборатории, меня уже поджидали. Впереди неуклюже стояла Мирка — та, что колола меня иголками. Она изменилась. Я не брал в расчет флюоресцирующие зеленые глаза. Джейсон подтолкнул ее локтем, но она молчала.

— Мы это сделали, — сказал он.

— Сделали — что?

— Научились управлять селезенкой. — Он потянулся к Мирке, но замялся. — Покажи сама.

Мирка задрала рубашку. Я сразу обратил внимание на подтянутый живот. Потом — на железную заплатку.

— Простой электростимулятор, — пояснил Джейсон. — Проблема была в воздействии на конкретные нервы. Помогла, конечно, прежняя ножная работа.

— Ножная работа, — хихикнул кто-то.

— Обратите внимание на кожу Мирки. Мы накачиваем ее эстрогенами и прогестероном. Видите разницу?

Я ее осмотрел. Она не улыбалась, но выглядела прекрасно. Отличие, которое я отметил, заключалось в *здоровье.* Она стала более привлекательной версией себя самой.

— И волосы стали гуще.

— Вы провели испытание на людях без моего разрешения?

— Гм, — стушевался Джейсон. — Да. Простите. Мы собирались спросить, но вы были заняты.

— Могли бы и подождать.

— Да, могли. Извините.

Я смотрел на Мирку.

— Мы сделали неправильно? Нам просто хотелось быть похожими на вас. Стать собственными подопытными кроликами.

— Я счастлива, что решилась, — подала голос Мирка. Глаза ее на безупречном лице сверкали, как у кошки.

— Это всего лишь безопасный способ испытать управление внутренними органами, — заметил Джейсон. — Просто подтверждение идеи. Это же нормально?

Я не мог придумать, как сказать ему «нет».

— Да.

У Джейсона камень с души упал. Начались смешки.

— Я так и думал. — Кто-то толкнул его локтем.

— Мы так увлеклись, нам хотелось увидеть, куда это нас заведет.

Я кивнул, не отрывая взгляда от Мирки.

— Будущее творится на наших глазах, — изрек Джейсон.

Итак, не приходилось удивляться, что к концу недели у половины лаборантов была идеальная кожа и красочная шевелюра. Я предвидел, что так и случится, но все-таки был озадачен. В ученой среде стремление быть привлекательным оценивалось, как правило, негативно. Оно означало предпочтение досуга разработке чего-то полезного. Даже использование средств

для волос и косметики предполагало смещение приоритетов. Как будто важнее оказывался внешний вид вещей, нежели принцип их действия. Нам нравилось взирать на привлекательных людей. Мы ждали этого от наших кинозвезд и телегероев. Но мы не уважали этого. Мы считали, что физическая привлекательность обратно пропорциональна интеллекту: взять хотя бы нас.

В лаборатории я привык видеть прыщи, синяки под глазами и кожу цвета утопленника. Волосы всклокочены или собраны в хвост. Это были признаки хорошей лаборатории. Теперь же она выглядела как в рекламе косметических средств. Не вполне. Лаборанты оставались неуклюжими и плохо одетыми, страдали избытком веса или, наоборот, крайним истощением. И тем не менее. Все выглядело неправильно.

Кассандра Котри оставила мне сообщение. Когда я не ответил, она оставила еще три, и в итоге в дверь Стеклянного кабинета постучал молодой человек в изящном костюме и очках в тонкой оправе. Все уставились на него, ибо никто никогда не стучал при входе в Стеклянный кабинет. Туда просто входили, делали что нужно и удалялись. Вошедший переводил взгляд с одного лаборанта на другого, пока не остановился на мне:

— Доктор Нейман?

Я молча смотрел на него — какого черта, титановые ноги имелись у меня одного. Галстучники, они были такие; упорно старались не замечать меня ниже пояса. Мне всегда хотелось сбежать от них к инженерам, которые пучили глаза, показывали пальцем и останавливали меня, чтобы расспросить. Правда, от них мне хотелось сбежать к галстучникам.

— Кассандра Котри просила узнать, не найдется ли у вас минута времени.

Я поглядел сквозь зеленое стекло на лаборантов: они испытывали дистанционное управление парой роботизированных рук. Я знал, что, стоит мне выйти, они устроят дуэль на этих самых руках.

— Если нет, буду рад подождать. — Он оглянулся в поисках стула.

Когда мы подошли к кабинету Кассандры Котри, он постучал, коротко мне улыбнулся и исчез.

— Входите, — раздался голос Кассандры Котри.

Я открыл дверь и процокал внутрь. Ее стол был завален небесно-голубыми папками.

— Чарли, — она обогнула стол и заглянула мне в глаза, — как ваши дела? В порядке?

— Да.

Она прикрыла дверь. Я оглянулся и увидел, что Кассандра Котри уставилась на мои копыта. Я немного порвал ковер:

— Извините.

— Вы теперь в них запросто ходите?

— Да.

— Давайте обсудим это. Не уверена, что в них стоит ходить за пределами лабораторий. С точки зрения испытаний.

— Я ношу их, чтобы улучшить нервный интерфейс. — Это было своего рода правдой.

Она отмахнулась:

— Я не затем вас позвала.

Я ждал, пока она не скажет, зачем же меня позвала. Она подошла к столу, порылась в бумагах, вновь развернулась ко мне, оперлась задом о столешницу и сложила на груди руки. Очаровательная поза. Прямо из каталога.

— Ваша продукция вызывает большой резонанс.

— Понятно.

— В частности, Лучшие Глаза и Лучшая Кожа.

— А, вы имеете в виду Зет-линзы и гормональный контроль…

— Я пользуюсь рыночными наименованиями. Это то, что… — Кассандра Котри взмахнула руками. — Все это спускается сверху.

— Хорошо.

— Не ожидала, что вы займетесь косметикой, Чарли. Мне казалось, что вам ближе… более приземленная, жесткая медицина. — Меж глаз ее пролегла складка. — Вы носите Лучшие Глаза?

— Нет.

— Я не пробовала. — Она чуть пожала плечами. Глаза у нее были светло-голубые. Привлекательные. Но не неоновые. — У некоторых топ-менеджеров они есть. Произвели фурор. Я имею в виду цветные. Те, что были до них, никому особенно не понравились. Мы считали их сугубо научной разработкой. Потому что понятно, что никто не захочет расхаживать с белыми глазами. А теперь эффект сразу функциональный и косметический. Это… что ж, это мечта. — Пауза. — Вчера я спустилась в вашу лабораторию. У вас было заперто. Но я видела ваших ассистентов. Пользующихся… Глазами и кожей. Это… короче, поражало воображение. Они выглядят восхитительно. Я не верила глазам. Я буквально не могла согласиться, что это те же самые люди. Потому что я уже не раз бывала у вас, Чарли, и без обид, но привлекательной их компанию назвать было трудно. И это хорошо. Такой наружности мы и ждем от наших ученых. Я не хочу сказать — требуем. Я имею в виду, что такие они обычно и есть. Люди технического склада ума идут в лаборатории, а мы с

нашими социальными, если угодно, навыками — в менеджеры. Я не к тому, что мы выглядим лучше. Я к тому, что обычно бывает подобное разделение. Если кто-то вроде меня вдруг возьмет и поставит себе на голову… я не знаю… металлическую заплатку, которая сделает меня компьютерным гением, то ваши лаборанты встанут на дыбы. Да и вы сами, правда? Вы подумаете: «Секундочку — что себе позволяет эта скуластая курица?» Вы скажете: «Какого черта — я положил жизнь, чтобы разобраться в компьютерах. Не отходил от них ни дня. А теперь хватает заплатки? Это несправедливо». — Она кивнула. — Как если бы столкнулись миры. Немного похоже. И я не прошу прекратить. Ни в коем случае. От вас ждали именно этого, но получили в сто раз больше. Это успех, но успех столь серьезный почти всегда оборачивается чем-то совершенно иным. Вы понимаете? — Она завела выбившуюся прядь за ухо. На обратном пути ее рука задела челюсть. — Знаете, Чарли, как часто я хожу в спортивный зал? Каждый божий день. — Она рассмеялась. — Не знаю, зачем это вам рассказываю. Никакой связи. Итак, каковы ваши дальнейшие планы? — Она положила ладони на край стола. — Поделитесь.

— Гм… дальше… я займусь руками.

Ее взгляд скользнул по моим металлическим пальцам.

— Я только за. Начальству нравится. Как насчет зубов?

— Зубов?

— Я лишь подбрасываю идею. Пуляю жеваной промокашкой. Вы собираетесь что-то делать с зубами?

— Нет.

Она уставилась на меня.

— Если вы намекаете на… какое-то решение вашей… — Я указал на мою челюсть.

— Нет. Конечно же нет.

— Потому что если дантист решил, что ваши зубы расположены слишком близко к нервам, чтобы их трогать, — очевидно, он прав.

— Мне наплевать на диастему, Чарли. Вопрос закрыт? Давайте я поясню. Речь не обо мне. Речь о том, что вы собираетесь оттяпать свои чертовы руки. — (Я моргнул.) — И позвольте предупредить вас прямо сейчас, что нам предстоит серьезный разговор на эту тему, потому что я все еще зла на вас из-за пальцев. Вы пошли не тем путем. Решили себе расплющить руку, поставили меня перед фактом. Я все уладила. Сделала то, что положено. Но мне не нравится пребывать в неведении. Хотите провести деструктивные испытания — зайдите сначала ко мне. Вы поняли? Я умею рассуждать здраво. — Она развела руки. —

Моя задача — помогать. Но держите меня в курсе, Чарли. Держите меня в курсе.

— Хорошо. — Я кашлянул.

— И еще одно. Представьте, что мы конструируем тело.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что этим-то я и занят, но она воздела палец:

— Изумительное тело, нужное каждому. Идеи насчет того, как изготовить это самое тело, исходят главным образом из одного конкретного мозга. Мозг важен, согласны? Ключевая вещь. По ходу создания тела главной задачей, абсолютным приоритетом является сохранение этого мозга. На мой взгляд, Чарли, тело это никак не Лучшие Ноги, которые вы носите. Это не органы. Не протезы. Тело — способность их создавать. Тело, которое я предположительно строю, Чарли, представляет собой отдел, умеющий совершенствовать биологию и выпускать соответствующую продукцию. Улавливаете? — Она кивнула. — Я думаю — да. Вы — мозг. Вы являетесь частью, которую я должна сохранять. — Она нахмурила брови. — Что вы делаете?

Я посмотрел вниз и обнаружил, что растираю ладонью свое титановое бедро. Очевидно, я пытался его массировать, чтобы восстановить кровообращение в больном месте.

— Ничего.

— Не отпирайтесь.

— Фантомная боль. Ничего страшного.

— Фантомная?..

— Обычное дело. Пустяк. Программный сбой. Технический аналог икоты.

Она захлопнула рот.

— Вот об этом я и твержу, — заговорила она. — Когда я слышу такие вещи, то знаете, о чем думаю? Об этих… — она указала на мои ноги, — техногенных фантомах?.. Мне хочется изъять мозг из тела и поместить в колбу. Вот чего я хочу. Спрятать мозг куда-нибудь в безопасное место — тогда все равно, что станется с телом и какие возникнут ошибки. С мозгом все будет в порядке. Понимаете? Необходимость отделить мозг от тела?

— Но я и есть тело. Я мозг и тело. Их нельзя разделить.

— Представьте, что можно, — парировала она.

Повисло молчание.

— Я делаю органы для себя, — сказал я. — Не только для других.

Она пристально воззрилась на меня. Затем улыбнулась:

— Я думаю, мы поняли друг друга. Вот что я вам скажу. Занимайтесь, чем занимаетесь, а я посмотрю, что смогу сделать

со своей стороны. Объединю вашу реальность с реальностью компании.

— Хорошо.

— Как вам нравится зуб со встроенным телефоном? — осведомилась она. — По-моему, я видела такой по телевизору.

— Гм.

— Это будет функционально. Не просто, а весьма функционально. Я не к тому, чтобы вы бросили косметику. Ее любят все. Но если вы испытываете потребность — не знаю — оснастить зубы телефонами, то вот вам сигнал. Потому что вы ученый. Генератор идей. Вы это знаете? — Она рассмеялась.

— Да, — ответил я, хотя думал иначе.

— Я рада, что этот разговор состоялся. Серьезно. Спасибо, что нашли для меня время, Чарли.

— О'кей, — отозвался я.

— И держите меня в курсе.

— Договорились.

На выходе я оглянулся. Одна щека у нее выпирала: она что-то нащупывала языком.

Номер Лолы был с балконом. Холодало, но она запахивалась в одеяло — так мы могли сидеть снаружи, взирая на свет автомобильных фар и уличные фонари. Лола перегнулась через перила и поежилась.

— Если закрыть один глаз, машины кажутся игрушечными, — сказала она. — Щелчком можно сбить.

Я положил руку ей на талию. Или туда, где та должна была находиться. Одеяло было толстое. Она подняла на меня глаза. Ее губы дрогнули. Затем мы синхронно обернулись: сестра суетилась вокруг кровати, собирала в ведро мусор со столика.

— Она всегда заявляется перед тобой, — сообщила Лола.

— Правда?

— Когда тебя нет, ее тоже обычно не видно.

Сестра поймала мой взгляд и улыбнулась через стекло.

— Я хочу уехать. — Лола обняла меня и стиснула. — Уехать туда, где никто не будет смотреть.

Это была хорошая мысль. Я пребывал в нерешительности.

— То есть когда ты закончишь работу.

— Да.

— Я не хочу, чтобы ты прекращал.

— Может, придется выделить время на восстановление, — сказал я. — В смысле рук.

— В самом деле, — откликнулась Лола.

Она тронула меня за рукав. Все мои волоски встали дыбом.

Биологии нет равных в сенсорной обратной связи. Я даже и близко к такому не подошел.

— Мне нравятся твои руки. — Ее ладонь не останавливалась. Она достигла моих металлических пальцев. — Но они тоже нравятся. — Лола прижалась ко мне лбом. — Те, что ты сделал сам.

Возвращаясь в ночлежку, я решил прихватить растение в кадке. На этаже Лолы их были десятки, и жизнерадостные островки зелени действительно создавали особую атмосферу. Я хотел поставить несколько штук в лабораториях, но не мог из-за опасности загрязнения. Но я мог украсить собственную комнату. Я перенес растение и поставил его в угол.

На следующий день я всерьез занялся обратной связью. Эта тема оказалась на удивление малоизученной. Статьи носили спекулятивный характер; в них описывались эксперименты, которые могли бы принести пользу, если бы другие мыслители залатали другие зияющие прорехи. Начинались они так: «На сегодняшний день отмечен небольшой интерес к проблеме восстановления чувствительной функции, утраченной в ходе ампутации».

Меня это раздражало. В любом магазине электроники за три сотни баксов можно купить игровую консоль с джойстиком, оборудованным гироскопом и двойной обратной связью, который вибрирует и содрогается, имитируя восемнадцатью разными способами ощущения при управлении танком на поле боя. Однако никого не интересовало, как восстановить осязание при потере руки. Таким выдавали клешню образца 1970 года. Так решалась проблема. У нас была технология, но только не там, где нужно. Меня удручал не столько моральный аспект, сколько неэффективность происходящего. Это было неправильным распределением ресурсов. Я видел логику в том, что компании тратят сотни миллионов долларов на игровые приставки вместо протезов, способных вернуть людям чувствительность. Но всякий раз, когда я натыкался на этот «небольшой интерес», мне хотелось кого-нибудь стукнуть.

Я подключил к решению всю команду: Альфу, Бету, Гамму и Омегу — около ста человек. К концу дня они самостоятельно организовались в иерархические структуры для распределения работ и отчета. Меня это не заботило. Я лишь обозначил цель, предоставив им выбирать средства. В этом смысле они были подобны подпрограмме. Вроде навигаторов в моих ногах. Я находил смысл в аналогии с телом, подсказанной Кассандрой Котри. На третий день Омега подключила к нервной сети

девушку и заставила определять цвета. В Альфе создали сплав-кожзаменитель, который выглядел перспективным, пока не ударил одного из них током в три тысячи вольт, после чего им пришлось общаться с кадровиками. Но, невзирая на неудачи, мы достигли прогресса. К концу недели нервный интерфейс работал в обе стороны и мог передавать грубые ощущения. Прикосновения воспринимались расплывчато, словно сквозь толстую тряпку, но я уже мог с закрытыми глазами определить, когда лаборант нажимал на сотовую матрицу. Все лопались от гордости. Но гений наш был ни при чем. Просто-напросто раньше никто не пробовал это сделать.

Я вновь обратился к рукам. Титановые, на электромагнитах, они могли поворачиваться на триста шестьдесят градусов по трем независимым осям. Однажды ночью я сидел, взирая на них, пока не понял, что добавить уже нечего. Они были моим шедевром. Не стану хвалиться, но я сконструировал много хитроумных устройств. Однажды я создал микроба, который питался мусором. Достаточно было бросить хлам в мусорную корзину, и через час она была пуста. Микроб его съедал. Он не прошел контроль качества, так как если бы выбрался, то уничтожил бы все вокруг. Возникли опасения насчет апокалиптического сценария. Микроб, на мой взгляд, был не виноват. Мне казалось, что кто-нибудь да построит для него надежное хранилище. И тем не менее. С руками таких проблем не было, потому учитывалось единственное мнение — мое.

Я вернулся в ночлежку и опустил Контуры. Цветок, украденный мною неделю назад, поник, пошел бурыми пятнами и высох. Я его не поливал. Возможно, ему не хватало и естественного освещения. Я испытал раздражение. Есть нечто жалкое в живом организме, который не в состоянии даже выжить, будучи оставленным в одиночестве. Наверно, я слишком жестоко судил растение, перемещенное во враждебную среду, но все же оно напомнило мне, почему я взялся за мою работу.

8

Я написал Кассандре Котри мейл. В третьей редакции он звучал следующим образом:

> Вы просили держать вас в курсе; тема: деструктивные испытания. Мы подошли к этой стадии. О чем вам и сообщаю. ЧН

Я уместил все в одну строку в надежде, что она не заметит, нажал «ОТПРАВИТЬ» и начал ждать. Через десять секунд всплыло окошко — уведомление о входящем письме, и мое сердце екнуло, ибо темой стояло:

> СТОП НЕ ПРОВОДИТЬ ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Сам же текст гласил лишь:

> позвоните мне пжлст

Телефон у меня на столе зазвонил. Я некоторое время смотрел на него. Но деваться было некуда.

— Алло?

— Где вы? Что происходит?

— Ничего. Я в Стеклянном кабинете.

— Оставайтесь там. Хорошо? Ничего не предпринимайте. Я уже спускаюсь. Мне нужно только сделать один звонок. Скоро буду. Не уходите.

— Я же не говорил — «сегодня». Просто поставил в известность.

— Да. Отлично. Спасибо. Но я не хочу, чтобы вы себя калечили. Это понятно?

— Я думал, вы мне помогаете. Вы сами сказали, что поможете. — Моя рука, державшая телефон, — металлическая рука — напряглась. Я человек не конфликтный. Но осознание истинных помыслов Кассандры Котри взбесило меня — я должен был уяснить их сразу. — Я делаю органы *для себя.*

— Это непрактично, Чарли.

— Это практично. Не говорите мне, что практично, а что нет. Вся моя работа связана с практичностью. Я знаю о том, что практично, больше, чем когда-нибудь узнаете вы.

— Успокойтесь. Нам незачем ссориться.

— Это *мои руки.*

— Я высылаю охрану.

В Стеклянном кабинете собрались лаборанты. Они наблюдали за происходящим огромными неоновыми глазами. Я повернулся к ним спиной.

— Мы потратили на это недели и вдруг не можем провести испытания? Вам нельзя привести человека со стороны. Пойти и найти первого попавшегося ампутанта. У нас секретная лаборатория. На проверку новичка уйдут недели.

— Я позаботилась об этом. Мне не нужен… пока прошу вас просто успокоиться. Сядьте и ничего не делайте, договорились?

— Что значит — вы «позаботились»?

— Не важно. — Я различил щелчок пальцами: она подала кому-то знак. — Сидите на месте.

— Как вы об этом позаботились?

— Вперед! — прошипела Кассандра Котри, но не мне.

Я положил трубку. Повернувшись, я натолкнулся на взгляд десятков кошачьих глаз. Джейсон откашлялся:

— Все в порядке?

Я не ответил. Я думал. Охранники уже были в пути. Я не знал, что они сделают, когда окажутся здесь. Может быть, ничего. А может быть, у меня осталась лишь капля времени, чтобы действовать по своему усмотрению.

— Возвращайтесь к работе, — велел я кошкам.

Я процокал прочь из Стеклянного кабинета и спустился в пятую лабораторию. Здесь хранились руки — новейшие сервомагнитные воплощения технологии, позволявшей наладить сенсорную обратную связь. Подсвеченные, они висели здесь на пластиковых растяжках. Конечно, куда же им деться. Я не знал, с чего мне вдруг понадобилось в этом убедиться. Я отправился в первую лабораторию. Мы начали называть ее Хранилищем, потому что именно туда складывали негодные органы — которые не работали, не подлежали достройке или оставлялись на всякий случай, пока мы не придумаем что-то получше. Там были целые селезенки, пальцы, желудки. Я дотронулся металлическим безымянным пальцем до сканера. Тот загорелся красным. Я остолбенел. Этот замок никогда не краснел передо мной! Что за бред? Это мое помещение. Здесь я храню свои органы.

С моих губ сорвался стон. Я повторил. Красный свет. Я подумал, что в неисправности палец. Но с ним все было в порядке. Дело в замке. Кассандра Котри отозвала мой допуск. Передо мной не откроется ни одна дверь «Лучшего будущего». У меня закружилась голова. Я оперся о стену, пытаясь сохранить равновесие, что было глупо, так как я находился в Контурах, которые удержали бы меня, будь я в сознании или без

сознания, — не то что предательские ноги из мяса, — потом я начал валиться в обморок и треснулся головой о стену. «Уй!» — произнес я.

Контуры сделали неуверенный шажок. Я их об этом не просил. Я заспамил нервный интерфейс своим бешенством. Нехорошо. Чревато нежелательными последствиями. А я всего лишь хотел войти в Хранилище и проверить, все ли в порядке с моими органами.

Я пнул дверь. Она влетела внутрь, ударилась в стену и отскочила от стальных стеллажей у дальней стены. Я содрогнулся от собственного неистовства. Зажегся свет. Я вошел. Мы старались соблюдать порядок, но в помещении будто взорвалась армия роботов. Я изучал сверкающие стеллажи, мысленно пробегая по списку. Всего не упомнить, но вроде бы ничего не пропало. Я испытал облегчение. Я оказался дураком. Разгорячился. Конечно же, мои органы были на месте. Мне будет трудно объяснить, что случилось с дверью.

Я заметил брешь. Пустое место на полке там, где его не должно было быть. Рук не хватало. В плохом смысле.

Я вышел, остановился и развернулся обратно. Я больше не мог оставлять здесь органы. Кто знает, где они окажутся, когда я вернусь? Я схватил несколько пальцев и предплечье, затем увидел кисть, которая мне нравилась больше. Я попытался переложить их, и пальцы рассыпались по полу. Придется выбираться отсюда. Я должен был уйти, пока не явилась охрана. Я не знал, куда податься, но это не меняло дела. Внезапно я вспомнил о Лолином сердце, которое конструировал. Я свалил органы на ближайшую панель, вышел и направился в третью лабораторию. На всякий случай провел пальцем по сканеру, но загорелся красный, и тогда я чуть отступил и пнул дверь. На сей раз я старался бить легче, но ее сорвало с петель и швырнуло на подвесной прожектор. Стекла посыпались дождем. Лаборанты потянутся на шум, будто влекомые осмосом. Их ничто не удержит, если они услышат, как что-то где-то ломается. Я протопал внутрь и сорвал черное покрывало с сердца Лолы. Я замер в отчаянии. Оно было разобрано на тридцать частей, разложенных на рабочем столе. Я забыл, что занимался клапанами. На сборку уйдут часы. Я даже не мог сгрести все в охапку, не поцарапав контакты и не погнув схемы. Зашумел лифт. Мне показалось, что это был лифт. Шуметь могло что угодно. Мне не хватало Лучших Ушей. Я оставил разобранное сердце и высунул голову в коридор. Никого. Но это был лишь вопрос времени. Двери лифта оказались распахнуты, кабина — пуста, и я больше не мог медлить. Я побежал, грохоча

Контурами по полу. Я нажал кнопку цокольного этажа, но ничего, конечно, не произошло. Я просканировал палец. Панель управления виновато пискнула и предложила связаться с руководством. Я покинул кабину и выбил дверь на лестницу. В панике я уже не контролировал силу удара, и дверь отлетела от стальных перил обратно — в меня. Я выставил руки, и ее отбросило в проем. Еще восемь дюймов — и прощай, голова. Дверь поехала вниз по бетонным ступенькам.

— Тпру! — хихикнул кто-то сзади. Лаборанты стягивались.

«Вверх, вверх!» — приказал я Контурам, и те понесли меня по ступенькам. У третьего поворота они замерли на полпути. «Господи, меня отключили», — подумал я. Но сотовой матрицей моих металлических ног я ощущал лестничный холод, а это означало, что питание подавалось. Я включил перезагрузку, мысленно трижды подняв левое колено. Копыта вскинулись и сошлись. Глюк. Какая-то регрессия. Надо будет разобраться. Я вновь снялся с места и через два этажа застыл опять. Я перезагрузил ноги. Должно быть, дело в ступеньках. Наконец я добрался до двери с надписью «ЦОКОЛЬНЫЙ ЭТАЖ». Я не стал ее выбивать — навалился всем телом; она заскрипела и распахнулась. На меня изумленно взглянул мужчина в костюме. Не охранник. Это была удача, так как я перевозбудился и действовал не вполне логично. Не знаю, что было бы, попытайся кто-нибудь меня остановить. Я должен был найти Лолу. Я не представлял, чего этим добьюсь, но был уверен, что вместе мы что-нибудь придумаем. Контуры подхватили эту мысль и понеслись, окрыленные ею. Расколотив всю плитку по дороге обратно в корпус А, они аккуратно отворили дверь на лестницу. Подъем на восемь этажей занял пять минут и обошелся в десять перезагрузок. Это было ужасно. Это явилось испытанием сырого изделия. Но цели я достиг, протопал мимо растений в кадушках и впечатал металлический кулак в дверь Лолы:

— Лола! Лола!

Ждать не было сил, я высадил дверь. Это входило в привычку. Я процокал внутрь, но там оказалось пусто. Лолы не было и в ванной. Ее не было нигде. Это не укладывалось в голове. Лола всегда была здесь. Я не знал, куда идти.

Контуры пришли в движение. Чтобы понять, куда они направляются, мне пришлось восстановить недавние мысли. Послеоперационная палата: там держали Лолу до того, как перевели сюда. Я понятия не имел, где она, но это было единственное место, приходившее в голову. Контуры легко преодолели пять этажей, и я уже было решил, что просчитал конфигурацию поверхности, выводившую их из строя, когда они

пропустили ступеньку и врезались в следующую, как два молота. Трещины по бетону разошлись до противоположной стены. Я хапнул воздух и вцепился в сиденье. Бедра были мокры от пота. Я никогда не проверял, что будет, если разлить воду вокруг иголок нервного интерфейса. Вряд ли что-то хорошее. Нужно было убираться с этой лестницы. Я повел Контуры вручную, сосредотачиваясь на каждой ступеньке, чтобы переиграть навигатор. Разболелись зубы. Я слишком сильно их стиснул. Я весь трясся, когда наконец толкнул дверь медицинского блока. Я никогда так не напрягался физически. В коридоре меня ждали четверо охранников «Лучшего будущего».

— Доктор Нейман, — произнес один. Не Карл. — Я буду вам очень обязан, если вы на секунду успокоитесь.

Все четверо держали руки на кобуре. Они намекали мне, что это не всерьез, но можно и всерьез. Я прикидывал, смогу ли пробежать мимо на Контурах до того, как они извлекут оружие. Наверное, да. Они недооценивали ускорение. Конечно, это будет временное решение. Но хоть что-то. Я решил, что так и поступлю. В дверях появилась Лола:

— Чарли! — Она растолкала охранников. — Ты ужасно выглядишь. Что случилось?

— Они… — начал я. — Почему… что ты здесь делаешь?

— Тут человек. Произошел несчастный случай. Меня попросили помочь. — Она попыталась убрать волосы с моих глаз. — Чарли, у тебя такой вид, будто случился сердечный приступ.

— Что за человек?

— Он там. Идем. Я покажу тебе.

— Что за несчастный случай?

Она потянула меня за руку. Я последовал за ней, охранники шли стороной.

— Он из охраны. Он… Ты его знаешь, это тот самый.

«Который?» — хотел спросить я. Но не смог, потому что уже знал.

— Его зовут Карл. — Она остановилась у послеоперационной палаты и повернулась ко мне. В ее глазах я увидел жуткий огонь, подобный любовному. — Он остался без рук.

И вот он, Карл: сидит на краю постели в боксерских трусах и сгибает руку. Мою руку. Это был прототип Беты — узкие полые трубки из тонкой алюминиево-титановой проволоки на шарнирных суставах с независимыми осями вращения. Их главное преимущество заключалось в возможности поворота в любую сторону, в том числе за спину, а также в малом весе —

всего десять фунтов, что было идеально для пользователя, который не обновил нагрузочную емкость позвоночника. Нервный интерфейс был первого поколения, годный лишь для моторной функции. По сути, это была рука-тренажер. Но факт оставался: ее не должно было быть у Карла.

Приходилось отдать ему должное: он выглядел несколько пристыженным. Он оставил руку в покое. Глаза его забегали. Губы дрогнули, как будто он хотел улыбнуться, но побоялся меня рассердить. Это было правильное решение. Потому что в тот момент я еле сдерживался, чтобы не наподдать Карлу и не проломить его тушей стену.

— Произошла авария, — повторила Лола. Ей что-то не понравилось в креплении руки к плечу Карла, и она начала поправлять. — Ему нельзя об этом рассказывать, но… травма налицо. И вышло очень удачно, потому что у тебя есть эти потрясающие протезы. Я как раз просвещала Карла.

Ее пальцы продолжали порхать вокруг мощных мышц. Этот тип представлял собой оживший анатомический атлас. Не было ни малейшего смысла в том, чтобы вложить в свое тело столько трудов и удалить его часть. Если не принимать в расчет сгоревшую невесту. *Силы много не бывает.*

— Я ужасно рада, что ты здесь, Чарли, потому что ты через это прошел, превратил ампутацию в благо, — вот о чем стоит послушать Карлу. — Она улыбнулась, по-прежнему придерживая его за плечо.

— Нам нужно поговорить, — сказал я.

Она вскинула брови:

— Конечно… хорошо. — Она обошла вокруг Карла. — Тренируйся дальше.

— О'кей, — отозвался Карл.

— Он же в тебя стрелял, — прошептал я. — В сердце.

Лола сердито взглянула. Я такого раньше не видел. Ее брови развернулись градусов на тридцать.

— Думаешь, я не знаю?

— Тогда почему…

— Потому что ему плохо.

— Это…

Охранник в коридоре кашлянул в кулак. Я заставил себя говорить тише:

— Это не был несчастный случай.

Лола взметнула брови:

— С чего ты взял?

— Потому что здесь не бывает ничего случайного. Кассандра

Котри сказала…

— Твоя первая травма была случайной. Ты угодил в тиски.

— Это совсем другое. Это не в счет. Дело в том…

— Да. В чем дело? — Она подбоченилась.

Это невербальное выражение эмоций так отвлекало! Я привык спорить с учеными — они с абсолютно бесстрастными лицами объясняют, где ты ошибся и наделал глупостей.

— Скажи, в чем дело, — настаивала она.

— В том, что это мои органы.

Лола застыла. Когда она обрела дар речи, голос ее звучал приглушенно и угрожающе:

— Считаем, что ты этого не говорил.

— Я их сконструировал. Он забрал их без спроса. Или *кто-то* другой их забрал. Как тебе понравится, если кто-нибудь будет носить части твоего тела?

— О чем ты? — поморщилась она.

— Он носит часть *меня* в своем *теле*. — Я был в отчаянии. — Наверное, я плохо объясняю.

— Это протез. Всего лишь протез, Чарли.

— Мой протез.

— Он лишился обеих рук! — Ее голос эхом разнесся по коридору.

Я оглянулся. Охранники отвели глаза.

Я сглотнул:

— Я могу… Я что-нибудь сделаю. Специально для него.

— Ты меня удивляешь. — Лола пристально смотрела на меня.

— Они собираются отдать ему большие руки. Которые я сделал для себя. Они не хотят оставить их мне. — Я попытался дотронуться до нее, но она увернулась. — Пойдем в твой номер. Тебе нельзя здесь находиться. Ты только что перенесла операцию на сердце.

— Два месяца назад, — уточнила она, и я удивился, но это было похоже на правду. — Со мной все в порядке. А с ним — нет. — Она указала на послеоперационную палату.

— Лола, — сказал я, — подожди. Не ходи туда.

Но она не послушалась.

— Да, я поняла, — кивнула Кассандра Котри. — Органы ваши. — Она развела руками. — Что тут непонятного? Это ваши органы.

— Мои органы, — вторил я.

— У меня была сестра. Она любила носить мои вещи. Бывает, ищу пояс, а она вдруг является в нем. Я так бесилась… — Кассандра Котри утвердилась локтем на диванном подлокотнике.

Она подобрала ноги, как будто собиралась вздремнуть; диван был так себе, он смахивал на тот, что хотели выбросить из вестибюля. — А речь о каких-то шмотках…

— Верно.

— Мне нужно было самой сообразить. Моя вина, я совершенно забыла о ваших чувствах.

— Я не собирался отрезать себе руки. Не сегодня.

— Конечно нет. Ведь правда? Конечно же нет. Все дело во мне… — Она взмахнула рукой. — Я снова зациклилась на контроле. Поймите, что наш проект то так, то этак выдворяет меня за пределы моей зоны комфорта. Я говорила Менеджеру, что вызовы меня притягивают. Да, они влекут. Но черт побери, мне трудно сидеть и безучастно наблюдать. Я вынуждена себя заставлять. А сегодня, Чарли, я поддалась панике и действовала, как велел инстинкт. — Она вздохнула. — Обещаю, что постараюсь больше доверять вам, Чарли. Если я попытаюсь, сможете ли вы доверять мне?

Я медлил с ответом. Ее доводы звучали убедительно. Но я не забывал, что очень плохо разбирался в людях.

— Вы хотите руки. Я знаю. Я буду бороться и постараюсь заполучить их для вас. Что мне сделать, чтобы вам стало лучше, Чарли? Скажите.

— Мм… — Мне пришла в голову одна мысль.

— Все, что угодно.

— Что ж… — Я откашлялся. — Насчет Карла… — Я выдержал паузу на случай, если Кассандре захочется вставить слово. — Он говорил о несчастном случае.

— Не совсем так. Он вызвался сам. Мы искали человека для испытания рук, и он предложил себя. Не спрашивайте меня почему. Но он предложил. — Она вскинула ладони. — Я не смогла вам сказать. Предвидела вашу реакцию. Но существует график. Ваш отдел производит продукции больше, чем может испытать. Вы устраиваете затор. Но забудем об этом. Решение найдено. Что не так с Карлом?

— Мне неуютно рядом с ним.

Ее глаза нащупали мои.

— Хотите, чтобы я как-то вмешалась?

— А вы можете?

— Все, что пожелаете.

Я ничуть не гордился собой. Но я помнил взгляд Лолы, когда она произнесла: «Он остался без рук».

— Не могли бы вы избавиться от Карла?

— Уже сделано.

— Точно?

— Сделано. Забудьте.

— Я сочувствую ему, но…

— Я поняла. — Она махнула рукой. — Он отвлекает. Он снижает вашу работоспособность.

— Да. Совершенно верно. Снижает.

— Не вспоминайте больше о нем, — сказала она.

Лифты работали. Мне обновили допуск. Выйдя из лаборатории, я миновал новенькую запертую дверь на лестничную площадку. Прошло всего два часа, а все следы моего буйства уже уничтожены.

Мне не стоило там появляться. Я не спал двадцать часов и чувствовал, что адреналин на исходе. Но мне не хотелось лежать в ночлежке с мертвым растением в кадке. Не хотелось таращиться в потолок и думать о просьбе, с которой я обратился к Кассандре Котри.

Я прокатал пропуск в третью лабораторию. Лампы вспыхнули, подобно сверхновым. На стальном рабочем столе поблескивали миниатюрные клапаны и переключатели. Я закрыл дверь и подошел к столу. Опустил Контуры до удобной высоты, надел Z-очки и занялся Лолиным сердцем.

Я выполз настолько уставшим, что едва держал голову. Контуры несли меня к цели, невзирая на то что пару раз я клевал носом. Хорошие ноги.

Лола стояла близ моей конуры, привалившись к стене, и нервно теребила край блузки. На груди был вышит логотип «Лучшего будущего».

— Привет.

— О! — молвил я. — Привет.

— Прости за вчерашнее. За ссору.

— Все нормально.

Теперь, когда она была рядом, я даже не мог припомнить причины размолвки.

— Я часто срываюсь на крик. Надо было тебя предупредить. Так бывает, когда постоянно сражаешься с матерью. Думаю, тебе показалось, что я злее, чем есть. Потому что у тебя другие стандарты.

Звучало вполне логично. Я кивнул.

— Я, Чарли, вроде как переживаю, что могу тебе разонравиться.

— О нет, — возразил я. — Это не так.

— Ты уверен?

— Да.

Она протянула ко мне руки, и мы обнялись. Она повернула голову и поцеловала меня в шею.

— Ты лучший. Я правда так думаю. — Она отступила на шаг и пнула Контуры. Удар отозвался звоном в ушах, как будто я оказался посреди грозы. — Нужно дать тебе выспаться. Ты выглядишь совершенно разбитым.

— О'кей.

— Ты говорил, что соорудишь протезы для Карла… Я думаю, это поступок. Это действительно благородно. Это лучшее, что ты можешь сделать для ближнего.

— Гм.

— Спи. Поговорим, когда приведешь мысли в порядок.

— Ладно.

Я вошел внутрь, закрыл за собой дверь и остался стоять.

Мне не спалось. Виной тому были не фантомные боли, а Карл. Он прокрался в мои мысли, и я не мог от него отделаться. Я проснулся в поту: во сне Карл преследовал меня. Он стоял в Тисках, без рук, и смотрел на меня, покуда смыкались пластины. Его взгляд говорил: «Как ты мог? Ты же знаешь, что мне нужны органы».

Я сел. Хорош ли был Карл? Он стрелял в Лолу и украл мои руки. А если не украл, то по крайней мере воспользовался ими. Главным было то, что он разрушал отношения. Он угрожал самому важному в моей жизни.

Но он остался без рук. Если я не помогу, он получит обычные больничные протезы. Не жизнь будет, а мука.

Я разбудил Контуры, выпрямил их и отправился в Стеклянный кабинет. Нужно позвонить Кассандре Котри. Я не знал ее домашнего номера, но мог оставить голосовое сообщение. Тогда я смогу заснуть.

Но, услышав гудок, я заколебался. Воображение нашептывало новые сценарии: Карл занимается лечебной физкультурой с Лолой. Она стоит сзади, обхватив руками его торс, и показывает, как правильно двигаться. Ее дыхание щекочет ему ухо.

Я заметил движение за зеленым стеклом. Джейсон заработался допоздна. Я подумал, что возможно и *другое решение.*

Я лежал неподвижно, заключенный в жужжащий аппарат МРТ. Мне было не по себе: пришлось откинуться и сунуть голову в маленькое отверстие большой машины. Беда была в том, что оно смахивало на рот. Кроме того, было трудно не думать о том, что аппарат может сгенерировать достаточно сильное электромагнитное поле, чтобы с легкостью протащить сквозь

меня булавку. Хорошо, что я позаботился об этом заранее. Если все пойдет так, как задумано, то скоро я вряд ли смогу пользоваться МРТ и не погибнуть. Ритмичное жужжание аппарата действовало на меня успокаивающе.

— Отлично, — произнес бесплотный голос Джейсона. — Теперь сожаление. Что-нибудь такое, что вам хочется изменить.

— Мой дядя умер от рака толстой кишки. Мне было двенадцать. Помню, я думал, что это нелепо — скончаться из-за отказа совсем небольшой части тела. Я не понимал, почему нельзя сделать новую кишку.

— Извините. Я ничего не вижу. Давайте снова? Что-нибудь более… эмоциональное?

— Ну… однажды, когда я учился в неполной средней, я не пошел на школьные танцы, потому что считал, что со мной никто не захочет танцевать. А потом узнал, что девочка, которая мне нравилась, была бы не против.

Изабелла. Она хорошо играла в шахматы. Правда, с ладьями у нее всегда возникали недоработки.

— Все равно не отчетливо.

Я чуть не сказал: «Давай обойдемся без сожалений». Ну, действительно — так ли они важны? Это социальная эмоция. Способность коллектива к выживанию достигает максимума, когда все его члены испытывают эмоциональную потребность вести себя честно друг с другом. Но лично вы желаете бессовестно воровать и лгать. Я не говорю, будто все чрезвычайно ценно и важно. Я лишь следую логике.

— Ребенком я упал с дерева, — поведал я. — Распорол ногу, пришлось накладывать швы. Остался шрам. Маленький белый след. Теперь мне его вроде как не хватает. Он служил связующим звеном между мной и прошлым. Это незначительная часть. Но тем не менее. Я оторвался в смысле, которого не предвидел. Мое тело увязывает пространство со временем. В него встроена биография. — (Джейсон молчал.) — Конечно, ткани организма полностью заменяются через каждые семь лет. Вряд ли тот шрам состоял из тех же молекул. Уместно ли, по-вашему, считать, что по прошествии семи лет люди остаются прежними? Поскольку в физическом отношении это не так. Связь сохраняется, но части обновились. Дом отремонтировали. Создается впечатление, что по истечении семи лет вы уже не должны отвечать за свои поступки. За что сажать человека в тюрьму, если преступление совершила другая физическая сущность? Сохранится ли брак, если в паре не осталось и молекулы от людей, когда-то сказавших друг другу «да»? Мне так не кажется. Я понимаю, что это сложный вопрос, но таково мое мнение.

Тишина. Я отвлекся от темы.

— Думаю, лучшего отклика мы не добьемся, — сообщил Джейсон. — Давайте займемся сильными желаниями.

— Вот тут. — Джейсон указал на монитор. Мы составляли карту моего мозга шесть часов. В затемненной лаборатории глаза Джейсона казались черными впадинами. — Активность в вентромедиальной части префронтальной коры. Отчетливо локализированная.

Я оторвался от Контуров, к которым подключался. Давно я этого не делал. Было больно. Но не так, чтобы совсем плохо.

— Это чувство вины?

— Да. — Джейсон пролистнул дальше. — По данным Крайбича и коллег, пациенты с поражением этой области испытывают его реже. Коэффициент вины для обычного человека — порядка двухсот. Но у людей с поражением данной зоны он в среднем равен двадцати семи. Это означает, что по сравнению с нормой их чувством вины можно пренебречь.

Я активировал Контуры. Мои металлические ноги наполнились ощущениями. Не сказать, чтобы ради этого стоило потерять обе ноги, но чувство было приятным.

— Интересно.

— По всем остальным измеримым эмоциям обе группы показали одинаковые результаты. Хотя нет. Подождите. — Он всмотрелся в экран. — Повысилась зависть.

— Зависть?

— На самом деле — на грани допустимой погрешности. Возможно, это ничего не значит.

— Итак, если подавить активность вентромедиальной зоны моей префронтальной коры, то я буду испытывать меньше вины, но в остальном не изменюсь.

— Намного меньше.

— Да. Намного меньше.

— И — или — сожалений. Зона ведает обоими чувствами.

Я обдумал услышанное:

— Есть ли разница между виной и сожалением?

Джейсон тупо уставился на меня:

— По-моему… нет.

— Мне кажется, одно различие есть… — Я встряхнул головой. — Слово вылетело.

— Вообще-то, я не специалист… по эмоциям.

— Будем считать, что разницы нет.

— О'кей. — Он снова взглянул на экран. — Но я не знаю, как подавить активность вентромедиальной зоны. В смысле… без

ампутации.

Повисло неловкое молчание. На глазах у Джейсона я раздавил себе правую ногу. Он пытался меня остановить. Затем я при нем же расплющил руку. Возможно, в нем жили какие-то неразрешенные чувства.

— Наверное, это слишком радикально.

— В своем роде необратимо.

— Хотя жалеть не стану. — Это была шутка. Джейсон вытаращился. — Потому что у меня уже не будет вентромедиальной части префронтальной коры.

— Ах да. Конечно.

Я сделал новую попытку:

— Не о том ли мечтают люди? Прожить жизнь, чтобы не было мучительно больно? Это присловье.

— Но разве здесь речь не о смелости? Не о риске? Уж всяко не о том, чтобы скальпелем вырезать саму способность чувствовать вину.

— Гм, — хмыкнул я. — Наверное, да.

— Меня во всем этом удивляет одно, — сказал Джейсон. — Никто не говорит «нельзя». Что тебе, например, нельзя делать то-то и то-то. Могут сказать «невозможно» или «слишком дорого». Но чтобы «непозволительно» — никогда. И я знаю, что мы строители, а не философы. Но иногда мне не хватает этической документации, что ли. Чтобы кто-то мудрый объяснил мне: есть вещи, которых делать нельзя, даже если можно. Скажете, глупо? Наверное, это потому, что мои родители — китайцы, вы знаете, и я рос в строгости. В атмосфере высокой морали. Я сопротивлялся. Но теперь я свободен. Я плыву по течению, словно лишился опоры. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не вполне.

— Нет?

— Меня не интересует религия.

— Необязательно…

— Так оно или нет — что ты думаешь о шлеме? — Я перебил Джейсона, поскольку занесло его всерьез. — Закрепленные иглы, каждая из которых способна вколоть положенную дозу тетродотоксина[21] в различные части мозга. Нажал кнопку, бах: прощай вентромедиальная зона. — Я указал на экран. — Или любая другая область, которую надо выключить на несколько часов.

— Но…

— И не только тетродотоксин. Аденозин — для быстроты реакции. Любое вещество, заряженное для введения в нужное место в нужное время. Вот это действительно интересно.

— Не знаю, что будет, если… Я хочу сказать, что слишком многое может пойти не так…

Он привел серьезный довод. Мой мозг мне нужен. Мозг — из тех органов, которые не заменишь. Спешить не следовало. С другой стороны, введение тетродотоксина для точечного подавления чувства вины — это действительно хорошая идея.

— Давай попробуем одну.

— Одну — что?

— Инъекцию. Поставим опыт.

— Я не уверен, что должен это делать.

— Разумеется, должен. Это мое поручение.

— Гм.

— Просто поставь мою руку в нужное место и дай мне маленькую дрель, — распорядился я, так как искусственные пальцы всяко были надежнее.

Раньше мне никогда не хотелось пошуровать в собственной голове. Меня можно было бы заподозрить в подобном, однако — нет. Я пробовал всякое: кофе, энергетики, алкоголь, кофеин в таблетках. Но без восторга. Вглядываясь в экран, где было видно, как я ввожу себе в череп иглу, я подумал, что понял причину. Проглатывание каким-то образом наделяло властью пилюлю. Наркоманов называют юзерами, пользователями, и я теперь убедился, насколько это верно. Пилюли превращают тебя в пассажира. Для контроля над собственным переживанием ты должен создать его сам. Нельзя даже полноценно владеть чем-либо, если не можешь этого изменить. Так я всегда и считал.

Я вынул иглу. Джейсон прикрыл ранку маленькой салфеткой. Укол пришелся в макушку; мне было достаточно выпрямиться в Контурах — и никто не заметит. Джейсон отступил на шаг:

— Что-нибудь чувствуете?

Я открыл рот, чтобы ответить отрицательно, но затем осознал, что, возможно, — да. Потому что при мысли о Карле ситуация предстала вполне рядовой. Карлу не повезло. Из-за меня он попал в историю. Но это были лишь факты. Они не несли никакой эмоциональной нагрузки.

— Да, — кивнул я. — Все хорошо.

Я отправился навестить Лолу. Коридор согревался золотыми лучами восходящего солнца, и мне осталось примерно четыре часа почти нулевого чувства вины. Я постучал, она приоткрыла дверь и зыркнула на меня заспанными глазами:

— Чарли?

— Я знаю, еще рано. Можно войти?

— Да. Конечно.

Она пригладила волосы. Не иначе, они растрепались за ночь. Устроили полномасштабный бунт. Лола распахнула дверь, и я процокал внутрь. Лола была без брюк, одета в вытянутый желтый свитер с надписью «МЕЧТА + ОТВАГА = ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ». У нее были очень красивые ноги. Иногда приходится отдавать должное природе.

— Я работал. Захотел тебя повидать.

— Очень мило. — Она опустилась на диван.

— А где сестра? — Я огляделся.

Глаза ее распахнулись.

— Чарли, ты сломал шаблон.

Я не мог поверить. Я принудил себя отказаться от поиска способа избавиться от сестры, так как мысли об этом поглощали все мое время, когда я не спал. И вот ее не было. Случилось чудо.

Лола встала с дивана. Мое сердце глухо билось. Она уцепила меня за рубашку и притянула к себе. Телу стало очень приятно. «Надо отметить для шлема», — подумал я.

— Она может вернуться в любой момент, — сказала Лола.

Она запрокинула лицо. Мы поцеловались. Мы делали это и раньше. Но не так. Не без свидетелей. Я был весь на нервах: присутствие сестры отлично покрывало тот факт, что целоваться я не умел. Я был пылок. Мне хотелось. Но техники — никакой. Я действовал беспорядочно. Мне набились волосы в рот. Лола положила ладонь мне на щеку и развернула к губам. Она не огорчалась и не сердилась. Она была готова терпеть мои ошибки. Она не ждала никаких подвигов. Я расслабился. Я стал увереннее. Лола прижалась ко мне. Да, я действительно делал это. Я уподобился супермену. Я целовал ее, а она касалась языком моих губ, и я гулко сглатывал, она же смеялась — и смех наполнял мой рот. Все было жарче, чем выглядит на словах. Она нащупала мой затылок, притянула меня ближе. Я провалился в нее. Она была само тяготение. Неодолимое притяжение. Она взяла мою стальную руку и направила к свитеру от «Лучшего будущего», где вздымалось и опадало слово «ОТВАГА». Я почувствовал мягкое тепло и колебания примерно в пять гигагерц.

— Аккуратнее, — прошептала она.

Я открыл глаза, так как вовсе не нажимал. Это делала она. Вот только руки моей она вообще не касалась.

Я попытался убрать ладонь от ее груди. Рука воспротивилась, но в конце концов сдалась. Лола разомкнула веки.

— Стой. Подожди. — Я отпрянул. — Ты меня притягиваешь.

— Это взаимно.

— Я о другом.

Лола смешалась. Затем расширила глаза и отступила. Мне стало чуть легче, как будто я противостоял силе, слишком скрытной, чтобы заметить ее, пока она не исчезла.

— Ты почувствовала?

— Что именно?

— Точно не знаю.

— Чарли?

— Все в порядке, — ответил я, хотя и не знал, так ли это. — Возникло что-то… возможно, какое-то магнитное поле.

— Поле?

— Жди здесь. Мне нужен сканер.

— Дело в моем сердце, — прошептала она. — Правильно?

— Не знаю. Я разберусь.

— Что они в меня вставили?

— Пожалуйста, Лола, — попросил я. — Не плачь, потому что вряд ли я смогу подойти ближе и не навредить кому-то из нас.

Она кивнула:

— Прошу тебя, поторопись.

Я вышел на цокольном этаже и направился к лифтам, чтобы попасть в лаборатории. На полпути ко мне пристроилась девушка и зашагала в ногу. Немалое достижение, так как я и вправду спешил. Я взглянул вниз. Это была Илейн, моя бывшая лаборантка, которой снились кошмары. Она была ниже, чем мне запомнилось. Нет, это я стал выше. К груди она прижимала планшет. Полы белого халата развевались. Прыщи так и не прошли.

— Доктор Нейман, вы заняты?

— Да.

Мы повернули за угол и миновали крытый дворик. Ранние пташки-галстучники строили планы над тарелками с мюсли.

— Я пыталась с вами связаться. Посылала мейлы.

— Я не читаю электронную почту.

— Ладно. — Она перешла на бег. — Я следила за вашей работой. То есть не с самого начала, потому что хотела порвать полностью. Из-за травмы. Но у вас работает столько народу, все о вас только и говорят, и я видела проекты, допущенные к ограниченным испытаниям. И конечно, туда уже не попасть, потому что все, кто знал, уже записались в план, и очередь теперь расписана на месяц вперед, и нет никакой возможности пробиться. Может быть, все-таки как-то получится?

— Не понимаю, о чем вы.

Мы подошли к лифтам, я нажал кнопку на спуск.

Она встала передо мной:

— Я хочу испытывать Лучшую Кожу.

Я безуспешно пытался не разглядывать пятна на ее лбу.

— Подбором испытателей занимаюсь не я.

— Но вы же можете. Записать меня.

— Мне бы…

— Я буду соблюдать правила, стану отличной испытуемой.

— Не сомневаюсь, Илейн.

Лифт наконец прибыл.

— Я умываюсь по восемь раз в день. Использую алоэ и метилгидрокид. Сплю в маске. Она мешает, я просыпаюсь, но не снимаю ее. Пожалуйста.

— Я посмотрю, что можно сделать. — Я вошел в лифт и нажал кнопку лабораторного этажа. Илейн осталась стоять, где была, стискивая руки.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо вам.

Прокатав карточку в пятую лабораторию, я распугал толпу лаборантов, которые сбривали Мирке волосы. Пол был усыпан черными прядями. На лысой голове кошачьи глаза Мирки выглядели огромными, как в японском мультфильме. Мы все какое-то время разглядывали друг друга, после чего я процокал в лабораторию и стал искать портативный сканер.

— Мы… — начал Джейсон. — Вам, наверное, интересно, чем мы тут занимаемся.

— Нет. — По рабочему столу были разбросаны полуразобранные электронные устройства. — Где сканер?

— Там, — хором мяукнули несколько кошек.

Я не понимал, где именно, пока не прошел по указке их пальцев и не сдвинул чертеж. Торчала, должно быть, лишь малая часть, и я ее не заметил.

— Почему вы не носите ваши Глаза, доктор Нейман? — спросила кошка.

В руках у одного я увидел хирургическую дрель. Это не сулило ничего хорошего. Но у меня не было времени.

— Только без глупостей, — посоветовал я и вышел.

Я поднимался в лифте и вертел в руках сканер. Простейшая модель с узким электромагнитным диапазоном. Но — хватит, чтобы определить, что происходит внутри Лолы. Я пока не имел понятия, с чего ее сердце вдруг начало создавать магнитное поле. Оно представляло собой насос.

Двери лифта отворились. В первую секунду я ожидал увидеть Илейн. Можно мне Кожу? Но на площадке было пусто. Слишком пусто. Я процокал по коридору мимо внутреннего дворика: все

столы опустели, галстучники со своими мюслями куда-то исчезли. Я подошел к лифтам корпуса С и собирался нажать кнопку. Свет отключен, табло над лифтами не подавали признаков жизни, кроме одного, ведшего обратный отсчет с восемнадцати. Я ждал. Когда двери открылись, внутри стояла Кассандра Котри:

— Чарли, нам нужно поговорить.

— Я понял, что-то с Лолой.

— О ней позаботятся. Заходите.

Немного помедлив, я вошел в лифт. Кассандра Котри прокатала свой пропуск. Двери закрылись.

— У нас возникло небольшое затруднение. — Она молитвенно свела ладони и приложила пальцы к губам. — Это не страшно. Все хорошо. Но у нас проблема, которую придется решать.

— У нее отказывает сердце?

— Давайте я кое-что объясню. Компания сделала значительные вложения в Лолу Шенкс. Та операция, которая спасла ей жизнь… она недешевая.

Мне это показалось не особенно справедливым, так как спасать жизнь пришлось лишь потому, что в Лолу стрелял Карл, но я молчал, поскольку ждал, когда Кассандра Котри дойдет до Лолы и скажет, что с ней стряслось.

— Можно спорить, явилось ли это решение разумным. Я знаю, что была заинтересована. Но его принимала не я. — Она вскинула глаза на сменявшиеся номера этажей. — Я всегда старалась действовать по правилам, Чарли. Понимаете?

Я ничего не сказал.

Она заговорила резче:

— Разве я упиралась, когда вы попросили меня убрать Карла? Разве я говорила: «Полно вам, Чарли, это же бессердечно, у него стаж десять лет, и он остался без рук»? Нет. Не говорила.

— Уволить.

— Что?

— Я попросил вас *уволить* Карла.

— Вы сказали *избавиться.*

— Это одно и то же.

Она помедлила.

— Конечно, одно. Дело в том, что я пыталась обеспечить вам всестороннюю поддержку. Я охраняла вас от реальности более жесткой. — Она сунула в рот большой палец и принялась грызть ноготь. Потом вынула и уставилась на него, как на предателя. — Никто не ценит управляющих среднего звена. Наверху забыли, каково им приходится. Там воображают, будто мы говорим

сотрудникам сделать то-то и то-то — и они делают. Но это не называется «говорить». Это называется «управлять». Эта компания только потому еще работает, что люди вроде меня разводят их с вами по разным углам.

Двери лифта отворились. Мы были не на этаже Лолы. Мы прибыли куда-то еще.

— Но нет же и нет, — продолжала Кассандра Котри. — Вы с Лолой Шенкс дали волю рукам, и все пошло прахом.

Я увидел свое отражение в огромном серебристом зеркале на противоположной стене. Возле него был столик с лампой и вазой, полной белых цветов. С другой стороны стояла скульптура женщины в натуральную величину с простертой рукой и пустыми глазницами. Какая-то богиня. Кассандра Котри вышла из лифта.

Явилась красивая девушка с ослепительной улыбкой. Богиня рядом с ней выглядела посредственностью.

— Здравствуйте! Вы, должно быть, доктор Нейман. И Кассандра! Как дела? Что у вас, кстати, за блузка? Всегда хотела спросить.

— Я не помню фирму.

— Она вам очень идет. — Девушка положила руки на бедра.

— Он ждет?

— Он будет через пару минут. — Девушка посерьезнела. — Но если пройдете со мной, я принесу все, что пожелаете. Устраивает?

Скользящей походкой она устремилась по коридору. Кассандра Котри неприязненно смотрела ей вслед. Я едва дышал, словно глубоководная рыба, выброшенная на берег. Я был несовместим с этой средой. У меня отсутствовали органы для выживания в ней.

— Где Лола?

— За ней наблюдают, — произнесла Кассандра Котри бесцветным тоном. На меня она не взглянула. — Вам следует держаться от нее подальше, Чарли. В настоящий момент от вас будет больше вреда, чем пользы.

Она последовала за девушкой.

Я взглянул на сканер, который так и держал. Затем положил его на ковер рядом с лифтом и присоединился.

Девушка провела нас в гостиную. Я говорю с точки зрения человека, который не вполне представляет, что такое гостиная. Она рисуется мне чем-то из восемнадцатого века: тяжелые шторы, сложный орнамент обоев, изогнутые стулья, резные ножки. «Изысканность» — вот, по-моему, подходящее слово. Я подтянулся. Так казалось уместнее.

— Вы знаете, кого мы ждем, — сказала Кассандра Котри, как только девушка закрыла за нами дверь. Это не было вопросом, хотя я и не знал ответа. — Менеджера.

— Какого менеджера?

— Менеджера с большой буквы.

— Кого?

— Менеджера, — повторила она. — Менеджера. Ну, вы знаете. Менеджера.

— Это такая должность?

Кассандра Котри уставилась на меня:

— Конечно нет. Он главный администратор. Но все зовут его Менеджером. Потому что он занимается именно этим. Менеджментом. Он управляет. Помните, конгресс пытался прикрыть нас, когда Бостон-ви-эл — тридцать восемь-е[22] оказался не таким безобидным? Ясное дело, не помните. Потому он все уладил. Как можно не знать Менеджера?

Теперь, когда она напомнила, прозвище Менеджер показалось мне знакомым. Он вроде бы подписывал кое-какие корпоративные рассылки, которые я бегло просматривал. На доске объявлений в кафетерии красовались, по-моему, вдохновенные цитаты из его речей. Когда сотрудники рассказывали о бесследно исчезнувших сослуживцах, о свернутых за ночь проектах, о не подтвержденных официально пожарах в лабораториях и авариях, которых никогда не было, они изрекали: «И тогда пришел Менеджер».

— Менеджер с большой буквы.

— Совершенно верно. — Ее большой палец вновь скользнул в рот. — Менеджер с большой буквы.

Дверь со щелчком отворилась. Я был разочарован. Поведение Кассандры Котри побудило меня ждать молний, змеящихся на плечах сшитого на заказ костюма. Да, костюм он носил — и, видимо, тот был сшит на заказ, но в остальном вошедший выглядел заурядно. Если бы я покупал машину, а этот тип вышел ко мне из торгового зала, я бы не удивился.

— Доктор Нейман. — Он подошел ко мне, с протянутой рукой и обнажая в улыбке зубы. У него была исключительно аккуратная прическа. Я и не думал, что можно так уложить волосы. Обычной косметикой такого не добьешься. — Хотите чего-нибудь? Воды? Кофе? Перекусить?

— Нет. — Я пожал его руку. Это сколько-то длилось, и все это время он улыбался.

— Хорошо. — Он взглянул на мои ноги. — Чего в нашем случае требует протокол? Предложить вам присесть?

— Мне удобно.

— Не сомневаюсь. Знаете что? Давайте мы все постоим.

Кассандра Котри, которая вскочила со стула при появлении Менеджера и теперь опускалась обратно, приостановила снижение.

— Не возражаешь, Касси?

— Разумеется, нет.

Касси. Прежней для меня ей не быть.

Менеджер подошел к окну и раздернул шторы. Я сощурился от яркого света. Я едва мог выделить его лицо.

— Я несказанно рад вас видеть, доктор Нейман. Мне искренне жаль, что мы знакомимся только сегодня. — Он не смотрел на Кассандру Котри, но боковым зрением я заметил, что та напряглась; происходил некий безмолвный обмен информацией на уровне менеджеров. — Я лично заинтересован в вашем проекте. Это не единственный… каравай, на который мы разинули рот; караваев, конечно, много — гипотетических караваев, но ваш поразил мое воображение. Масса вещей, которыми мы занимаемся, доктор Нейман, подразумевает постепенное усовершенствование. Мы делаем то же, что и год назад, но немного лучше. Вы, люди из лабораторий, предлагаете парализующую звуковую волну, какой никогда не бывало, но полиции не нужно звуковое оружие. Им нужны тазеры. По сути, им хочется тазеров, к которым они привыкли, которые прошли все проверки и были одобрены заинтересованными акционерами, только стали чуть легче, дешевле и надежнее. Поэтому мы берем чудесное новшество, явившееся из лабораторий, и сводим его к постепенному улучшению. Лично меня это угнетает. Честное слово. Мы заслуживаем большего. Иногда, доктор Нейман, когда я еду на работу и вижу надвигающиеся корпуса, мне приходит в голову мысль: «Почему мы не делаем большего? Почему мы не изменили правила игры? Почему мы не правим миром?» — Он хохотнул. — Это так, для красного словца. Но вы понимаете, что я имею в виду. У нас есть мозги. У нас есть производственные мощности. Есть сеть. Но мы всего лишь компания. Весьма уважаемая компания, не имеющая равных в истории технического прогресса. Мы все должны этим гордиться. Но мы должны и стремиться к большему. Перерасти компанию, которая просто делает то, чего хочется потребителям. И вот о чем я думал: «Что, если сказать им? Ну, мы заявим, допустим: „Знаете что? Вы возьмете гребаную звуковую пушку. Потому что это настоящий прорыв в технологии, и вы оцените это сразу, достаточно просто взять. Вы привыкнете к утечке звука, реверберации, разрушению костей и прочему. Просто возьмите гребаную пушку“». И я действительно верю, доктор Нейман, что, если мы так поступим,

до людей начнет доходить: надо же, эти ребята из «Лучшего будущего» знают, о чем говорят. Прикиньте, нам не нужно задумываться о наших потребностях. А нам не придется писать инструкцию: мол, каждый тазер должен идти в комплекте с ремешком длиной ровно в двадцать восемь и одну десятую дюйма, а если он, не дай бог, окажется длиной в тридцать, на нас свалится десяток совещаний, нам оборвут телефоны и, может быть, придется отозвать весь заказ. Им достаточно просто прийти к нам и спросить: «Что вы имеете предложить?» И мы им скажем. Мы им скажем. — Менеджер отечески положил руку мне на плечо. — Вот что мне нравится в вашем проекте. Он меняет правила игры. Мы обойдемся без анализа спроса на Лучшие Глаза. Нам не нужно носиться и опрашивать потребителей — дескать, сколько вам требуется Лучшей Кожи и в каком виде. Эти товары сами создают рынок. Они сажают нас в кресло водителя. И самое прекрасное здесь, доктор Нейман, — поразительна ирония — в том, что *вы* изменили правила *нашей* игры. Разве кто-то просил вас это делать? Нет. Вы все решили сами. Я смотрю на вас, доктор Нейман, и вижу человека, обуздавшего свою судьбу. Человека, который не позволяет другим навесить на себя ярлык. Природа сдала вам карты, но вы их отбросили. Вы сказали: «Я сам решу, кто я такой. Я сам определяю границы своих возможностей. Я буду не тем, кем меня сделали, а тем, кем сделаю себя сам».

Я моргнул:

— Да. Это именно так.

Я не понимал, почему Кассандра Котри так сильно переживала по поводу моей беседы с Менеджером. Он был классный. Он был точно такой же, как я.

— У меня нет большего повода к гордости, чем пребывание в рядах ваших сторонников. — Он улыбнулся; я улыбнулся в ответ. — Итак, давайте поговорим о сверхвоинах.

Менеджер отвернулся к окну и посмотрел вдаль. Там не было ничего, кроме голубого неба. Я так и сяк вертел в голове его слова, пытаясь понять их смысл. Я гадал: что за сверхвоины?

— Оснащение среднестатистического современного солдата весит сто пятьдесят фунтов. — Он поворотился и развел ладони. В свете, струившемся сзади, он смутно напоминал мессию. — Это стандарт для… как их там… сошек.[23] Специалисты тащат с собой в полтора раза больше. Главным тормозом для современного солдата является то, что он попросту не может унести все. Война превратилась в упражнение на переноску тяжестей. В проблему материально-технического обеспечения. Конечно, вы скажете, что так было всегда. Что на протяжении всей истории битвы выигрывались за счет правильного

распределения ресурсов. И я с вами соглашусь. До определенного момента. Этот самый момент наступает тогда, когда разница между тем, что можно и что нужно нести, превращается в пропасть. Сегодня мы как раз и столкнулись с такой ситуацией. Представьте, что вес перестанет быть проблемой. У нас бы появились солдаты, способные бежать со скоростью пятьдесят миль в час, прыгать на двадцать футов вверх, стрелять на весу из пятидесятимиллиметровых пулеметов и отмахиваться от неприятельского огня, как от дождевых капель. У нас возникли бы Лучшие Солдаты. И не сочтите за дерзость, доктор Нейман, но при всем моем восхищении вашим ширпотребом — Лучшими Глазами, Лучшей Кожей и так далее — он не идет ни в какое сравнение с тем, что мы можем сделать для военных. — Он поднял палец. — Тут я должен уточнить. То, что мы можем сделать для *военных*. Не стану утомлять вас деловыми нюансами, но разработка военной продукции подчинена определенному протоколу. Сначала вы идете в Министерство обороны и говорите: «Салют, просто к сведению: мы подумываем изготовить мобильный боевой экзоскелет». И они отвечают: сердечное вам спасибо, и вот вам пакет документов, официально предписывающих военной разведке проверять каждого сотрудника в радиусе ста футов от вашего здания, и всякий раз, когда вы упомянете название проекта, при этом будет присутствовать четырехзвездный генерал, и так далее и тому подобное. Через десять лет, когда нам разрешат собрать ущербную, упрощенную версию исходной разработки, они предоставят новый пакет бумаг, оговаривающих, сколько всего единиц мы выпустим, сколько нам заплатят за штуку и сколько лет тюрьмы мы получим, если осмелимся продать иностранному государству хотя бы часть технологии, имеющей отношение к проекту. И знаете что? Это херня, доктор Нейман. Это не дает нам расти. А потому на сей раз я хотел бы попробовать иначе. Обойтись без посторонних. Не думаю, что кто-то хочет укомплектовать армию Северной Кореи Лучшими Солдатами, которых нельзя убить. Но в самой возможности этого нет ничего плохого. Ничуть не плохо, если мы сможем явиться в Министерство обороны и сказать: «Уй, *mea culpa,*[24] — оказывается, кто-то из наших поторопился и создал живые боевые машины, и они уже оказались в разных неуправляемых странах». Они, естественно, начнут вещать, визжать и угрожать. Но тогда мы заключим сделку. На наших условиях. Потому что будем располагать Технологией.

— Я не хочу быть сверхвоином, — сказал я.

Кассандра Котри улыбнулась. Менеджер рассмеялся:

— Вам и не нужно! Бога ради, доктор Нейман, выбросьте это из головы. Вы — мыслитель.

— Вы — мозг, — вставила Кассандра Котри.

— Точно. Остальное вам не с руки. — Он скосил глаза на мою металлическую руку. — Извините за выражение. Я имею в виду, что вам незачем лично уподобляться техническому контролю и проверять каждый Лучший Орган. У нас есть люди для этого. Касси должна была вас уведомить.

— Загвоздка в том, — заговорила Кассандра Котри, — что Чарли — художник; надеюсь, вы не обидитесь, Чарли. Таков его менталитет. Я крайне… предельно осторожно обременяла его практическим применением разработок, поскольку для него это личный проект. Глубоко личный. Вот что его вдохновляет.

Руководитель помолчал.

— Не уверен, что понял. Он ведь служащий?

— Конечно, но…

— Вы служащий, доктор Нейман?

— Да.

— Вам платят за то, что вы выполняете работу для «Лучшего будущего», правильно?

Я очень давно не проверял свой банковский счет. Но полагал, что это так.

— Да.

— Тогда я думаю, что мы обозначили вашу роль, — кивнул он. — Насколько я понимаю, в настоящее время есть минимум дюжина человек, способных разрабатывать оригинальные органы. Вы вправе гордиться тем, как передали ваши навыки, доктор Нейман. Ни один работник не должен быть незаменимым.

— Я хочу делать органы сам, — сказал я.

— Позвольте объяснить вам, чего хочу я, — отозвался Менеджер. — Я хочу, чтобы вы помогали нашим подопытным. Чтобы им было легче адаптироваться к жизни с Лучшими Органами. Теперь это ваша специальность. Не конструирование. Посмотрите на себя. Если я подпишусь на какую-то серьезную хирургическую операцию, чтобы стать Лучшим Солдатом, то захочу побеседовать именно с вами. Вы тот человек, которого я хотел бы видеть рядом, когда проснусь, который скажет мне, что все путем и на другой стороне — классно. Что так Лучше. Я не хочу сказать, что с этим у нас проблемы. Я не виню тебя в неувязках с подопытными, Касси. Я говорю лишь, что нам совершенно ни к чему психотические срывы у Лучших Солдат.

— Что это за подопытные? — Я посмотрел на Кассандру Котри и снова на Менеджера. — Вы имеете в виду Карла?

— Мне трудно поверить, что вы не в курсе, доктор Нейман.

Не только же у вас есть Лучшие Органы. — Он взглянул на Кассандру Котри. — Говоря откровенно.

— У кого еще… есть…

— У вас, у сотрудников вашего отдела и у добровольцев.

— Какие еще добровольцы? — Меня затрясло. — У Лолы Шенкс тоже есть Лучший Орган?

— Конечно. Хорошо. Она была в числе первых. Тогда мы еще не запустили программу добровольцев. Нам пришлось действовать решительно. Я знаю, что вы способны это оценить. Разве вы знали наверняка, когда ломали себе ногу, чем это кончится? Разве были уверены, что вообще выживете? Нет. Но выжили. Потому что великие свершения требуют великого мужества. И с самого начала было ясно, что для одних Органов набрать добровольцев будет легче, чем для других. За Глазами и Кожей, ясное дело, выстраиваются очереди. Но кому нужен позвоночник военного назначения? Кому нужны спутниковые барабанные перепонки? Не говорите, что вам. Мы закрыли эту тему. В нашем мире не так много Карлов Ляруссо. Нас не будут осаждать толпы желающих заменить себе жизненно важные органы. Поэтому мы воспользовались случаем.

— Что находится в Лоле? — Мое горло пылало. Я мог думать лишь о том, как та лежит на операционном столе, беспомощная и с выпроставшейся рукой. — Ее сердце. Что это такое?

— Скажем так: кое-что получше, — ответил он.

Меня затопила ярость. Я редко злюсь. Я в жизни не испытывал такого. И всяко ни разу, когда был подключен к нервному интерфейсу, старательно обучая Контуры языку моих импульсов. Они понятия не имели, о чем я толкую. Так или иначе, но только этим я могу объяснить, почему ноги мои дрогнули и я пинком вышвырнул Менеджера в окно.

До этого я не слишком интересовался номером этажа. Но, подойдя к расколотому стеклу и отведя шторы, понял: мы забрались действительно высоко.

9

— Вы его убили. — Кассандра Котри осторожно перешагнула через разбитый стакан и оперлась на то, что осталось от оконной рамы. — Посмотрите. Вон он лежит и не двигается.

Мне хотелось сказать: «Я не нарочно». Но легкие были плотно зажаты в груди.

— Он мертв. — В ее голосе прозвучал благоговейный трепет. — Он точно мертв.

Вопреки доводам рассудка я глянул вниз. Большую часть пространства между «Лучшим будущим» и шоссе занимала широкая ухоженная лужайка. Но ее рассекала надвое узкая бетонная дорожка, и на ней лежал Менеджер. Меня подмывало списать случившееся на невезение. Но это было не важно, судя по тому, как запрокинулись его ноги за голову.

Контуры вдруг шагнули вперед, как будто хотели полюбоваться содеянным. Я покачнулся.

— Чарли… — пробормотала Кассандра Котри. Она не сводила глаз с крохотного изломанного тела Менеджера. — Ну вы и попали…

Контуры напряглись. Четыре секции сложились на два дюйма. Я не просил их об этом. Они должны были выказать реакцию страха: перепуганный мозг сыпал помехами. Но я ощущал другое. Я подозревал, что они действовали по своему усмотрению.

Позади меня кто-то ахнул. Красивая помощница Менеджера стояла с расширенными глазами; одна ладонь лежала на дверной ручке, другая — прикрывала рот. Стало ясно, что будет дальше: сирена, охрана. Я понял, что мои ноги были правы. Они просчитали все раньше меня. Я смерил расстояние, сделал глубокий вдох и прыгнул.

Пока я падал, Контуры вытянулись во всю длину. Копыта развернулись в три пальца, увеличивая площадь касания. Лужайка «Лучшего будущего» неслась на меня, и я закрыл глаза. Позвоночник едва не вонзился в череп. Когда я снова смог видеть, Контуры были трех футов длиной и без копыт. Я решил, что они сломались. Затем они начали вытягиваться, и я вспомнил, что именно так они делали при ударе: сжимались, чтобы смягчить торможение. Копыта утонули в земле. Я вытянул одно, потом второе и стряхнул грязь.

Менеджер лежал в нескольких ярдах от меня. При близком рассмотрении он выглядел не лучше, чем сверху. Меня

затошнило, затем я озлился, так как будь у него Лучшие Органы, он остался бы цел и невредим. Ходил бы себе на механических ногах, а я бы не угодил в подобную ситуацию. Что это за главный администратор, который руководит производством искусственных органов, а сам их не имеет? Непостижимо. Я взирал на эту органическую кашу и пребывал в бешенстве. Не лучший момент в моей жизни.

Впереди раздвинулись двери вестибюля.

«Может быть, там не охранники», — подумал я и ошибся.

«Может быть, они не знают, кто это сделал», — подумал я, и они вытащили пистолеты.

«Может быть, они не станут стрелять, если не побегу», — подумал я и снова не угадал.

Первая пуля ударила меня в левый бицепс. Было не столько больно, сколько обидно. Я и не подозревал, что чужое желание тебя искалечить так оскорбительно.

— Эй! — крикнул я.

Мой голос сел от ярости. Я собирался промаршировать к этому охраннику и объяснить, что я, черт его побери, человек с мозгами, правами и пропуском и что нельзя так вот запросто *стрелять* в людей. Нельзя так запросто *убивать*. Немного лицемерно, если учесть тот факт, что я стоял близ изуродованного тела Менеджера, но мне это не пришло в голову. Я негодовал из-за поврежденного бицепса. Меня остановила лишь мысль, что на этой пуле сегодняшние оскорбления не закончатся, что мне грозят новые, если я не уберусь отсюда.

Так я и сделал. Ноги включились. Голова запрокинулась. Что-то пролетело так близко к ней, что задело волосы. Я вцепился в сиденье гнезда, дабы не выпасть, что было вряд ли возможно, но мне казалось иначе. При каждом шаге ноги взлетали передо мной во всю длину и копыта месили лужайку. Они поскользнулись на мокрой траве, затем мы достигли тротуара, и ноги вновь обрели устойчивость. Им нравился асфальт. Нам нравился асфальт. Я крепко держался, а мимо проносились машины и деревья, пока охранники не остались далеко позади, и вот я оказался в безопасности и осознал, что бросил кое-что важное.

Я не играю в лотерею. Мне все равно, что сказано в моем гороскопе. Я думаю, б***о***льшую часть вещей можно было бы исправить, если бы люди чаще задумывались о том, что они делают. Когда кто-то злится на компьютер, я склонен встать на сторону компьютера. Я считаю, что картины переоценивают, а мосты недооценивают. Честно говоря, я не понимаю, почему

мосты не причисляют к объектам искусства. Мне кажется, что в наказание за пользу. Если построить мост, который заканчивается в воздухе, получится скульптура. Но если поставить его меж двух берегов и пустить по нему двести тысяч автомобилей в день, то выйдет инфраструктура. Это бессмыслица.

Я говорю об этом потому, что мой следующий поступок был не вполне логичен. И знаю: если бы услышал о ком-то, кто сделал так же, тот человек упал бы в моих глазах. «Просто глупость», — подумал бы я. Но я упустил бы из виду сложность срочной оценки критической ситуации изнутри. Когда в вас стреляют, гипоталамус шлет молнию клеткам нейроэндокринной системы, которая отвечает выбросом в кровь кортизола, адреналина и норэпинефрина, и вы перестаете быть машиной, годной для принятия продуманных решений. Вы становитесь машиной для принятия экстренных решений. И я не хочу прятаться за биологию, так как в какой-то момент за свою нейрохимию приходится отвечать, но хочу подчеркнуть, что это не я поддался реакции «бей или беги» — ее выбрало мое тело.

Я замедлил бег. Остановился. Пожилая латиноамериканка пыталась управиться на ходу с кучей пакетов из бакалеи. Увидев копыта, она вытаращила глаза.

— Дьябло.

Лола осталась там. В груди у нее было черт знает что. Кассандра Котри сказала, что о Лоле заботятся, но это могла быть ложь. Они вставили в Лолу устройство без ее ведома.

— Дьябло! — выкрикнула женщина.

Возможно, мне стоит обратиться в полицию. Рассказать им о женщине с неисправным Лучшим Сердцем, которого она не просила. Тут наверняка имеется состав преступления. К тому же в меня стреляла охрана, а потому полиция будет на моей стороне. У меня были металлические ноги, но это они как-нибудь переживут. Впрочем, я убил Менеджера. Не исключено, что, с их точки зрения, я окажусь душегубом. Сообщило ли уже обо мне «Лучшее будущее»?

— Дьябло!

— Тихо, — бросил я, так как крики мешали мне думать.

Комфортное онемение в моем раненом бицепсе начало сменяться болью, которая отвлекала и грозила перерасти в неизбежное мучение. Я попытался сосредоточиться. Мои ноги дрожали. Странно. Я не знал, что они на такое способны. Была бы рядом Лола, она бы сказала, что делать дальше. Мое слабое место: я не умел предсказывать людские поступки. Лола умела. Может быть, есть какой-нибудь задний вход. Путь в «Лучшее

будущее» без охраны с оружием, которое та использовала не задумываясь. Я мысленно перебрал планировку этажей. Нет, ничего подобного не было.

— Дьябло! — визжала женщина. Она уронила свои пакеты и прижала ладони к щекам. — Дьябло!

— Тогда почему я иду обратно? — заорал я в ответ.

Я не сердился на нее. Я просто был взвинчен перед перспективой своей вероятной гибели. Контуры застучали по тротуару, унося меня к Лоле.

Я не дурак. Я не пошел с фасада. С «Лучшим будущим» соседствовал небольшой завод, так что я приставил копыто к его металлической сетке и толкнул. Сетка звякнула, взвизгнула и вылетела из рамы. Я побежал между резервуарами высотой с дом и оказался даже не перед одним, а перед двумя заборами, отделявшими меня от «Лучшего будущего», так как компании не доверяли друг другу. Забор со стороны «Лучшего будущего» был выше, прочнее и с большей вероятностью снабжен сигнализацией. Я поднял копыто и сокрушил первое препятствие, пересек восемь футов ничейной земли и прицелился копытом в ограду «Лучшего будущего». Все мои мускулы сократились. Я прикусил язык. «Бля!» — произнес я. Вибрировал каждый мой нерв, я отступил. Не знаю, почему мне не пришло в голову, что забор под током. Повезло, что моя электроника изолирована, иначе не избежать бы мне бесславного конца. Я огляделся в поисках чего-нибудь полезного — например, высокого дерева, которое можно было бы перекинуть через забор, но увидел лишь стойки, леса и прочие превосходные проводники. Я снова взглянул на забор. Футов двенадцать в высоту. Может быть, я смогу перепрыгнуть. Я ни разу не испытывал Контуры на предмет прыжков вверх в контролируемых условиях, но в тот раз они взмыли на шестьдесят футов. Я посмотрел на здание «Лучшего будущего». Сосредоточился на идеально подстриженном газоне по ту сторону. Мысленно приказал: «Перенесите меня туда».

Ноги присели. Я напрягся, как будто мышцы что-то решали, и ноги прыгнули. Торс сжало, словно гармонику. Я опять прикусил язык. Пролетая над забором, я отпустил сиденье и взмахнул руками, так как мое тело никак не могло смириться с фактом, что оно приторочено к двум тоннам титана. Контуры врезались в почву. Я завалился вперед на сиденье, выдохнул. Я был в порядке. На самом деле это оказалось не так уж плохо. Во всяком случае, я совершил наименее страшный и неприятный прыжок из всех, что выполнил в Контурах. «Похоже, я приловчился», — подумал я, посмотрел на здание «Лучшего будущего» и сказал себе: «О черт!»

На лестнице с Контурами начиналась беда. Я не смогу носиться по этажам. Почему я не починил их? Почему не вспомнил об этом до того, как перенесся на лужайку? Я видел Лолин, насколько я понимал, балкон и размышлял: «Может, прыгнуть?» — и сразу же: «Рехнулся? Тут футов пятьдесят». Без особого воодушевления я направился к зданию. Я не знал, смогу ли это сделать. Я не видел никакой логической причины, почему бы и нет, но было очень высоко, и в случае ошибки я бы погиб. «Да тот ли это балкон?» — гадал я. «Мне неизвестно даже, там ли она». Я остановился, испытав облегчение, потом — стыд. Подумал: «Блядь, я сделаю это» — и вновь передумал. Пот щекотал ребра. Бицепс пульсировал. «Надо обратиться к врачу. Показаться, пока я не сделаю хуже». Балкон Лолы был высоко. Очень высоко.

Из-за угла с воем вылетел «хаммер» «Лучшего будущего». Его покрышки взрывали дерн и расшвыривали его по траве. Он вихлял из стороны в сторону. Его кенгурятник нацелился в меня. Я оцепенело стоял. Затем поднял руки. Мне не хотелось, чтобы меня застрелили. «Хаммер» прибавил скорость, и часть мозга уведомила меня, что подобный разгон избыточен, даже если он хочет подъехать ко мне побыстрее. Я проигнорировал это предупреждение, не в силах в него поверить, пока ситуация не стала очевидной и необратимой.

Есть такое присловье: *если у тебя есть молоток, то все вокруг кажется гвоздем.*[25] Молоток у меня был. В моем распоряжении имелся титановый молоток на сервомагнитах и литиевых батареях. Поэтому когда «хаммер» наехал на меня, я его пнул. Он встал на попа. Передние колеса пронеслись над моей головой. Как пьяный, он одолел двадцать метров, балансируя на грани падения навзничь, — словно в цирке. Покуда он мчался, вихляя, к корпусу «Лучшего будущего», до меня дошло, что перед водителем встали две взаимоисключающие задачи: поставить автомобиль на все четыре колеса и не разнести находившийся на первом этаже конференц-зал. Это был выбор из выборов — так я считал, но водитель попытался сделать то и другое: «хаммер» врезался в здание под углом в тридцать градусов и наполовину скрылся внутри. Лужайку осыпало стеклом и кирпичной пылью.

Возможно, я был ни при чем. Моя вводная ограничивалась стойким нежеланием быть задавленным. Контуры позаботились об остальном: уперлись одной ногой в землю, рассчитали время размаха, отмерили силу удара. Однако опять же — код был мой. Я написал его, не имея в виду данную конкретную ситуацию, но факт оставался фактом: инструкции были мои. С этой точки зрения я заслуживал уважения даже большего, чем телесный носитель, доросший до Контуров. А потому я вскинул глаза. Я

нашел балкон Лолы. Я прыгнул.

Перед лицом моим проносилось стекло. Ветер задувал в одежду. Я зажмурил глаза, сжал зубы и постарался не умереть. По ощущениям — вполне мог. Перегрузка пошла на нет; открыв глаза, я попытался определить, насколько был близок к цели, чтобы выжить, и обнаружил, что копыта летят в паре дюймов над балконными перилами. Я приземлился мягко, как будто сошел с нижней ступеньки лестницы. Я разбираюсь в физике, но все же. Я втянул в себя воздух. Я был жив. Я посмотрел на Контуры и понял, что никогда не испытывал столь сильной любви к неодушевленному предмету.

Балконная дверь отворилась внутрь.

— Чарли!

Из номера вышла Лола. Я попал на нужный балкон. Пространственные навыки — я ими обладал. Лола бросилась ко мне. Через стекло я видел, что внутри полно кошек в лабораторных халатах. Среди них были Джейсон и Мирка. Я заметил медсестру. Они начали спешно покидать помещение.

— Ты почувствовал? Я решила, что это землетрясение!

— Это был я.

Лола свесилась с балкона:

— Как ты сюда попал? Прыгнул? Ты что, действительно прыгнул?

— Нам нужно уходить.

— Что там за дым?

— Лола, очень важно, чтобы мы убрались отсюда как можно быстрее.

— Хорошо. — Она взяла меня за руку — живую. — Я знала, что ты вернешься. Я знала.

Я бросил взгляд на номер. Там было пусто. Чертовы кошки. Затем я понял, что не смогу прыгнуть с балкона. Только не с Лолой. Когда мои ноги коснутся земли и я начну тормозить, Лола будет весить около двух тысяч фунтов.

— М-да. У нас проблема.

— Какая? Идем.

— Я тебя не удержу.

— Да брось. — Она протянула ко мне руки. — Я маленькая.

— Когда мы приземлимся, ты будешь весить не меньше автомобиля. — Увидев ее лицо, я добавил: — Это не я так думаю. Это физика.

Я взглянул на свои металлические пальцы. Будь у меня цельные руки — дело стало бы осуществимым.

— У тебя кровь?

— Тьфу. Да. — Я показал ей бицепс. — Я поломался.

— То есть поранился.

— А я как сказал?

— Ты… — Она встряхнула головой. — Что случилось?

— Они стреляли в меня.

— Кто?

— Корпорация. Охранники.

— Нет!

— Да.

— Зачем им это, Чарли?

— Я пнул главного администратора.

Брови Лолы взлетели.

— О нет!

— Это был несчастный случай.

— Что за несчастный случай?

— Я потом объясню.

— Он сильно ранен?

— Видишь ли…

— У них очень хорошие врачи. Может быть…

— Он мертв.

— Ох, Чарли.

— Прости. — Я извинялся за то, что расстроил Лолу. На Менеджера я все еще был зол.

— И теперь они хотят тебя убить?

— Не знаю. Они стреляли в меня.

— Должно быть, они считают, что ты опасен. Это недоразумение.

— Что же мне, побеседовать с ними?

Лола нахмурилась:

— Ты сказал: «Это был я». Что ты имел в виду? Как ты устроил этот дым?

— Я пнул автомобиль. Он пытался меня задавить. Пришлось отфутболить. В здание.

— О господи.

— Плохо, по-твоему?

— По-моему, это очень плохо.

— Они вставляют людям органы. Военного назначения. Тебе поставили военное сердце.

— Какое?

— Военное…

— Что это значит? Что, черт побери, означает «военное сердце»?

— Я не… — Что-то звякнуло. — Это лифт?

— Уходим, — сказала Лола.

— Да.

— Бери меня и беги. Мы можем спуститься по лестнице.

— Контуры не дружат с лестницами.

— А это что значит?

— Баг какой-то. Не было времени разобраться с софтом…

— Я спрашиваю, что это значит для нас?

— То, что мы не сможем спуститься по лестнице.

— Ладно. Мы можем… давай попробуем на лифте.

— Лифты не заработают, пока…

Шаги. Лола сжала мне руку. Я вновь ощутил странное притяжение пальцев к ее груди.

— Чарли…

Я понял, что столкнулся с головоломкой. Вроде той, где даны мешок зерна, курица, лиса и лодка, которая может перевезти через реку зараз лишь что-то одно. Я мог прыгнуть, но Лола — нет. Она не могла и открыть дверь на лестницу, если предположить, что охрана заперла все, до чего дотянулась. Но Лола была в состоянии спуститься по ступенькам, чего не мог сделать я.

— Ты сумеешь пробить пол?

— Что? Он из армированного бетона.

— То есть нет?

— Конечно нет!

— Не смотри на меня так!

— Я всего лишь…

Пазл сложился. Все было просто. Я доведу Лолу до лестницы. Выбью дверь. Спрыгну на землю. Снова зайду в здание. Выбью дверь в цокольном этаже. Схвачу Лолу. Убегу. Это был хороший план. Простой. Он не исключал, что меня застрелят. Но это было решение. Я взял Лолу за руку и шагнул в номер.

В дверях появился человек. Охранник. И я стоял столбом, позабыв о плане, потому что передо мною был Карл.

Он изменился. Сперва я не понял разницы. Я был занят другими мыслями — например, зачем он здесь. Я думал, что больше его не увижу. Что от него избавились так или иначе. Но вот он стоял, перекрывая единственный выход, не требовавший падения с высоты восьмидесяти футов.

— Привет, Карл. — Свет в коридоре мешал мне видеть его лицо. — Как дела?

Он не шелохнулся. Лола выглянула из-за моего плеча.

Никакой реакции. Он был одет в форму охранника, хотя она тоже выглядела как-то иначе.

— Произошло странное стечение обстоятельств, — сказал я. — Не знаю, какую версию слышал ты, но…

Карл вошел в комнату. Стало ясно, что с ним не так. Я сообразил не сразу, потому что Карл всегда был большим. Но не таким большим. Не настолько, чтобы протискиваться в дверь боком.

Его руки скрывались под формой. Но когда они высунулись из рукавов, я узрел толстые балки из серого металла. Я видел их впервые.

— Мисс Шенкс, — произнес Карл, — вы всегда были очень добры ко мне.

Он перевел взгляд на меня. Я сразу понял, что ему известна моя просьба к Кассандре Котри избавиться от него.

— Чтобы выразить свою признательность, — продолжил Карл, — я дам вам фору.

Брюки Карла топорщились в необычных местах. Когда он шел, между брюками и ботинками поблескивала сталь. У него не было металлических ног. Но было что-то на ногах. Что-то вроде экзоскелета, какие-то подпорки. В этом был смысл. Нельзя приварить титановые щитки к человеческим плечам. Человека просто раздавит. Но я пришел в раздражение. Экзоскелет — порочная идея. Техника установлена поверх дефектной системы. Так расписываются в неспособности разобраться с главной проблемой.

Карл остановился у служебного лифта и прокатал свой пропуск. Это было любопытно, так как минутой раньше его руки представляли собой монолитные блоки. Теперь они расщепились на пальцы — достаточно ловкие, чтобы держать карточку. Похоже, они могли делиться как минимум на четыре пальца, а после снова сливаться для удара. Неплохая идея для рук охранника.

— Лифт откроется в гараже. Дальше сами по себе. Советую поторопиться.

Мы с Лолой втиснулись внутрь.

— Спасибо, Карл, — сказала Лола.

— Я не делаю одолжения. Я отдаю долг.

Лола взглянула на меня.

— Гм, — произнес я. — Спасибо. Извините меня.

Двери лифта начали закрываться. Карл поднял руку и заблокировал их. Его кулак вновь стал монолитным.

— Прошу прощения?

— Я извинился.

— За то, что потребовали избавиться от меня? Вы это имеете в виду? За то, что у меня отобрали руки, потому что вам было жалко поделиться органами? Вы об этом? За время, которое я

провел в постели, где нажимал ногой кнопку, чтобы меня отвели в туалет? За это?

Он убрал руку. Я услышал тонкое пение сервомагнитов. Двери пришли в движение.

— Не извиняйтесь, — сказал Карл. — Теперь у меня собственные органы.

Пока лифт спускался, Лола молчала. Я рискнул взглянуть на нее: она смотрела прямо перед собой, руки были напряжены.

— Как по-твоему, мы и в самом деле приедем в гараж или это ловушка? — спросил я.

— Ты отнял у Карла руки?

— Мне кажется, сейчас не время это обсуждать.

— Ты заставил их отобрать его руки?!

— Это были не его руки, — возразил я, но Лола так красноречиво сжала губы, что я решил отказаться от этого довода. — Давай поговорим позже.

— Я разочарована, Чарли.

Мне стало не по себе. Действие тетродотоксина закончилось. Я знал, что есть вещи и поважнее, но мне не хотелось разочаровывать Лолу. Лифт с глухим стуком остановился. Казалось, что двери долго думали, прежде чем отвориться. Я простер руки:

— Иди сюда. — (Брови Лолы нырнули, как субмарины.) — Тебя придется нести.

Двери разъехались. Сначала я ничего не мог разглядеть. Слишком сильный контраст: светлый лифт, темный гараж и прямоугольник солнечного света на выходе с пандуса. Надо было носить Глаза. Но крики я расслышал отчетливо. До меня донеслись слова: «вон он» и «держите его».

Лола запрыгнула мне на руки. Я обхватил ее и ринулся в темноту. Дробный топот Контуров по бетону напоминал автоматные очереди. Лола выскользнула из моих объятий и пристроилась сбоку. Я до сих пор не понимал, насколько приспособился к Контурам: как наклонялся вместе с ними, когда они двигались; как узнавал по слабому щелчку на бедре об их готовности рвануть и необходимости компенсировать ускорение. С пассажиром такие вещи становятся намного труднее. Лола вцепилась в меня. Я придержал ее, затем Контуры увернулись от охранника, которого я даже не видел, и Лола, взвизгнув, перебралась мне за спину. Ее ноги сомкнулись у меня на поясе. Руки зажали шею в тиски. У меня заслезились глаза. Раздался шум, как будто на бетон обрушился металлический водопад, — звук, похожий на выстрелы из искрового пистолета, который я

видел на прошлогоднем показе: оружия, по моему убеждению, не входившего ни в категорию «несмертельного», ни в разряд «нетравматического». Мы вырвались на солнечный свет. Лола переместилась вперед меня. Ее макушка билась мне в нос. Мы выскочили на дорогу, прижимаясь друг к другу, как вдрызг поссорившиеся влюбленные.

«В укрытие, — велел я Контурам. — Отнесите меня в какое-нибудь укрытие».

Спустя какое-то время мы остановились. Лола сползла с меня медленно и мучительно. Я увидел зеленую загородную улицу. Она выглядела странно, как будто явилась из телепередачи, и я сообразил почему: здесь я вырос. Контуры вернули меня в детство.

— У тебя кровь на подбородке, — сообщила Лола.

Я утерся рукавом. Крови было много. В основном, очевидно, из бицепса. Куда мне выстрелили. Куда мне *выстрелили.* Не новость, но меня снова накрыло. Я дрожал. Голова кружилась, меня бросало из жара в холод.

— Похоже, у меня шок, — проронил я. Точного определения не знал, но слово казалось подходящим.

Лола отошла на несколько шагов и села на траву. Казалось, она разглядывает свою обувь.

Я обхватил себя руками и стиснул. Интересно, кто теперь живет в этом доме? Может быть, если я постучусь, меня угостят какао и разрешат посмотреть телевизор.

— Ты эгоист, — объявила Лола.

Я взглянул на нее. Ее слова казались несправедливыми.

— Я не думал, что должен быть лучше всех. Я не считал, что это вопрос конкуренции.

Интересно, как поведут себя Контуры, если я упаду в обморок? Возможно, так и останутся стоять, пока я буду бессильно свисать с них.

— Ты хотел отомстить придуркам, которые обижали тебя в школе? Этим ты занимался?

Я прищурился. Странно, что Лола так сильно во мне ошибалась. Контуры понимали меня лучше.

— Мы призваны помогать людям, — сообщила Лола своим туфлям.

Действие тетродотоксина явно закончилось. Я решил вступить в спор. Первый поединок с девчонкой, не считая начальной школы.

— Я протезист, — сказала Лола. — Я *даю* людям органы.

— Скажи просто, что любишь Карла.

Она повернулась ко мне. В сумраке черты были чуть призрачными.

— Что?

— Ты любишь его. Карла и его новые руки.

— Карла люблю?

— Ф-фу… — произнес я, намереваясь начать этим некую фразу, но какую — забыл.

— Что?

— Раз так — ступай и выйди за него замуж.

— Ты спятил?

— Не, — буркнул я.

Голову повело. Все закружилось. В небе что-то пронеслось: птица или космический корабль. Мир набирал вес и темнел по краям. Я попытался рассчитать химические реакции, разгулявшиеся в моих венах, — взаимодействие адреналина, бета-блокаторов и анальгетиков, но уравнения ускользнули и перемешались. Что будет, если растворить формулу в формуле? Это был хороший вопрос.

«Чарли», — произнесла Лола. Я всматривался в нее, так как губы двигались, но беззвучно. Потом я понял, что звуки были, но я слушал не ту частоту в моей голове. Я откинулся в Контурах, взглянул на небо. Лола пыталась удержать меня в вертикальном положении.

— Чарли!

— Что? — проговорил я.

— Нужно отвезти тебя в больницу. — Она огляделась. — Черт? В больницу нельзя. Там нас найдут.

— Кто?

— Эти… «Лучшее будущее». Люди, которые убьют нас, чтобы скрыть незаконные испытания искусственных органов. Вспомнил?

— Мне… нужно… сесть.

— Ты уже сидишь.

Я посмотрел на Контуры. Это было так.

— Чарли, не уплывай.

Где-то залаяла собака. Ветер трепал каштановые пряди Лолиных волос.

— Я знаю место. Подруга из больницы. Она живет неподалеку.

— Подруга?

— Да. Чарли. Чарли.

— Что?

— Нужно пройти еще немного.

Я взглянул на нее. Сообразил, что наша ссора исчерпана.

— Хорошо.

— Точно?

— Точно.

Мы поднялись по ступенькам к уютному загородному дому и остановились на затененном крыльце. Лола подняла руку, чтобы позвонить, но замялась:

— Одно условие. Не ругай ее собак.

— С какой стати я буду ругать ее собак?

— Я не говорю, что ты будешь. Просто не трогай их.

Логическая непоследовательность на время затмила боль и усталость. Таким уж я уродился.

— Должно быть, ты догадалась, что буду. Иначе зачем об этом говорить?

— Забудь.

— С ее собаками что-то не так?

— Нет, но она их любит, и, если ты что-нибудь брякнешь, будет неудобно.

— Ладно. — Боль возвращалась. — Я ничего не скажу о собаках.

— Говори. Но только хорошее.

— Я скажу, что они прелесть.

— Не смей! Мурашки по коже.

— Но что же мне говорить? Лола! Объясни, что сказать!

Она позвонила.

— Скажи, что тебе нравятся их наряды.

Поднялся лай. Лола не уточнила, сколько собак, — их явно было много. И они были маленькие. Так я решил.

Фонарь на крыльце зажегся. Я несколько опешил от внешнего вида Лолы: глаза ее глубоко запали, свитер от «Лучшего будущего» испачкан грязью и кровью. Для встречи по одежке дела наши были плохи.

Дверь отворилась, на пороге стояла женщина в атласном халате, державшая, как мне показалось, сумочку, пока та не тявкнула. Другие собачки маячили при лодыжках и лаяли. Все они были одеты в красно-зеленые платьица. Женщина обняла Лолу свободной рукой. Лола ударилась в слезы. Через ее плечо женщина взглянула на мое лицо, тело, ноги. Я понял, что знаком с ней. Это была доктор Анжелика Остин.

— Можно нам войти?

Доктор Анжелика медлила. Она пыталась поставить мне психиатрический диагноз. Неплохо, если учесть, что дом ее был полон разодетых миниатюрных собачек.

— Конечно-конечно. — Она придержала дверь.

На секунду мне показалось, что доктор Анжелика захлопнет

ее до того, как я успею последовать за Лолой. Возможно, она подумала о том же. Но губы ее дрогнули, и она разрешила мне войти. Едва я шагнул в прихожую, под ноги метнулась собачка, и я ее чуть не раздавил. Пришлось останавливать Контуры вручную. Собака была слишком мала, чтобы сработало автоматическое предупреждение столкновений. «Это чревато проблемами», — подумал я.

Доктор Анжелика закрыла дверь:

— Я не удивлена.

Собачка у нее на руках уставилась на меня. Не знаю, о чем она думала. Но о чем-то думала точно.

— Мы в беде, — призналась Лола. — Нам нужна помощь.

Я закрыл глаза. Я был готов. Я видел, как Менеджер спиной вперед летит из окна. Не сводя с меня глаз.

— Чарли.

Я открыл глаза. Рядом с Лолой стояла Кассандра Котри, плечом к плечу.

— Простите, — каркнул я.

— Он ныряет и выныривает, — сказала Лола.

Кассандра Котри кивнула. Это была не Кассандра Котри. Это была доктор Анжелика. Между ними не было ни малейшего сходства.

— Покажите мне эту руку.

— Не трогайте мои руки.

Глубокие карие глаза доктора Анжелики напоминали собачьи. И выражение тоже было одинаковым. Теперь я знал, о чем думала псина: «Этот тип приносит беду».

Я терял сознание и вновь его обретал. Я понимал, что Лола и доктор Анжелика отключают меня от нервного интерфейса, как будто получал на сей счет телеграммы. Это были данные без информации.

— Я тебя предупреждала, — произнесла доктор Анжелика.

— Знаю, — ответила Лола.

— То же самое, что с тем транстибиалом.

— Нет. Он меня любит. Ты не понимаешь, Анжелика. Он рисковал из-за меня жизнью.

— Ты первая, кто увидел в нем человека, когда он лишился ноги. Конечно, он тебя любит. Они все тебя любят. На первых порах.

— Давай не будем.

Я открыл глаза, так как в руке возникло тянущее ощущение. Доктор Анжелика зашивала кожу хирургической нитью.

Лола погладила меня по голове:

— Все хорошо, Чарли. — (Я возлежал у нее на коленях.) — Она тебя чинит.

Я прикрыл глаза.

— То, что у него, я вряд ли вылечу.

— Перестань.

— Он самострел. Я и выписывать его не хотела.

— Ты не понимаешь.

— В прошлый раз ты говорила то же самое. И в позапрошлый. И не говори, что «сейчас все иначе». Это я тоже слышала. Пока то безногое чудо не попыталось забить тебя стулом до смерти.

— У него были неприятности.

— И вечно это оказывается мужик без чего-то, и вечно ты собираешь его по частям, и это всегда кончается плохо. Объясни мне, Лола. Посмотри мне в глаза и скажи, чем он тебя обворожил. Тем, что остался без ноги?

— Хорошо. Это правда. Конечно, этим. Ну и что? Почему все не может пойти иначе? Почему не может быть хорошо?

— Это какая-то дикость, Лола. Я люблю тебя, но эта твоя тяга к ампутантам… тебе она не на пользу.

— Тебе нравятся мужики с сильными руками. Тебя привлекают… мышечные волокна. Это не дикость? Любить человека за структуру костей или цвет глаз? Разве не дико? Я люблю Чарли. И может быть, это было дико, когда началось, но дико *всё*. Сам поиск подходящего тебе человека — занятие дикое. Почему его запах влияет на чувства к нему? А голос? Овал лица? Я не знаю. Но вряд ли есть способ влюбиться так, чтобы это не было дико.

Мой мир, превратившийся в мыльный пузырь, пронзило острой болью.

— Уй, — произнес я.

— Осторожнее с ним.

— Царапина, — отозвалась доктор Анжелика. — Пуля едва его задела. — Тон ее, однако, смягчился. — Я все делаю аккуратно.

— Спасибо, — сказала Лола.

10

Я проснулся счастливым. Было темно. Я не знал, где нахожусь, но в недавнем прекрасном сне обнимал Лолу и пребывал в безопасности. Я лежал неподвижно, пытаясь не спугнуть очарование, но реальность постепенно просачивалась, а с ней — неприятности вроде той, что меня преследует мстительный охранник с многофункциональными руками-кувалдами. И все же мне было не так уж плохо. Все проблемы выглядели пустячными по сравнению со словами Лолы: «Я люблю его». С Лолой вместе все они казались разрешимыми. Она была моей независимой переменной.

На потолке красовался плакат с динозавром. Я повернул голову. Динозавры — повсюду. Корзина в углу была набита игрушечными грузовиками. Детская комната. Теперь я обратил внимание, что и кровать мала. Очень мала. Я вскинул голову. Ног на мне не было.

Пальцы ног свело судорогой. Ступню скрутило. Икры налились огненной сталью, и тот факт, что все это мне только казалось, не играл никакой роли. Я отшвырнул одеяло и принялся массировать место, где должны были находиться обезумевшие мышцы, но знал, что без Контуров все это пустая трата сил, и оказался прав. Из глаз хлынули слезы. «Когда ты в последний раз принимал анальгетики? — вопрошал мозг. — Двенадцать часов назад? Шестнадцать? Теперь будет еще больнее».

— Ноги! — взвыл я. — Мне нужны мои ноги!

— Хочешь тост? — спросила Лола. — Есть арахисовое масло. Могу тебе сделать тост с арахисовым маслом.

В телевизоре медсестра с впечатляющим вырезом выглядывала из окна. Симпатичный доктор, стоявший за ней, говорил, что ей это с рук не сойдет.

— Так что же? — не отставала Лола. — Да или нет?

— Кофе.

— Ты уже выпил достаточно кофе.

Она вышла из кухни. Я стоял в Контурах посреди гостиной и смотрел телевизор. Чтобы освободить место, мне пришлось отодвинуть копытом диван. Теперь тот стоял у стены, оккупированный тремя озлобленными собачками. На одной была курточка из искусственной кожи. Я надеялся, что ее звали не Элвис.

— Почему ты не пьешь воду?

— Я не хочу воды.

Врач на экране страстно обнял медсестру. Неожиданный поворот.

— Чарли, я понимаю, у тебя ломка, — проникновенно сказала Лола. — Но от воды будет легче.

— Вот этому? — Я кивнул на забинтованную руку.

— Анжелика говорит, что это царапина.

— По-моему, инфицированная.

Помолчав, Лола ответила:

— Хорошо, она посмотрит вечером снова.

Доктор Анжелика уехала на работу. Предполагалось, что она вернется с болеутоляющим. До тех же пор я мог рассчитывать лишь на безрецептурные лекарства. Это было значительно ниже моего обычного уровня потребления. Каждое гавканье этих разодетых крысенышей проворачивало в моем мозгу нож.

— Я сделаю тебе тост, — сказала Лола. — И принесу воду.

Она ушла в кухню. Мне не хотелось раздражаться. Всему было виной мое тело, которое наказывало меня за отсутствие анальгетиков. «Лола забрала твои органы, — говорило оно. — Унесла твои ноги, пока ты спал». Я не обращал на это внимания. Я не собирался спорить с собственным телом. Я дам ему то, что оно просит. Но когда-нибудь оно заплатит за это. «Лучшее будущее» не единственная исследовательская контора на свете. Я что-нибудь придумаю. Игра была не окончена, и я знал это, потому что иначе быть не могло.

Доктор Анжелика вернулась домой в 18.18. Каждый мускул моего тела обратился в стекло. Кишечник был в панике, а нервы заводились с полуоборота. Я чуть было не передавил вездесущих собачек столько раз, что уже хотел проделать это намеренно.

Они учуяли приближение доктора Анжелики раньше меня, подняли неистовый лай, бросились к двери и стали ее скрести. Я на секунду испугался, что пришел Карл, но тут доктор Анжелика опустилась на колени и собрала в охапку столько, сколько смогла, и засмеялась, покуда они извивались и лизали ее лицо. Это было своего рода позорищем. Я хочу сказать, что понимаю, сколь радостно встретиться, но должно же быть чувство собственного достоинства. Незачем переворачиваться на спину и показывать гениталии. Не понимаю, как можно радоваться рабской преданности. С религией у меня та же история.

Доктор Анжелика поставила сумку на пол. Это был редкий случай, когда правила социального поведения очевидны: я должен был выделить Анжелике минуту на собак и только потом спросить, есть ли в сумке болеутоляющие. Я молча стоял в конце

коридора и ничего не извлекал из того факта, что все мои члены тела рыдали. Наконец она подняла глаза:

— Лекарства?

Мои зубы клацали.

— Да, пожалуйста.

— Вам следовало сокращать прием. — Доктор Анжелика вытянула прозрачную жидкость из пузырька. — Незачем принимать так много. Кто вас лечит в компании?

— Я.

Я улыбнулся своему отражению в зеркале ванной комнаты. Я был само предвкушение. Мы с телом взбирались в кабинке на пик американской горки.

— Так не годится. Эти средства вызывают привыкание.

— Привыкание. То есть низкий уровень допамина в мозгу? Это поправимо.

— В смысле?

— Я могу починить свой мозг… — Я осекся, увидев, что доктор Анжелика уже вроде и не собирается делать мне укол. — А вы…

Она подошла к двери в ванную, прикрыла ее и остановилась. Мой мозг стал подсказывать способы завладеть шприцем и не сломать его.

— Вы не закончили. Вы хотите заменить протезами и другие органы.

Я ответил не сразу:

— Мне не нравится слово «протез». Оно подразумевает слабое подобие. Я — улучшаю. Вам известно, что мне достаточно подумать о пункте назначения и ноги сами доставят меня туда?

Я высказал это, исходя из того, что, будучи хирургом, доктор Анжелика была и человеком науки. Я не рассчитывал на всеобщие восторги по поводу целиком искусственного тела. Но ноги с навигатором — налетай.

— Прошлой ночью вы проснулись с криком, потому что не могли спать без протезов. Это не улучшение. Вам становится хуже.

Мои ноги шагнули вперед. Глаза доктора Анжелики расширились. Мои тоже, так как я ничего подобного не хотел. Я всего лишь раздумывал, как бы взять шприц.

— Моя биологическая часть адаптируется с трудом, — согласился я. — Это не довод против технологии.

Рука доктора Анжелики шевельнулась. «Господи, она же погубит шприц», — подумал я.

— Подождите! Я ценю вашу заботу. Но это мое тело. Я сам принимаю решения.

— До вас мне дела нет. Можете разрезать себя на кусочки, мне все равно. Я беспокоюсь за Лолу.

— Полно вам, с Лолой все в порядке. Она в безопасности.

— Разве?

— Да! — Я начинал паниковать. Шприц был совсем близко. — Какие вам еще нужны слова?

— Я хочу, чтобы вы признали: Лола совершенна, как она есть.

Я медлил с ответом. Может ли кто-то быть совершенным? В большинстве отношений это невозможно. Нельзя быть совершенным какое-то время. Вы либо совершенны, либо нет. И я не считаю, что биология работает совершенно. Она обеспечивает эффективную аппроксимацию. Вакуум совершенен. Число пи совершенно. Жизнь — нет.

Но я понимал, что все это будет очень трудно объяснить Анжелике, которая в любом случае спрашивала не о том, совершенна ли в моих глазах Лола в совершенном смысле этого слова, но лишь о том, считаю ли я совершенной, то есть достаточно хорошей, ее биологическую природу. И в этом случае ответ был ясен.

— Лола совершенна, как она есть.

— Вы колебались.

— Что?

— О чем тут думать? Вы либо хотите ее порезать, либо нет.

— Нет. Подождите. Мне пришлось расшифровать ваше определение совершенства.

Медицина. Ее называют наукой, но она больше напоминает декоративно-прикладное искусство с латинскими терминами.

— Я не собираюсь резать Лолу, — добавил я.

— Я вам не верю.

— Вы даже не понимаете, чем я занимаюсь. Дело не в том, чтобы резать. Этот процесс — печальная необходимость для улучшения функций.

— Лола знает, что вы собираетесь улучшить ее функции?

— Я не собираюсь улучшать Лолу!

— Чушь собачья.

Анжелика подняла шприц. На этот раз я был уверен, что ему конец. Ноги дернулись вперед.

— Богом клянусь…

— Вы лжете, я вижу!

— Да нет же!

Ноги шагнули вновь, на сей раз далеко. Доктор Анжелика прижалась к двери. Ноги собирались ударить ее. Так, чтобы пробить ею дверь.

— Стойте! — заорал я. — Ни с места! Все хорошо! Обещаю,

все будет нормально, я клянусь, клянусь!

Ноги не двигались. Я закрыл глаза. Думать о хорошем. Я расслабляюсь здесь, в ванной, в полном одиночестве. Я никуда не хочу идти. Я не хочу двигаться, совсем не хочу.

Доктор Анжелика втянула воздух. Потеря контроля над ногами меня подставила. Я не знал, как преподнести это в положительном ракурсе. Но когда я открыл глаза, ее лицо смягчилось.

— Ладно, — сказала она. — По крайней мере, от души. — Она поглядела на шприц и присела на унитаз. — Помойтесь, когда закончите. От вас пахнет.

Она открыла дверь и вышла.

Мне понадобилось время, чтобы сообразить. Доктор Анжелика решила, что я говорил с ней.

— О вас расспрашивают всех подряд, — сообщила доктор Анжелика. Она потянулась через стол и подцепила картофелину. — В больнице.

Лола застыла, не успев донести до рта вилку с латук-салатом.

— Кто?

— «Лучшее будущее», — ответила доктор Анжелика. — Шныряют повсюду и требуют сообщать о любых контактах.

Я не слушал. Я беседовал с моими ногами. «Ау, — говорил я. — Слышите меня?»

— Что ты им сказала?

— Ничего.

Лола взглянула на меня. Вспомнив, что вроде бы должен есть, я ткнул вилкой в морковь.

— Что нам делать?

— Я уже объясняла. — Доктор Анжелика нагнулась и подхватила скулившую в ногах собачку. Блестящие глазки впились в меня через стол. — Идите к федералам. Скажите, что компания проводит незаконные медицинские опыты. Тогда о «Лучшем будущем» можно будет забыть, гарантирую.

«Дайте знак. Пошевелитесь. Или еще что-нибудь сделайте».

Доктор Анжелика почесывала собачку за ушами.

— Его ждут неприятности, но они неизбежны. Он убил человека. Смысл в том, что вы избавитесь от компании. А она опасна. Вы не представляете, на что они способны. Привлеките власти, пока улики не уничтожены. Пока федералам еще есть что конфисковать. — Она стегнула меня взглядом.

Мой правый Контур подскочил и наподдал столешницу. Посуда подпрыгнула на пару дюймов и с грохотом села на место. Собачонка рванула с коленей Анжелики и скрылась в дверях,

откуда злобно уставилась на меня.

— Чарли? — позвала меня Лола.

— Извините, — сказал я. — Да. Со мной все в порядке.

Я стоял в ванной, чистил зубы и разглядывал себя в зеркале. Мои ноги не обладали сознанием. Это было невозможно. Я бы поверил, что они могут мыслить самостоятельно, если бы, вскрыв их, увидел, что ими управляют микроскопические эльфы. Нельзя свести воедино инертные материалы и получить личность.

И тем не менее. Творилось что-то непонятное. Сбой, которого я не предусмотрел.

Вошла Лола, улыбнулась мне и принялась искать вокруг раковины зубную щетку. Она задела меня бедром. Отыскав наконец небольшую голубую щетку, изучила ее и выдавила пасту.

— Ты слышал о случаях, когда собственная слюна кажется противной? — Она сунула щетку в рот и так говорила. — Представь себе.

— Мрф, — промычал я.

— Ме флось пать на фофе пофлой нофью. — Она покачала головой.

— Пать?

— Пать. — Она повернула щетку и выпятила подбородок. Во рту у нее бушевал океан из пасты. — Спать.

Я ощутил слабое, едва заметное притяжение.

Она наклонилась и сплюнула.

— Давай стащим тот матрас с кровати Гаррисона. Тогда мы сможем спать рядом.

Гаррисоном звали сына Анжелики. Он приезжал на выходные два раза в месяц. Лола поведала мне об этом раньше с горящими от ярости глазами, после чего пустилась рассказывать о людях, которых я не знал и которые совершали поступки, коими мне якобы полагалось интересоваться. Такие рассказы я всегда воспринимаю плохо, поскольку в них нет полезной информации. Мне было печально слышать, что Род ставит свою карьеру выше карьеры доктора Анжелики. Но я не знал Рода. Я не понимал, что мне делать с этими сведениями.

— Может быть, нам… пора познакомиться ближе.

Я хотел сплюнуть в раковину, но Контуры не шелохнулись. Они стояли стоймя. «Нагнитесь», — подумал я.

Пальцы Лолы гладили складку на моей рубашке.

— Идем в постель.

В мозгу шепнуло: «Лола не нравится ногам». Это было глупо. Но это пребывало в согласии с данными. «Они ревнуют».

— Пошли.

Пальцы Лолы нащупали мои. Она открыла дверь и выглянула в коридор. Я последовал за ней в комнату сына Анжелики. Со спины Лола выглядела маленькой и беззащитной, и я вдруг решил, что Контуры собираются ее пнуть. Я остановился. Она повернулась и поманила меня. Я был в смятении. Я часто думал о том, как лягу с Лолой в постель. Очень часто. Но я не хотел ее убивать.

— Давай же, Чарли.

Она вернулась, потянула меня в спальню и закрыла дверь. Ее руки обвились вокруг моей талии. Голова запрокинулась.

— Подожди.

— Мм, — откликнулась Лола. Она встала на цыпочки, ее губы искали мои.

— Я не уверен…

Наши губы встретились. Я забыл о разумных ногах. Или, по крайней мере, они стали менее важными. Значение имела лишь близость с Лолой. Затем я понял, что и *в самом деле* приближаюсь к ней. Невидимое притяжение нарастало, металлические пальцы тянулись к ее сердцу. Глаза Лолы распахнулись. Ее руки толкнули меня.

— Чарли! — Какую-то секунду она не могла оторваться. Затем ей удалось сделать два нетвердых шага назад. Ее грудь вздымалась и опадала. — Оно опять!

Теперь я мог судить по трем эпизодам. Первый: в ее номере, когда мы впервые оказались наедине. Второй, когда я ее спасал. И третий — сейчас.

— Это происходит, когда у тебя учащается сердцебиение.

— Что? — Лола схватилась за грудь. — Что происходит?

— Стоп. Остынь. Не пугайся. Так только хуже.

— *Что оно делает?*

— Попытайся думать о чем-то другом. Давай о собачках Анжелики? Они такие забавные. — (Тут все собачки до единой подняли вой. Коридор наполнился топотом многих лап и лаем. Бесполезные меховые мешки.) — Хорошо. Давай подумаем.

— Это бомба. Боже! В меня заложили бомбу.

— Может быть, — сказал я. Лола побелела. — Нет. Это нерентабельно.

— *Что?*

Мне пришлось повысить голос, чтобы перекричать собак:

— Если нужно что-то взорвать, то разве хлопоты с имплантацией — лучший способ…

— *Оно трясется!* — У Лолы стучали зубы.

Я различил звук: тончайший писк, на грани восприятия. Понятно, почему взбесились собаки.

— Чарли… я думаю… ты должен… бежать.

— Нам нужно всего лишь замедлить сердцебиение. Сосредоточься на покое.

— Не могу!

— Можешь, Лола. Ты хозяйка своего тела.

— Беги, Чарли!

Писк усилился настолько, что за ним уже было трудно расслышать что-то еще.

— Я не бегаю. У нас техническая проблема. И мы можем ее разрешить. Вместе…

Я собирался продолжить. Я хотел напомнить, что мы — разумные люди, а логика сдвинет горы. Эти слова были призваны либо успокоить Лолу, либо нагнать на нее тоску; сердцебиение должно было замедлиться в любом случае. Я до сих пор считаю, что идея была хороша. Но прежде чем я заговорил, Лола взорвалась.

Меня хлестнуло чем-то похожим на порыв ветра, но вместо воздуха были иглы. Ноги дрогнули. В ушах зазвенело.

В доме воцарилась тишина. Я посмотрел на Лолу, а она посмотрела на меня, и с нами обоими как будто ничего не случилось.

— Ты в поря… — Мы заговорили одновременно.

Она шагнула вперед, и ничего страшного не произошло. Мы улыбнулись. Лола упала в мои объятия:

— Как страшно. Что это было?

— По-моему, что-то, что не сработало.

— Я решила, мы умираем. — Она содрогнулась. — Мне показалось, что я собираюсь тебя убить.

Прошла минута. Странно пахло чем-то едким.

Лола подняла на меня глаза:

— Собаки замолчали.

Мы слушали.

Лола потянулась к дверной ручке. Я хотел посторониться, но не смог. Я попытался снова.

— Чарли?

Запах был знакомый. Такой же возникает, если включить схему в розетку не с тем напряжением. Запах перегоревших транзисторов.

Дисплей цифрового будильника на прикроватном столике погас. На полке стоял небольшой стереопроигрыватель, светодиод которого на датчике включения обычно горел красным, — тоже ничего.

— С вами все в порядке? — донесся до нас голос

Анжелики. — Электричества нет!

— Нет, — сказал я. — Нет, нет, нет.

— Что с тобой? — Лола тронула меня за руку.

Я открыл рот и снова закрыл.

— Ты ранен?

— Да. Да.

— Куда?

— Мои ноги.

— Твои…

— ЭМИ. Электромагнитный. Импульс.

— Что это значит?

— Ты убила мои ноги, — сказал я.

Существует пять стадий горя. Первая — отрицание. Например: *Мои ноги не умерли. Этого не может быть.* Затем — гнев: *Ты убила мои ноги, пошла вон, убери от меня свои руки* и так далее. Для этой стадии характерны крик и ярость. Те или иные несправедливые упреки. Слезы и оскорбленные чувства.

Затем — торг. Уже тише. *Лишь бы уцелела батарея. Пожалуйста, пусть она будет в порядке.* Четвертая стадия — депрессия. *Они мертвы. Я мертв.* Это своего рода извращенное наслаждение. Последняя стадия — принятие. Я не привожу примеров, потому что был очень, очень далек от принятия.

На четвертый день Лола вошла в мою комнату. До сих пор она оставляла подносы с едой снаружи. Я приучился ждать, пока не стихнут ее шаги, подтягиваться к двери и втаскивать поднос внутрь, пока не налетели собаки.

Но в этот раз она открыла дверь. Зеленая блузка и глубокое страдание. Я сидел на ковре в окружении органов. Органов моих органов. Я разобрал их и разложил детали концентрическими кругами. Выглядело это так, будто я пал жертвой самого аккуратного в мире взрыва. Так оно и было. То, что вырвалось из Лолы, не убило никого и не разрушило ничего, не повредило ни единого тела, кроме моего.

— Мне кажется… — начала она.

Разрозненные компоненты не означали, что я занимался ремонтом. Я разобрал Контуры, потому что не смог придумать ничего другого. Я пытался разложить проблему на мелкие части, пока не доберусь до чего-нибудь, что можно исправить. Так поступают в ходе любого решения: делят на части.

— Мне кажется, несправедливо вести себя так, будто я в чем-то виновата, — сказала Лола.

— Ты не виновата. — Произнося это, я не смотрел на нее, так

как в действительности не верил сказанному.

— Это они в меня вставили. — Она шагнула вперед, и ее нога опустилась рядом с трехфутовым титановым фрагментом, который когда-то отвечал за плоскостную стабилизацию; проблема заключалась в том, что многие детали были машинной сборки и я не мог разобрать их при помощи бытовых инструментов. — Они вложили эту штуку мне в грудь и даже не сказали.

Вопреки всякому желанию у меня вырвалось:

— Ты могла успокоиться.

— Я могла успокоиться.

— Да.

— Чарли, я пыталась.

Я подобрал радиальный болт. Я не вполне понимал, откуда он был. Поначалу я вел записи. Надо было продолжать.

— Сердце не успокаивалось. Оно…

— Люди весьма избирательны, когда дело касается тела, — сообщил я болту. — Когда оно делает что-то хорошее, они приписывают заслугу себе. И говорят: это сделал я. Но стоит чему-то пойти не так — и ни о каком *я* речь уже не идет. Виновата нога. Кожа. Они сами вдруг становятся ни при чем. Остается тело, в котором они застряли.

— О чем ты говоришь?

— Ни о чем. — Я вертел болт в руках. — Просто наблюдение.

Тишина. Дверь, закрываясь, щелкнула.

Я нашел под кроватью скейтборд и взгромоздился на него. С одной рабочей рукой и наполовину действовавшей другой мне удалось кое-как проехать на нем с мизерной скоростью. Это было неудобно и унизительно, но у меня получилось. Когда я уверился, что вокруг никого нет, я отворил дверь и выбрался в коридор. На полпути к ванной выбежала собачонка и присела на плитку. Я понимал, что она ничем не могла помочь, даже если бы захотела, но все равно был оскорблен. Я вполз в ванную и прикрыл за собой дверь. Мое дыхание было тяжелым и неровным. Я совсем потерял форму. Положив мою полуруку на стульчак, а целую — теперь *хорошую* — на лавочку, я подтянулся. Ручные мускулы дрожали, как перепуганные девчонки. Я перевалился через стульчак и поцеловал фарфор, но мне было плевать, так как это был хоть какой-то прогресс. Я кое-как перевел себя в вертикальное положение. Начав мочиться, я испытал гордость.

На выходе меня ожидали три собачки. Им не было ни страшно, ни любопытно. Они просто сидели.

— Брысь! — Я притворился, будто замахиваюсь.

Одна встала, посмотрела на двух других и снова села, словно в легком смущении. Они общались телепатически. По отдельности они были тупые, но вместе образовывали единый интеллект. Сознание стаи. И оно что-то замышляло. Оно собирало данные для последующего использования. Пока я катил к своей комнате, мне обжигало спину множество глаз Большого Пса.

Во время работы я разговаривал с моими деталями. Брал, например, зеркальную пластину и спрашивал: «Что с тобой стряслось?» Или, рассматривая радиационный экран: «Тебе нужен дуговой сварочный аппарат. Вот что тебе нужно». Они не отвечали. Я не сошел с ума. Просто так было проще сосредоточиться. Но иногда я слышал шаги за дверью и понимал, что это может быть очевидно не всем.

Я сожалел о том, что сказал Лоле. Я сообщил об этом Контурам. «Она пыталась успокоиться». Дело было глубокой ночью, после нескольких часов бесполезного ковыряния в транзисторах. «Она не желала вам смерти». Затем я обхватил себя руками и заплакал, потому что очень устал.

На следующий день я решил извиниться. Я все исправлю. Я больше не хотел там ползать — немытым, вонючим, скорбным, волочащимся существом. Я не хотел огорчать Лолу. И вот я сел, и детали Контуров рассыпались. Я спал с ними, чтобы избавиться от фантомных болей. Не спрашивайте, почему это помогало. Помогало, и все. Я подумал: «Исправлю что-то одно». Если мне это удастся и я продвинусь на шаг к восстановлению функции, Контуры уже не будут мертвыми. Они станут лишь временно нетрудоспособными.

Итак, я сполз с кровати и начал искать восстановимый фрагмент. Но так и не смог найти. Недели шли.

Мне явилось Откровение. Я лежал на животе, пытаясь дотянуться до мелких титановых деталей, каким-то образом закатившихся под кровать, и вдруг подумал: «Это всего лишь железяки». Не такое уж великое открытие, правда? А вот и неправда — великое. Я смотрел на эти детали, когда-то образовывавшие костяк моих пальцев, и они не казались частями меня.

Я сел. Я никогда не соберу Контуры вновь, теперь я это знал. Раньше эта мысль вызывала парализующий страх, теперь же я больше испытывал облегчение. Часть меня еще стремилась все починить, попробовать снова, но то была малая, исчезающая часть. Я глянул вниз и подумал: «Я редкостное дерьмо».

Я сделал Лоле больно. Возможно, она ушла. Кто-то приносил мне еду и подслушивал за дверью, но это могла быть доктор Анжелика.

Я распахнул дверь. Свежий воздух хлестнул меня, как пощечина. На полу в коридоре лежал клочок бумаги: вырезка из каталога инструментов. Реклама сварочного аппарата. На ней почерком Лолы было написано: «Ждет тебя в гараже».

Я оставался там, когда она появилась в конце коридора.

— Ох, — вымолвила она. — Ты… в общем, я слышала, что он тебе нужен. Мне пришлось немного поискать. — Она переступила с ноги на ногу. — Надеюсь, этот подойдет.

— Прости, — каркнул я. Тихий, жалкий звук.

— Все в порядке, — сказала Лола. — Все хорошо, Чарли.

Когда я очутился в ванне, с меня потекла сальная гадость, образовавшая вихревые фракталы Мандельброта.[26] Я был ядром галактики из пота и растворявшейся грязи. Я не осознавал, насколько сильно воняю. Привыкнуть можно к чему угодно. Мозг жалуется лишь на изменение.

Лола принялась меня мыть. Я не мог поверить, что она не собирается мстить. Я знал о любви, что заслужить ее невозможно. Я думал, что существует набор критериев, вроде хорошего чувства юмора, внешности и богатства. Что недостаток в одной области можно сгладить избытком в другой — отсюда состоятельные уроды с красивыми женами. Но в этом действовал алгоритм. Вот почему мне казалось, что я нелюбим: я набирал мало баллов. Я сделал несколько попыток увеличить счет и в то же время говорил себе, что мне все равно, поскольку женщинам хотелось, — ложного и преходящего, и, стало быть, лучше мне остаться одному. А иногда я просто ленился и предпочитал программирование. Но вот я в ванне, полной моей грязи, а Лола скребет мне спину, и какой же здесь алгоритм? Задача не имела точки остановки.[27]

Лола вышла и вернулась с ногами-протезами вроде тех, что показывала при нашей первой встрече. Она прислонила их к стене:

— Конечно, в них нет ничего особенного… — Костыли с пластмассовыми ведрами. Такие выдают ветеранам, о которых забыло правительство. — Все, что смогла забрать Анжелика, не вызывая подозрений.

— Оу, — произнес я.

— Я знаю, они примитивные. Не такие, как… действительно примитивные. Но хоть что-то.

— Спасибо.

Она улыбнулась:

— Примеришь?

Ремни истерлись и потрескались, пошли темными полосами. В них попотело немало обрубленных бедер. Гнезда были слишком свободными в одних местах и тесными — в других. Когда пластик охватил мои бедра, плоть взвыла. Я привык к наноиглам, но не к тупому сжатию. Я как будто надел перчатку на глазное яблоко. Я затянул ремни вокруг бедер, обхватил Лолу за шею, и она помогла мне встать. Я не мог сидеть в гнездах, как сидел в Контурах: мне приходилось переставлять их, как ходули. Они и были ходулями. Я сделал шаг, отставая от Лолы, и задел резиновым набалдашником стену, оставив черную метку.

— Все нормально, — сказала Лола. — Давай дальше.

Я был уверен, что гнезда уже полны крови.

На четвертом шаге я заметил, что телу нравится. Бедрам не нравилось. Бедра меня ненавидели. Но мозг, довольный движением, кормил меня эндорфинами. «Вот что ты должен делать». Мой мозг не был интеллектуалом. Он находил удовольствие в простых вещах — долгих прогулках и тяжелом труде. Возможно, он был прав. Наверное, дело было в эндорфинах, но я вдруг ощутил, что смогу с этим жить. Быть может, мы с Лолой осядем инкогнито в каком-нибудь заснеженном канадском городке. Лола будет печь пироги. Я — выращивать овощи. Я стану «мужиком без ног и с покалеченной рукой, который когда-то был ученым». Горожане сочтут меня нелюдимым, но проникнутся уважением. Они будут звать меня Доком.

Лола опустила меня на стульчак.

— Молодчина, Чарли. Просто бесподобно для первой попытки. — Она потянулась к пряжке.

— Еще.

Ее брови взметнулись.

— Ты уверен? — Она захлопала в ладоши. — Так держать, Чарли! Так держать!

Наступила ночь. Я не стану расписывать всю эту муку, полную стонов и пота. Я только скажу, что это стало одним из ужаснейших испытаний за всю мою жизнь. Я заявляю это как человек, потерявшей ноги в промышленных тисках. Беда была в том, что я улегся в постель без протезов и деталей. Только я и Лола, свернувшаяся у меня под мышкой, и при свете это казалось осуществимым, но, едва воцарилась тишина, ошибка стала очевидной. Я лежал и таращился в потолок. Я ощущал мурашки. Безобидные. Но они никуда не девались.

Я пытался отвлечься. Я думал о посторонних вещах — например, разыщет ли меня Карл и что он сделает, если найдет. Мурашки переросли в острые боли. Я дернулся, и Лола подняла голову. Ее глаза блеснули в темноте.

— Все в порядке, — сказал я, но мне хотелось, чтобы она раскусила мою ложь.

— Хочешь надеть ноги?

Я помотал головой. Я закусил губу. В полночь мы включили свет и обули меня в ветеранские протезы. Мне сразу полегчало. Трясущимися пальцами я массировал полые трубки и чувствовал, как расслабляются невидимые мышцы. Лола притулилась ко мне. Я закрыл глаза.

Я проснулся от собственного крика. Мои ноги вытягивались и раздувались. Бедра горели огнем. Ничего похожего я прежде не знал. Лола вскочила, чтобы включить свет. Я схватился за ходули, дабы мой мозг убедился — вот они. Но дело оказалось в другом. Я понял это мгновенно. Беда не в том, что я был без ног. Беда заключалась в том, что я был без Контуров. Моя матрица изменилась. Я нуждался в *настоящих* искусственных ногах.

— Я принесу нервный интерфейс, — сказала Лола.

— Нет, — простонал я. — Не сейчас.

Утром стало лучше. Лола, одетая в чужую футболку с надписью «ДИНОГРЫЗ», пошлепала в душ. Я нацепил ветеранские протезы и пробовал ходить самостоятельно. Я ковылял по коридору, как малый ребенок, делая огромные неуклюжие шаги и мотаясь от стены к стене. Собак не было. Мне следовало обратить на это внимание.

— Нет, другой, — донесся голос Лолы. Она зачем-то пошла в гостиную. — Ты сама увидишь.

— Ты купила ему чертов сварочный аппарат. Ты вооружаешь его! — Доктор Анжелика, конечно. — Богом клянусь, Лола! Кончится тем, что тебя разберут на части.

— Он старается. Ты увидишь.

— Старается попасть в гараж, держу пари.

— Он носит эти *дебильные* ноги. Он изменился.

— Нет. Такие никогда не меняются.

Я придумал изящный ход. Я проковыляю к ним на ходулях. Доктор Анжелика удивится. А Лола посмотрит на нее, типа «Видишь?». А я весь такой начну озираться, как будто ничего не понимаю.

Я поставил одну ходулину перед другой. Добравшись до конца коридора, я восстановил равновесие и вошел в гостиную — взаправду вошел, хотя и держал колом спину и пучил глаза, как

зомби. Лола и доктор Анжелика повернулись. Идеальная работа. Дальше я наступил на собачку.

— Биггльз!

Я в жизни не слыхал большего визга, а ведь работал в металлопрокате. Скрючив пальцы, доктор Анжелика бросилась на меня. Я посмотрел вниз и увидел, что под резиновым копытцем застряла собачонка — Биггльз, по всей вероятности. Точнее, голубая одежка Биггльза, но он издавал столько шума, что немножко Биггльза там тоже, наверное, было. Я попытался поднять ногу, но зацепился за его курточку. Затем я потерял равновесие и мог лишь вертеться юлой. Крик Анжелики достиг нового градуса ярости. Со стороны, наверное, казалось, что я пляшу на собаке. Анжелика врезалась в меня плечом, и я рухнул на пол вместе с перепутавшимися ходулями. Когда я приподнялся, доктор Анжелика баюкала Биггльза на руках. Тот лизал ей лицо и скулил.

Я понял, что они все спланировали. Большой Пес, коллективный разум, послал Биггльза под мои ходули. Биггльз стал террористом-смертником. Я огляделся в поиске мохнатых морд, уверенный, что они подсматривают из укромного места.

— Это подстава. — Теперь мне ясно, что следовало держать свою теорию при себе. — Биггльз сделал это нарочно.

Доктор Анжелика ударила меня. Возможно, вы думаете, что хирурги не склонны использовать руки в качестве тупого орудия. Но я свое получил. Ее ногти разодрали мне щеку. Со всех сторон несся вой и лай. Собаки материализовались из стен. Биггльз укусил меня за палец.

— Пошел вон! — орала доктор Анжелика. — Проваливай, жопа такая, живо вали отсюда!

— Прекрати его бить! — вмешалась Лола.

Собачьи завывания мешались с ожесточенными воплями Анжелики и криками Лолы — и вот я перестал их различать. Однажды в «Лучшем будущем» я посетил презентацию звукового несмертельного оружия, и те пистолеты звучали не столь ужасно. Я обхватил голову руками. Почку разорвала острая боль. Я вскинул глаза. Доктор Анжелика меня пнула. Она глядела сверху вниз, и в тот момент я обрадовался, что у нее нет скальпеля. Лола схватила ее за волосы. Доктор Анжелика завизжала и замахнулась на Лолу, а та увернулась, и они замерли, разделенные несколькими футами и шокированные не то друг дружкой, не то собой. Доктор Анжелика сгребла Биггльза и выбежала из комнаты. За ней потрусила вереница собачек. Прежде чем скрыться, одна обернулась на меня, и я уловил злорадство. Хлопнула дверь спальни.

— О боже, — сказала Лола. Она посмотрела на меня, затем

притворила дверь. — О господи.

Я стал подниматься:

— Это было нечаянно.

Лола моргнула:

— Конечно. — Она подошла и помогла мне взобраться на диван. — У тебя кровь. Покажи палец.

— Биггльз не особенно пострадал, раз так кусается.

— Шшш.

Я притих. В тишине было слышно, как доктор Анжелика воркует со своими собаками.

— Она нас выставит?

— Не знаю.

Голос доктора Анжелики стал громче. Он казался резким. На моей памяти она никогда так не разговаривала с собаками.

— Как ей только в голову пришло, что ты нарочно наступил на Биггльза? — (Я молчал.) — Никто тебя не понимает, — сказала Лола.

Доктор Анжелика произносила что-то отрывисто и невнятно.

— Она разговаривает по телефону?

Мы прислушались. Теперь воцарилась тишина. Но я знал, что сделала доктор Анжелика. Я почти слышал его: белый фургон с логотипом «Лучшего будущего».

Я кое-как встал на ноги. На ходули. Я принял вертикальное положение.

— Где Анжелика держит ключи от машины?

— Что?

— Ключи от машины. — Я сделал шаг, потом другой, направляясь к кухонной двери.

— Зачем тебе ключи от ее машины?

На этот вопрос было трудно ответить, не участив сердцебиения Лолы. Учащенное сердцебиение кончится плохо. Оно может вызвать электромагнитный импульс, который убьет машину, и путей к отступлению не останется. Мне предстояло совершить самый хладнокровный побег на свете.

— Я просто… — Вот они, на столешнице. Я прихватил их. — Пошли в гараж.

— Зачем?

— Хочу покататься.

Лола уставилась на меня:

— Тебе нужен сварочный аппарат.

— Что? Да нет же!

— Анжелика была права. — Она приложила ладони ко лбу. — Какая же я дура. — Ее глаза снова выкатились. — Ты любишь меня? Я имею в виду — хоть чуть-чуть?

— Что?

— Ты этого ни разу не сказал.

Я удивился. Но она была права. Мне это казалось само собой разумеющимся.

— Я тебя умоляю.

— Что «я тебя умоляю»?

— Я хочу сказать, что люблю тебя. — Даже по моим меркам вышло неважно. — Ты же знаешь.

— Откуда я могу это знать?

— Из наблюдений! — Я хотел развести руками, но держал костыли. — Я чуть не погиб, пытаясь вывести тебя из того здания! Покажи мне гипотезу, которая объяснит этот факт лучше. Шизофрения? — Я прикусил губу, потому что звучало правдоподобно.

Лола не сводила с меня глаз.

— Мы пройдем мимо аппарата и сядем в машину. Идем, и увидишь сама.

— Тогда зачем…

— Просто пойдем. Пожалуйста. Сейчас же.

11

Машина оказалась гибридом вроде меня. Лола забралась на водительское сиденье и поправила зеркало.

— Не знаю, правильно ли мы поступаем.

Мои ходули каким-то образом зацепились за дверцу в салон. Они были чертовски нескладными. Все приходилось делать самому. Я раздраженно сорвал ремни и начал стягивать гнезда. Они сопротивлялись, пластик присосался к коже, потом они с хлюпающим звуком отлипли. Я зашвырнул их на заднее сиденье.

— Я даже не знаю, куда мы едем.

— Куда угодно.

Я захлопнул дверцу. В окно я увидел его — дуговой сварочный аппарат. У меня перехватило дыхание. Серый холодильник на колесах. Должно быть, в двести ампер.

— Я оставлю записку. — Она потянулась к ручке.

— Нет! Стой!

— Чарли, какого черта? Ты устраиваешь…

— Тихо.

— Что?

— Тсс.

— Что?

— Замолчи.

— Нет, это ты замолчи! Козел!

Я принялся шарить между сиденьями, пока не нашел пульт управления. Дверь гаража с лязгом поехала вверх.

— Тебе нужно отключить голову.

— Ты хочешь сделать из меня механизм! — Лицо ее пылало. Это было плохо. Все было плохо. — Ты хочешь включать меня и выключать, когда тебе вздумается!

— Лола, не забывай об электромагнитном оружие в твоей груди. — Дверь втянулась в потолок. За ней расстилался обсаженный клумбами бетонный подъездной путь, а дальше — заманчиво пустынная дорога. — О том, что активируется частым сердцебиением.

— Я помню, Чарли.

— Короче, важно, чтобы ты не нервничала. Понимаешь? Ты должна абстрагироваться от стресса.

— У нас неприятности?

— Нет. Но, пожалуйста, поезжай.

Какое-то время Лола смотрела на меня. Затем она подалась вперед и нажала кнопку. Машина завелась почти бесшумно.

— Спасибо.

Я начал расслабляться. Она выжала сцепление. Она казалась сосредоточенной. Она была механизмом. Тут на бордюр с визгом вылетел белый фургон «Лучшего будущего» и развернулся, перегородив нам дорогу.

Распахнулись задние дверцы. Карл был внутри. Я не видел его. Но я знал. Мы попытаемся проскользнуть мимо, а Карл высунет механическую руку и схватит нас за бампер. Колеса нашего маленького гибрида задымятся, мотор завоет, а я обернусь и увижу мстительный огонь в его глазах.

— Поезжай!

Я сгруппировался, готовясь к неизбежному ускорению. Но его не было. Я взглянул на Лолу. Глаза ее были закрыты.

— Ноль, один, один, два, три. Пять. Восемь. Тринадцать.

— Что это? Числа Фибоначчи?[28]

— Двадцать один. Тридцать четыре. Пятьдесят пять. — Из фургона посыпались охранники, вооруженные и с угрюмыми лицами. — Восемьдесят девять. Сто тридцать четыре.

— Сто *сорок* четыре!

— Заткнись! — Она открыла глаза, узрела охранников и вновь зажмурилась. — Господи боже!

— Я просто говорю, что если это Фибоначчи… — Я одернул себя. — Ладно. Ты называешь произвольные числа.

Пятеро охранников. Но все еще без Карла. Мне предстояло сообразить, как управлять автомобилем, когда один слеп, а второй не достает до педалей.

— Tibialis anterior. Extensor hallucis longus. Extensor digitorum longus. Fibularis tertius.

Она перечисляла мышцы, которых у меня не было. Но это натолкнуло меня на мысль. Не стоило думать о нас как о двух людях. Мы были совокупностью органов. Мы располагали парой глаз, двумя ногами, тремя руками, двумя мозгами — всем, что было нужно. Все дело было в распределении ресурсов.

Я взялся за руль:

— Я поведу. Не открывай глаза и жми на педали, когда скажу.

— Triceps surae.

— Выжми газ до упора.

Охранники наступали.

— Plantaris, — произнесла Лола и нажала на газ.

Машина рванулась вперед. Я направил ее на охранника слева от фургона: немолодого усатого мужчину. Он грамотно отступил. Он не выказал испуга, что было немного обидно. Хотя судить наверняка было трудно. Слишком пышные усы. Когда мы

проехали мимо, он разрядил пистолет нам в колеса. Машина сотрясалась от глухих ударов, как будто нас атаковала уличная банда с бейсбольными битами. Пожалуй, лучше бы она — мне следовало впарить это Лоле. Мы с грохотом вылетели на дорогу. Я цеплялся за руль, что было нелегким делом при одной руке и с пассажирского сиденья.

— Сбавь! — скомандовал я, но недостаточно быстро, и мы врезались в припаркованный универсал.

Меня швырнуло на Лолу. Она ударилась головой в боковое окно. Она произнесла что-то вроде «гук», но, может быть, я ослышался. Я снова схватился за руль:

— Жми!

Мы не двигались с места. Я посмотрел на Лолу: ее глаза были расширены и таращились на меня. Она была бледная.

— Ты… в порядке.

— Со мной все хорошо. — Я взглянул в заднее окно. Охранники уже бежали за нами. А Карла все нет! Я не понимал, куда он делся. Но мы стояли, и это было важнее. — Поехали.

— Наверное, это была ошибка. Закрыть глаза.

Приборная панель была темная. В воздухе резко пахло паленым.

Лола склонилась и уткнулась лбом в руль.

— Ты… — Я не мог подобрать слово. — Разрядилась?

— Я думала… что мы во что-то врезались. Я решила, ты ранен.

— Руки на приборную панель! Быстро!

Охранники «Лучшего будущего» окружили машину и держали нас на мушке.

— Покажи руки! — орал один.

— Живо! Сейчас же! — вторил ему другой на случай, если мы не поняли.

Казалось, они нервничали больше, чем когда я пытался их протаранить. Один открыл дверцу с моей стороны и отпрянул, как будто я кусался.

— Он двигается!

— Ног нет! — объявил пожилой охранник с усами. — Он не надел ноги!

— Подтверждаю! Объект без ног!

Они зачехлили оружие.

— Тащите их в фургон! — скомандовали Усы. — Бегом марш!

Ко мне потянулись руки.

— Проваливайте, — сказал я, но без толку: двое малых подхватили меня под мышки и вынули из машины. — Ноги хотя бы возьмите!

Я извернулся и успел заметить, как охранники тащат Лолу с водительского сиденья. Еще один вглядывался в салон через боковое окно:

— Здесь… нет, это не ноги! Обычные костыли!

— Где Контуры? — спросил охранник, несший меня. Он говорил без всяких усилий.

Перед нами затормозил черный лимузин. Все его дверцы распахнулись одновременно. Из задней вышла Кассандра Котри. Смерив меня взглядом, она воззрилась на Усы. Кассандра Котри казалась ужасающе спокойной, лицо ее ничего не выражало. Я начал нервничать, так как понятия не имел, что у нее на уме.

— Ноги?

— Мы не…

— Найдите их.

— Да, мэм.

— И положите его в машину. Времени, думаю, нам хватит.

— Да, мэм.

Меня отнесли к лимузину. Затем раздался шум, какой-то далекий треск, и все застыли. Завыла сирена: сработала сигнализация в машине или в доме.

— Черт! — выругалась Кассандра Котри. — Он идет.

Она оглянулась на охранников и прищелкнула пальцами. Меня запихнули на заднее сиденье лимузина и захлопнули дверцу. Я заметил, что она не заперта, и распахнул ее вновь. Охранник поглядел на меня сверху вниз и закрыл снова. Так повторилось еще дважды.

— Прекратите, — бросил водитель.

Замок сработал. Я заметил глаза в зеркале заднего вида: снисходительный взгляд человека, державшего ногу на педали газа машины мощностью в двести лошадиных сил.

Распахнулась дверца с другой стороны. Задница Кассандры Котри, упакованная в серую юбку, утвердилась на кожаном сиденье.

— Едем! — приказала она водителю.

Когда автомобиль снялся с места, Кассандра Котри повернулась глянуть в заднее окно.

— Где Лола?

Мне не ответили, так что пришлось изловчиться и посмотреть самому. Охранники закрыли дверцы белого фургона, и машина последовала за нами. Оставшиеся люди в серой форме поспешили к открытому гаражу Анжелики.

— Кто идет?

Кассандра Котри взглянула на мои бедра. За все это время лицо ее так и не дрогнуло.

— Похоже, она поджарила ваши Контуры.

— Да.

— Это хорошо. — Кассандра Котри снова оглянулась. — Жнаете, во что превратилашь моя жижнь за пошледние недели?

Я уставился на нее, услышав это «жижнь».

— А, хотите вжглянуть? Шмотрите внимательно. — Она придвинулась ко мне и оттянула нижнюю губу.

Меж ослепительно-белых зубов зияла дыра. Не такая, как раньше. Ущелье. Она отпустила губу, и та села на место с хлопком.

— Они шкажали, что ишправят. Они шточили жуб до ошнования — и жнаете, что дальше? Они ошиблись. Я не чувштвую половину лица. Не чувштвую лицо! — Она ткнула пальцем в лоб. — Как каменный. — Она заметила, что охранник наблюдает за нами в зеркало. — Что уштавился? — (Он приковался взглядом к дороге.) — Наука — херня, Чарли. Херня. Хочешь шуперноги и лаборантов ш глажами-фарами — ижволь, это можно, не шомневайша, техника ш лошадиной мордой жапрошто можно превратить в шупермодель. Но когда дело доходит до ерунды вроде диаштемы, у ваш парализует лицо. Я жамужем. Вы жнали? Он адвокат. И он ждет мимики. Он рашчитывает на реакции. Что будет, когда он увидит? — Она пристально смотрела на меня. — Я хочу ражбомбить ваш отдел. Мне наплевать на прибыли. Наплевать на штратегичешкое мышление. Они, — она указала пальцем на потолок салона, — не врубаютша, что дерьмо рашполжаетша. Уничтожает организацию. Ваш отдел — дерьмо, шождающее новое дерьмо, которое, ей-богу, пожрет компанию. Никто этого не понимает. Шкажешь хоть шлово — пожалеешь. — Это адресовалось водителю, который снова зыркнул в зеркало. — У наш новый Менеджер. Вы должны оценить. Нельжа убить менеджера. Деталь жаменяют и шнова жапушкают машину. Они даже внешне похожи. Вы-то его никогда не увидите. — Она ткнула в меня пальцем. — Вы больше никогда не войдете в тот кабинет в качештве штатного шотрудника компании. Но ваш хотят ишпользовать. Окупить вложения. Но я, Чарли, шмерть как хочу покончить ш этим. Мне нужен повод. Одно неверное движение — и я опушкаю жанавеш над всей этой мрачной жатеей. Понятно? — Не дав мне ответить, она махнула на меня рукой. — Не отвечайте. Нет никакой ражницы, что вы думаете.

Она отвернулась и уставилась вдаль, выставив локоть в окно, а ладонь приложив ко лбу. Пальцы ощупывали его. Это напомнило мне, как я массировал Контуры.

— Кто идет?

— Мм?

— Вы сказали…

— Карл идет. — Она обернулась назад. — О том и речь. Ражве я выштупала жа рашширенное тештирование? Нет. Я выштупала жа вооружение Лолы Шенкш? Нет. Но мы — компания-ражработчик. Я говорю: «Давайте оштановимша и выждем, прежде чем набрашыватьша на новые продукты». Все начинают прыгать и блеять о процешшах. Но вот человек хочет удалить швои конечношти, и это прекрашно. Никто не видит в этом проблемы. Таким, как вы, мир кажетша голой наукой или фокушом-покушом. Важны только цифры. Ну а нам нужны пшихологи. Но нам их не дают, так как у наш полно инженеров, а инженеры шчитают пшихологов шаманами.

Я промолчал. Психологи действительно шаманы.

— И вот Карл пошел под нож. Мы дали ему те шамые ручонки, поупражнятьша. Потом вы его увидели, рашшвирепели и попрошили меня ижбавитьша от него…

— Я имел в виду — уволить.

— Давайте не будем вдаватьша в подробношти, Чарли, потому что теперь уже шовершенно не важно. Я не шмогла так поштупить ш Карлом. Могли вожникнуть такие юридичешкие шложношти… я шпрятала его подальше от ваш. Но нам, конечно, пришлошь жабрать его руки, и ему это не понравилошь. Очень не понравилошь. Мы пошпешили шделать новые — ваша команда шделала, — но, как я шкажала, пшихологов у наш нет. Мы не жаметили подводных камней. Теперь они очевидны. Вжгляните на жапиши. Он ражговаривал шо швоими руками, как ш живыми. Как ш ражумными. Потом он шбежал. Прихватил кое-што. Шейчаш он ищет ваш. Ему нужны ваши органы. — Пейзаж за окном приобрел промышленные черты: мы приближались к «Лучшему будущему». — Я думаю, какие-то мштительные фантажии.

— Ему нужны мои органы? Вы думаете, он хочет меня убить?

— Я понятия не имею, что у него в голове. Но единштвенный выход иж этой шитуации, Чарли, — шделать так, чтобы карлов больше не было. Никаких шерьежных ижменений в людях, которым ш этим не шправитьша. Ишпытываем лишь на тех, кто докажал швою шпошобношть абштрагироватьша от шобштвенного тела. — Она посмотрела на меня. — То ешть на ваш, ешли не поняли.

Я не был готов оставить тему Карла, собравшегося меня убить, но эти слова привлекли мое внимание.

— Вы дадите мне органы?

— Ноги же ш вами не ражговаривали?

— Гм, — отозвался я. — Нет.

— В таком шлучае, да. Вше, что пожелаете. Карт-бланш. Правда, похоже на шон? Вы получите вше, что хотите, потому что я жа вами бегаю и подчищаю. Я шмирилашь. Как было бы мило, ешли бы кто-то вдруг удошужился мне шкажать: «Эй, Кашшандра, прошто для информации — беж ваш нам не шправитьша». Я шлишком шпошобная. Любой другой шошел бы ш ума от штрешша. Жнаете, школько мне лет? Тридцать четыре. Мне вшего тридцать четыре.

Я облизнул губы. Когда Кассандра сказала «вам дадут органы», во мне что-то зажглось. Оно стало пульсировать. *Органы. Органы.*

— Я в самом деле получу органы?

— Угу.

Перед нами вырос комплекс «Лучшего будущего». Они установили на крыше прожекторы, горевшие в полутьме.

— Ждание отремонтировали, ешли вам интерешно. Проверили целое крыло, ишкали штруктурные повреждения. Люди неделями работали беж кафетерия. Это был кошмар. — Она повернулась, чтобы взглянуть в заднее окно. — Карл прешледует наш. Когда он шюда доберетша, мы… — она посмотрела на меня, — предоштавим медициншкую помощь и уход в положенном объеме.

Барабаны в моей голове молотили болезненный ритм. *Органы. Органы.* Я попытался абстрагироваться от них, потому что хотел кое-что выяснить.

— Вы уверены, что я получу любые органы, какие захочу?

— Да.

— В личное пользование.

— Больше ш ними никто не шправляетша.

— Я смогу придумывать и собирать свои органы сам.

— Абшолютно — в промежутках между ишпытаниями Лучших Продуктов военного нажначения. Чарли, верьте мне. Нет никакого подвоха.

Хотел бы я лучше читать по лицу. Кто бы ни убеждал меня, серьезно глядя в глаза, — я верю. У меня никогда не было брата или сестры.

Автомобиль съехал по пандусу в подземный гараж. В окнах плыли желтые огни. Я ощутил запах машинного масла. Я вспомнил о недолгой фантазии в доме доктора Анжелики, когда я мечтал бежать в заснеженный город и жить там отшельником, в отрыве от технологии. О чем я думал? Это была редкая глупость.

— Добро пожаловать домой, — сказала Кассандра Котри.

Я не взглянул на нее, так как не хотел, чтобы она заметила,

насколько я взволнован.

Я умею сосредоточиться. Когда что-то завладевает моим вниманием, я забываю обо всем остальном — с кем, например, говорю или куда направляюсь. Когда мне исполнилось шесть, меня отвлекла от дня рождения новая стиральная машина, и я сидел в прачечной, наблюдая за сменой циклов, пока не явился отец и не спросил, какого черта я там делаю, — все расходятся. Школьником я переходил улицу, заметил красивую девочку и не осознавал, что стою с разинутым ртом, пока та не обернулась взглянуть, кому сигналят. Она так на меня посмотрела, что уши горят до сих пор.

Это полезная черта. Не знаю, чего бы я добился в науке без нее. Но она не всегда уместна. Иногда она мне не мешает, поскольку та же стиральная машина была намного интереснее дня рождения, но в других случаях я задним числом предпочитаю держать ставни открытыми. Мне лучше было оставаться начеку, когда я как идиот стоял посреди дороги. Мне лучше было бы, когда лимузин остановился на парковке у лифта, чтобы в мозгу моем осталось место и для других мыслей, помимо: «Дадут ли мне органы прямо сейчас?» и «Как теперь выглядят ноги?» Потому что открылась дверь, я увидел охранника с креслом-каталкой и ни разу не вспомнил о Лоле.

Кассандра Котри поднялась со мной в лифте. На цокольном этаже двери разъехались, и охранник выкатил меня в коридор. Там стояли три белых халата — лицом к стене, руки уютно сцеплены позади. Когда мы миновали внутренний дворик, все стулья были развернуты прочь от меня. Я увидел спины галстучников. Год или два назад, когда я был в кафетерии, охранники попросили всех отвернуться к стене, поскольку им нужно было пронести какой-то секретный материал, и я тогда тоже смотрел в стену.

— Пока вы отшутштвовали, ваш отдел, конечно, времени не терял, — сообщила Кассандра Котри, когда мы спустились.

Двери разъехались. В конце коридора стоял паренек в зеленой футболке и рваных джинсах. Я его не узнал, так как мы не нанимали людей, способных тратить по три часа в день на спортзал. Его брови поползли вверх. Он хлопнул себя по лбу, как будто не верил глазам. Мышцы так и играли.

— Доктор Нейман! — Он поворотился и сложил ладони рупором: — Нейман вернулся!

— Лучшие Мышцы, — объяснила Кассандра Котри. В ее голосе проступило отвращение. — Они, очевидно, выраштают во

шне.

Появились кошки. Халаты остались у немногих. Взамен они надели короткие платья, топики-безрукавки, мини-юбки, высокие каблуки и блузки с расстегнутым верхом. Юноши-качки и девочки-тростинки. Они принялись аплодировать. Джейсон протолкнулся вперед и осклабился. Он больше не был тощим. Его зубы сияли, как звезды. Я ощутил себя уродом.

— Жло берет, — заметила Кассандра Котри. — На вид — шовершенштво, а поведение дебильное.

— Я все слышал, — сказал Джейсон под общий смех. — Моими Лучшими Ушами.

— Ошвободите дорогу, — приказала Кассандра Котри.

Лаборанты расступились. Приблизившись к ним, я учуял тяжелый запах мускуса и пота, как будто попал в общагу. Я закашлялся.

— Извините. Это все Лучшие Мышцы, — пояснил Джейсон. Он вился рядом, прокладывая путь среди остальных кошек. — Они вырабатывают мерзкие побочные продукты. Но мы работаем над Лучшим Запахом.

Смутно знакомая девушка улыбнулась, не раскрывая рта, но затем не выдержала и показала зубы:

— Здравствуйте, доктор Нейман. — Это была Илейн, моя прежняя лаборантка, оснащенная Лучшей Кожей.

Кассандра Котри обернулась:

— Валите отшюда. Тут жакрытая жона.

Они начали разбредаться. Кассандра Котри отперла дверь в лабораторию, перетасовала пропуска и прокатала карточку за меня, затем наступил черед охранников. Дверь чмокнула, закрывшись за нами. Помещение было полно органов: металлические конструкции и провода свисали с полок из нержавеющей стали, забитых до отказа. Я увидел суставы. Пальцы. Полостные органы. Ребята времени не теряли. Ни секунды.

Мы протиснулись между стеллажами.

— Вот они, — брезгливо указала Кассандра Котри.

Мне на мгновение почудилось, что Контуры воскресли. Но они были не серебристыми, а черными. Копыта стали больше. Они стояли на черном резиновом коврике, удерживаемые металлическими тросами, свисавшими с потолка.

— Их нажывают Контурами, Вершия-три. Не шпрашивайте, что штало шо второй. Вам лучше не жнать. Это улучшенный вариант ишходной модели — мощнее, беж глюков и так далее.

Я подкатил себя к Контурам-три и потрогал их.

Металлическая поверхность была шероховатой, покрытой миллиардом мельчайших пупырышков. Я не знал зачем. Но я был заинтригован. Я пробежался по ногам пальцами и был удивлен их тонкостью и стройностью.

— А где батарея?

— Перемештили.

— Что?

— Они потребляют больше энергии. Батарея штала шлишком большой. К тому же вожникли шомнения нашчет бежопашношти. Ражмештить мощный ишточник энергии в конечношти, вшегда открытой для ударов, — плохая идея. — Она вскинула руки. — Не шпорьте. Ваш не было при «двойке».

— Так где же источник?

— Тут. — Она подошла к полке, на которой стоял стальной предмет величиной с пылесос. На боку виднелся знак радиации. — Портативный реактор.

— Но… как же модули? Ноги больше не самоходные?

— Не жнаю, что вам шкажать, Чарли. Команда выбрала такое направление пошле вашего бегштва.

— Значит, чтобы носить ноги, мне нужно это брюхо?

— Да.

Я пожевал губу.

— К тому же для брюшка положен апгрейд пожвоночника.

— Положено что?

— В нем вошемьшот килограммов. Вам не удержать.

Я оглядел брюхо.

— А ешли мы жаймемша шпиной… ею дело не кончится. Прошто… — Она пожала плечами. — Нужно наладить туловище, иначе никак.

— Что наладить?

— Я думала, вам понравитша, — сказала она. — Вы ведь вшегда этого хотели?

— Да… — произнес я. — Нет. Я не люблю пользоваться чужими изделиями. Мне нравится создавать свои.

— Ох боже мой. Чарли, это не объяшнить руководштву, ешли тридцать тонн военного шнаряжения ждут, когда вы начнете полевые ишпытания. — Она открыла рот, словно собиралась рассмеяться, но тут же захлопнула. — Я шучу. У вас штолько времени, школько потребуетша.

Я ощупывал «тройки». Мне хотелось знать, зачем понадобилось шершавое покрытие.

— Когда это кончится, Чарли? Новые ноги. Новые руки. Мне прошто любопытно, когда же вы будете шчаштливы.

Я захлопал глазами, потому что вопрос был странный.

Совершенству нет предела. Это было бы ужасно: прийти к состоянию, когда все так хорошо, что лучше не станет. С тем же успехом можно умереть.

— Жнаете што? Жабудьте про брюхо. Мы доштанем по-наштоящему длинный шнур, подключим ваши «тройки» к генератору, там и ражберетеш. Уштраивает? Прошто попробуйте.

— Добро.

— Добро! — Она хлопнула в ладоши, перевела дыхание. — Идемте в вашу операционную.

— В операционную?

— Я жабыла шкажать. Нервный… интерфейш, или как его там… на «тройках»… как нажываетша чашть, к которой вы подключаетешь? Она другой конфигурации. Или что-то еще. — Она поиграла руками. — Я не жнаю. Но им нужно шнять ш ваших бедер еще пару дюймов. — У нее зазвонил мобильник. Она взглянула на дисплей. — Чарли, мы не можем вешь день топтатьша на меште. Что вы решаете? В хирургию?

Какая-то часть меня просила подождать. Так ли мне нужно связываться с Контурами? Но прочее естество ответило утвердительно.

— Мы положим ваш на каталку, и по дороге кто-нибудь вше объяшнит. Шоглашны? Договорилишь? — спрашивала она. — Договорилишь?

Потолки «Лучшего будущего» напоминали шахматную доску. Светлые квадраты были лампами, они горели одинаково ярко в центре и по краям. Я никогда этого не замечал, пока не лег на каталку и не увидел, как они плывут надо мной.

— Хорошее освещение.

— Можно дать ему наркож? — Говорила Кассандра Котри, шагавшая рядом. Подтягивались кошки и люди в зеленых хирургических халатах. — Время поджимает.

— Я выясню.

Мне стало не по себе, я занервничал, будто что-то забыл. Я гадал, что это может быть. Я вскинулся:

— Где Лола?!

— Ею жанимаютша. — Ответила Кассандра Котри. — Ее решили проверить, вше ли в порядке.

— Я хочу ее видеть!

— Хотите, я пожвоню? Уштрою так, чтобы она вштретила наш в операционной.

— Да.

— Хорошо. Будет шделано.

— Точно? — У меня кружилась голова, хотя мне еще не ввели

никаких лекарств. — Не ради красного словца?

— Наркоз приехал. — Замаячила пластиковая маска. — Голову вперед, доктор Нейман.

— Вы можете позвонить сейчас же?

Ладони скользнули мне под затылок. Маска накрыла рот и нос.

— Обяжательно, Чарли. Уже доштала телефон. — Она помахала им. Но не позвонила.

Мы въехали в дверной проем. Светящаяся шахматная доска сменилась белым гипсокартоном и хирургическими лампами. Я увидел множество людей в зеленом и подумал: «Зачем их столько для пары дюймов с бедра?» Они расплывались. Расплывались и теплели. Голова стала тяжелой.

— Вы дали… — проговорил я.

Вторая половина достраивала фразу: «…мне общий наркоз?» Я пытался выдавить слова, но не чувствовал рта. Голова расслабленно упала. Я с усилием приподнял ее и увидел, как меня укрывают зеленой простыней. «Зачем мне дали общий наркоз?» — спросил я. Глаза закрылись.

— Он отключилша. Начинайте.

Я услышал щелчок, затем электрическое гудение, как будто что-то проверяли: *зумммммм… зумммммм*.

— Что делаем? — осведомился мужской голос.

— Вшо, — сказала Кассандра Котри.

12

Я различил запах дыма. Малая, обособленная часть мозга всполошилась. В моей работе дым означает, что кто-то ошибся. Кто-то забыл проверить допуск. Перевести в метрические единицы. Дым вился под потолком. Я не знал, чья это ошибка. Но она была серьезной.

«Вставай», — велела часть, обеспокоенная дымом. «Полежи еще немного», — предложила другая, звучавшая убедительнее. Меня накачали. Я был расслаблен. Я никогда не буду так умиротворен. Только не без химии.

Что-то прошуршало. *Ш-ш-ш* — как будто старик опустился в любимое кресло. Мне было мокро. Но также — надежно, и тепло, и безопасно. Я закрыл глаза.

Кто-то кашлянул. Я открыл глаза, так как это нарушало гармонию. Я ждал в надежде, что это не повторится. *Кха. Кха.*

Звук был тихим. Как будто человек, его издававший, не думал, что это поможет.

Я обдумывал выводы. Или плыл среди выводов. Я разрешил выводам окружить меня, не проникая внутрь. Так могло бы продолжаться какое-то время, но тут закапала вода. Наверное, дождь, подумал я, но после усомнился, потому что надо мной виднелся потолок. Я почувствовал, что дремота рассеивается, и огорчился. Но это тоже было неплохо, так как я чувствовал, что прихожу в себя. Мысли начали упорядочиваться. Я приподнял голову.

Я находился в операционном зале. Это было понятно: меня же привезли на операцию. Но все вокруг было разбросано и перевернуто: каталка, капельницы, инструменты, которые вроде бы полагалось держать стерильными. На кафельном полу в растущих лужах воды сверкали скальпели, будто монетки в колодце желаний. По стене шла длинная трещина. Землетрясение?

Кха.

Я заметил привалившегося к стене мужчину. Его зеленый халат был спереди забрызган чем-то темным. Губы были красные. Он тупо смотрел на свои ноги, нелепо раскинутые на кафеле. Он поднял глаза на меня и медленно моргнул.

— Помогите, — сказал я.

Он не отреагировал. Мне стало немного не по себе, потому что он тоже явно нуждался в какой-то помощи. Опершись правой рукой о стол, я перекатился на левый локоть — попытался перекатиться. У меня не вышло. Я поглядел вниз, чтобы выяснить,

в чем дело.

Из глубокой раны на моем левом плече текла кровь. Вернее, не из раны, а из ее противоположности. Рана подразумевает разрез чего-то, в иных отношениях цельного. С практически отрезанной рукой меня соединяли тонкие лоскуты кожи и мышц. На плитке валялся предмет, который я поначалу принял за дрель. Но это была не она, У него было длинное плоское лезвие. По воде вкруг него расходились кровавые ручейки. Электрическая пила.

Я поглядел на человека, сидевшего у стены.

— Это вы… — заговорил я. Потому что он был похож на хирурга. Я подумал, что он, может быть, начал ампутировать мне руку, но не закончил. — Вы можете… — Мой голос стал карканьем, горло горело; человек посмотрел на меня без всякого выражения, его голова вздрагивала с каждым ударом сердца. — Почему…

— *Кха,* — изрек хирург, и на его халате образовались свежие пятна.

Он не собирался помогать. Он намеревался лежать, где лежал, и умирать. Или лежать и смотреть, как умираю я, а потом умереть самому. Я пришел в панику. Не лучшее время паниковать. Это было время для объективной клинической оценки. Но из каньона моей плоти лилась река крови, а мозг быстро бормотал: *Это конец, ты потеряешь сознание.* Я поднял правую руку — у меня была правая рука — без всякой цели и увидел, что она вся в крови. Я лежал в кровавой ванне. Кровь стекала со стола на кафельный пол. Я был кровавым слизняком. Мне полагалось быть мертвым.

Мои ноги выглядели странно. То есть они у меня были. Под намокшей хирургической простыней проступали их отчетливые очертания. Из-под покровов тянулись трубки к соседним устройствам: черному ящику на тележке и четырем капельницам. Из ящика доносились хлюпающие звуки. С каждым из них подсоединенные к нему трубки вздрагивали, и по ним текла темная жидкость. Я решил, что этот ящик сохраняет мне жизнь. В эту секунду он перестал хлюпать и зачавкал, словно ребенок, упоенно высасывающий остатки молочного коктейля. Там, где трубки крепились к ящику, образовались и устремились ко мне коричневатые капли.

Я схватил почти отрезанную руку и попытался приставить ее на место. Это напоминало возню с куском мяса. Звуки, а не само месиво — вот что меня достало. Хлюпанье или чавканье. Скрип. Я едва ли мог это сделать. Но я не хотел умирать. А потому сделал.

Кровь сочилась. Я был не в силах остановить ее как следует.

— Помогите! — подал я голос.

Прежде я собирался сделать умирающему поблажку, но теперь нуждался в нем по-настоящему.

— Помоги мне, говнюк!

Я подполз к краю стола, чтобы видеть его и в то же время удерживать руку. Его глаза были пусты. Он умер. Этот хер умер. Я разъярился. Я хотел подойти к нему, отрезать ему руку, потом умереть у него на глазах и посмотреть, как ему это понравится. Я испытывал сразу ужас, головокружение и сожаление. Мне отчаянно не хотелось умирать. Я считал себя обманутым и злился не то на что-то, не то на кого-то. Я вертел головой в поисках чего-нибудь дельного, чего не заметил раньше, — например, хирурга, который не был бы мертв. Мой взгляд упал на электропилу.

До нее было далеко. Я не знал, смогу ли дотянуться. Может, оно и к лучшему: так ли уж плохо было улечься навзничь, расслабиться, закрыть глаза и не отпиливать себе руку? Никто меня за это не осудит. Но это закончится гибелью, а я не хотел умирать и уверялся в этом тем больше, чем ближе подступала смерть. И потому я напрягся, и потянулся, и нащупал шнур от пилы. Я закусил его зубами, чтобы перехватить, и продолжил тянуть. Это был длинный шнур. Я тянул, и закусывал, и тянул, и мне пришло в голову, что шнур бесконечен, потому что это было бы забавно. Получилось бы как в теории струн. Я оказался бы квантово запутанным.[29] Пила лязгнула о металлический стол. Я вспомнил, чем занимался, и нашел кнопку включения.

Однажды в торговом центре я видел, как мужик демонстрировал электронож. Он показывал почтенной пожилой паре, как легко входит нож в жареного цыпленка и с веселым урчанием срезает ломтики дымящегося мяса.

Мне почему-то казалось, что звук будет другой.

Избавившись от лишней руки, я зажал артерию. Не стану вдаваться в подробности. Скажу лишь, что это было временное решение с применением пальцев. Я нуждался в передышке, чтобы слезть со стола и добраться до врачей. Мне даже было наплевать на то, что эти сволочи отрезали мою руку. Я бы простил им это, если бы они помогли мне выжить. Я подался вперед и взял в зубы зеленую хирургическую простыню. Потянул ее на себя, наклонился опять и закусил еще. С каждым разом я подтягивал ткань на несколько дюймов ближе. Я надеялся обнаружить под ней Контуры-три, так как в противном случае мне оставалось только лежать на этом столе. Я потянул снова, и простыня накрыла мое лицо. Я попытался сбить ее носом. Меня подбивало убрать руку с артерии — дело пошло бы намного быстрее, но и гибельнее, так что я воздержался. Сверкнул черный титан, и я

подумал: «Слава богу». Центр тяжести простыни сместился за пределы стола, и ткань поползла дальше сама собой. Я видел все больше и больше металла, а когда простыня поднялась выше бедер, подумал: «Что это такое?» — потому что на их месте тоже был металл. Он заменял тазобедренные суставы, а также живот, и вместо пупка виднелся логотип «Лучшего будущего», который я узнал даже в перевернутом виде, а простыня все съезжала, и я был металлическим снизу доверху — титановый ландшафт. Куда-то ниже подбородка тянулись трубки, по которым жидкости перетекали из металла в меня и обратно, и я был соединен с металлом лишь трубками — больше ничем. Я набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть, — две трубки чуть поднялись, пропуская его, — и выдохнул все со звуком сдувающейся покрышки. У меня была рука. У меня было плечо. У меня была голова. Я точно не знал, что еще.

Возникло лицо. Волосы были перепачканы кровью. Лицо юнца. Один его глаз был глубокий, темно-карий, другой — ровно-коричневый.

— Доктор Нейман, — произнес он. — О господи. Доктор Нейман. — Лицо исчезло. — Живой!

Он вернулся. Вода падала ему на волосы и стекала с носа. Разноцветные глаза были полны заботы.

— Все будет хорошо. Все будет в порядке. — Он дотронулся до моих волос сперва нерешительно, затем уверенно. — У вас все получится. Держитесь. Держитесь.

В помещении стало шумно. Кто-то приподнял мою голову сзади, а люди в зеленом занялись трубками. Никто не смотрел мне в глаза. Что-то щелкнуло. Я услышал пронзительный вой и глухо — жужжание. Я ощутил острую боль в шее и растекающееся тепло; извернувшись, я попытался рассмотреть, кто это делает. Руки, державшие мою голову, напряглись.

— Кровь, — сказал чей-то голос, а другой отозвался:

— Готово.

Руки отводили мои пальцы. Я сопротивлялся, но они держали крепко. Я начал ощущать тяжесть.

— Он жив? — спросила какая-то женщина так, словно не хотела услышать ответ.

Надвинулось лицо Кассандры Котри. Она прижимала к уху окровавленное полотенце. Ее волосы были пепельного цвета. Ее челюсти напомнили мне о насекомых, способных нести пищу во много раз больше их веса.

— Чарли? Вы прошнулишь в ражгар дурного шна, только и делов. — (Я пытался удержать глаза открытыми.) — Шпите дальше. Мы доделаем, и вшо будет отлично.

Я начал плакать, поскольку теперь мне снова предстояло жить.

Сознание вернулось ко мне сразу и полностью, словно включили в розетку. Я стоял. Меня окружал свет. Операционная сияла чистотой. С потолка не капало. Вокруг толпились кошки и люди в зеленых халатах, все они смотрели на меня.

— Есть контакт.

Джейсон держал на ладони маленький лэптоп и щелкал клавишами. От лэптопа тянулся шнур, терявшийся в конгломерате других, которые разбегались во все стороны. Моя голова была чем-то обернута. Что-то жужжало.

Ко мне шагнула девушка. Илейн, вспомнил я. У нее были оранжевые глаза.

— Доктор Нейман, вы меня слышите?

Я кивнул. Я попытался ощупать шею, чтобы понять, что там такое; послышалось ритмичное гудение.

— Он пробует пошевелить рукой.

— Теперь ногой.

— Много двигательных запросов.

Я поглядел вниз. Моими ногами были Контуры-три, черный титан. На месте бедер — сцепленные обручи. Металл доходил до груди. У меня были руки. Они крепились к потолку изолированными цепями. Одна, серебристая, заканчивалась трехпалой клешней, и каждый отросток представлял собой длинный суставчатый палец. Другая была черной, с узким цилиндрическим бицепсом и выпуклым предплечьем. Кисти не было. Сработал рвотный рефлекс. Меня не тошнило. Не физически. Я чувствовал себя сильным, бодрым и отчасти неживым. Но мозг блевал: *Плохо, плохо, плохо.*

— Доктор Нейман, — Джейсон метнулся ближе, — сейчас вам, наверное, немного странно, но вы поймете, как это классно, когда успокоитесь.

— Включаем осязание.

По телу лавиной прокатились мурашки. Металлические органы перестали быть объектами и стали мною. Я и прежде мог чувствовать, но иначе. Ничего похожего. Я вспомнил их шероховатое покрытие, которое ощупывал во второй лаборатории. «Помогите», — сказал я, но только мысленно.

— Усиленная сенсорная обратная связь. Правда, в сто раз лучше? Мы сами ею пользуемся. Потому что уже миновали стадию, когда Лучшие Чувства лишь точно воспроизводили полный спектр биологических ощущений.

— Прописываем нутро, — сказала Мирка.

— Вижу, есть.

— Мы говорим громко, чтобы вы отслеживали, — пояснил Джейсон.

Внутри меня взревел голод — скорее идея, чем чувство: я вдруг стал уверен, что нуждаюсь в пище.

— Не гоните, — сказала желтоглазая девушка.

— Убавьте.

— Через минуту подключим вас к Лучшему Голосу, — сообщил Джейсон. — Доступны чаты и все примочки, в адресной книге можно хранить контакты.

«Лола, Лола», — думал я. Слезы капали на грудь с металлическим стуком.

— Он у тебя заплакал.

— Исправляю.

— Шунтирую колебания.

— Он все равно плачет, — сказала Мирка.

— Но уровни в норме.

— Может, ему и вправду грустно.

Джейсон отошел и вернулся с тряпкой. Он вытер мне одну щеку, потом другую:

— Доктор Нейман?

Я открыл рот, но воздуха не было. Я судорожно вдохнул сам:

— Где. Мое. Тело.

— Вы имеете в виду… ваши старые органические элементы? Ну… их сожгли. Ничего другого… с ними не сделаешь.

— Все еще настоящая грусть, — доложила Мирка.

— Активную коррекцию?

— Да.

В голове взорвался салют — многообещающий, ослепительный и неистовый.

— Помните, я спросил вас об этике? — заговорил Джейсон. — Вы хотели подавить чувство вины, а я твердил, что нельзя, а вы ответили, что такого слова нет. На самом деле вы даже не поняли вопроса. Что ж, теперь до меня дошло. Целиком. Потому что идея иногда вызывает биологическое отвращение, но это лишь с непривычки, да? Все дело в стандартах.

— Улучшаю. Синхронизирую.

— Я правильно думаю, что никакого основополагающего комплекса эмоций нет? Все сводится к химии, если разобраться.

У меня застучали зубы.

— Это зубчатая кривая, — сообщила Илейн. — С ней можно что-нибудь сделать?

Двое кошачьих, мужского пола, подошли ко мне с мощными дрелями и нацелились в живот. Дрели взвыли.

— Итак, дело в том, — продолжал Джейсон, — что мы, пока вас не было, создали много органов военного назначения. То есть целую кучу. И руководству отчаянно, дико хотелось начать испытания. Но мы сочли, что подключить их к случайным людям и посмотреть, что будет, — плохая мысль. Поэтому мы ждали. Вас. И как только заполучили… Не думаю, что руководство намеревалось ждать, когда вам, знаете ли, это будет вполне удобно. Потому что, как я сказал, количество изделий достигло критической массы. Изделий очень дорогих. К тому же правительство в последнее время работает в этой области чуть активнее, чем им нравится. Поэтому руководство весьма озабочено тем, чтобы получить результат как можно быстрее. И мы поэтому… обновили вас несколько больше, чем вы, наверное, рассчитывали. — Он сглотнул. — Но есть хорошие новости. Вам разрешат выходить.

— Что? — произнес я.

— Я скажу откровенно. То, что они замышляли вначале, было весьма скверно. Они хотели подсоединить вас к органам, но не допускать к управлению. Вам предстояло двигаться с нашей помощью, и мы же должны были считывать сенсорную информацию. Они заявили, что это ускорит испытания. Вы понимаете, что так оно, очевидно, и есть. Но тем не менее. Мы сочли это отчасти бесчеловечным. Быть подключенным к аппаратам и не влиять на их действия. Это своего рода окончательный пользователь. Так или иначе, Карл поломал все планы. Поэтому теперь нам разрешили вас активировать. Это действительно прекрасный шанс доказать им, что вам можно доверять, тогда они могут оставить вас в активном состоянии.

— Теперь слабый гнев, — доложила Мирка.

— Хм, — замялся Джейсон. — Давайте я проясню ситуацию с Карлом. Вы знаете Карла? Ну да, конечно знаете. Я забыл, потому что нам запретили говорить вам о нем. Но мы работали с Карлом. До того, как он спятил. Короче, вышло так, что Карл вернулся. Объявился на лужайке перед главным входом. Это стало для охраны сюрпризом: его ждали, но не с парадной лестницы. Входов полно, и охраннику известны все. Конечно, у них были люди и в вестибюле. Снайперы на крыше, ребята в армированных «хаммерах», опытное вооружение от «Инновационных военных продуктов». В гараже поставили звуковое орудие, заднюю лужайку усеяли ЭМИ-минами, а у ребят в холле была… электрошоковая пушка. Вроде тазера, выстреливает двести дротиков в минуту. И беда была в том, что нас никто не спросил. Иначе все пошло бы по-другому. Но вы же знаете юзеров. Они никогда не вникают в технологию. Им хватает минимума.

Главное, чтобы работало. А так не годится, если технология мощная. По-моему, наступает эпоха, когда такие пользователи канут в небытие. Не думаю, что люди, ничего не понимающие в технике, сумеют адекватно править миром. Но мы отвлеклись. Итак, появляется Карл. Не знаю, сказали ли вам, но он, уходя, кое-что прихватил. Он взял Фиброщит. Вы были на презентации Фиброщита? Это бомба, но только выбрасывает мельчайшие фиброволокна, целое облако. Они плавают в воздухе — десятки миллионов волокон с липкими кончиками. Они безвредны, но высокоскоростной снаряд, летящий сквозь этот туман, сталкивается с ними и отклоняется от курса. Становится несбалансированным. Летит влево, вправо, куда угодно. Но только не в цель. На презентации перед мишенью напустили туман, произвели серию выстрелов, и все были мимо. Изрядно мимо. Это выглядело потрясающе. Защита, как вы понимаете, не гарантирована, и я бы не поставил жизнь на кон, потому что величина отклонения зависит от количества фиброволокон, в которые попадает пуля, от угла каждого попадания, от всяких случайных переменных. Руководитель проекта, та самая Эвелин Кнадсен, которая опубликовала статью о разрушительных резонансных колебаниях в жидкости внутреннего уха… короче, по ее словам, нужно выпустить достаточное количество пуль — и какая-нибудь да поразит цель. Или отклонится минимально. Сейчас я думаю, что охранники, может быть, и знали об этом. Возможно, таков и был их план: если он применит Фиброщит — решетим его пулями.

И вот Карл нарисовался на лужайке. Мы были в лабораториях, наблюдали по внутреннему каналу. Карл… знаете, нам нравился Карл. Очень нравился. Мы расстроились, когда он сбежал. Короче, Карл активирует Фиброщит и — хлоп! — исчезает в тумане. Начинается стрельба. Настоящая канонада, мы шкурой чувствовали. А вы сами знаете, на какой мы сидим глубине.

Парни в холле начинают палить из своей электрошоковой пушки. Распыляют эти дротики в миллион вольт, которые намного легче пуль, конечно, и те, попадая в туман, разлетаются повсюду. Летят влево, вправо, вверх, назад в охранников. Поражают их, сыплются на крышу, засоряют вестибюль, причем везде искрят и все поджигают. Уже наступил полный хаос, когда дротик попал «хаммеру» в бензобак. Дальше уже ничего и нет, кроме огня, дыма, криков, и тут входит Карл и делает все, что душа пожелает.

Так что теперь все только и думают, как изловить Карла, — подытожил Джейсон. Он нахмурился, заметив что-то у меня на

груди, похлопал по тому месту и глянул на кошку, которая сразу же подошла. — Потому что на данном этапе компании нежелательны контакты с общественностью. За ним, понятное дело, послали сотрудников службы безопасности, и это, естественно, не помогло, поскольку Карл… что говорить, он — Лучший. Теперь ваш черед отправляться. За Карлом.

Мои ручные цепи упали с грохотом. Обе конечности плавно перешли в положение покоя. Под этим углом мне было видно, что да — на левой руке нет кисти. Есть отверстие.

— Руки онлайн на счет десять.

— Почему. Не… — произнес я.

— Пять. Четыре. Три. Два.

— Приготовьтесь, — сказал Джейсон. — Может возникнуть странное ощущение.

Я ощутил далекий укол, как будто кто-то рассказывал мне историю из моего детства. Правая рука — та, что с трехпалой кистью, — вздрогнула. Я понял, что сделал это сам, и немедленно испытал сильнейший приступ фантомной боли. Я вскрикнул, попытался схватиться за руку, чтобы размять мышцы. Другая рука описала дугу. Джейсон пригнулся. Мои металлические конечности со звоном соприкоснулись. Я попытался закричать, но дыхания не было. Джейсон орал. Лаборанты уткнулись в лэптопы. Выпуклая рука быстро защелкала, как будто девятилетний мальчишка мчал под гору на велосипеде с игральными картами, вставленными в спицы. Ребенком я видел такую картину. Тогда мне показалось, что круче ничего не бывает.

— Доктор Нейман! Прекратите! Вы повредите молотки!

— Глушим! По полному спектру!

Боль стихла. Я беззвучно стонал, предвидя ее возвращение.

— Извините, — сказал Джейсон. — Мы все еще действуем методом проб и ошибок. Не сжимайте левый кулак. Это мысленная команда открыть огонь.

Мои зубы клацали.

— Огонь. Чем.

— Ах да. У вас в руке карусельная пушка с магнитом МАК — семьсот один. — Он ухмыльнулся. — Здорово, правда?

Меня начало колотить.

— Снимите. Их. С меня.

— Доктор Нейман…

— Не. Хочу! Этого!

Рука-пулемет застучала, замерла, застучала вновь.

— Доктор Нейман! Доктор Нейман!

В голове у меня распахнулось окно. В него излился Джейсон вкупе с его желанием, чтобы я успокоился. Я ощутил его

сострадание, волнение и преклонение, а когда подчинился — его благодарность. Это было необычайно. Как там выразился Джейсон? Лучший Голос? Он недооценил. Так можно и секс назвать Лучшими Объятиями.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо.

— В этой руке у вас полно всякого оружия. Но оно заблокировано. Одно из условий, выдвинутых Котри. Мы его разблокируем, когда вы покинете здание. И вы, таким образом, видите, что мы можем отключать его дистанционно. Это было вторым условием. Паскудство, конечно, но нам не придется к этому прибегать. Просто постарайтесь не стрелять ни в кого, кроме Карла.

— Подключаем подсистемы.

По ногам пробежали судороги. Я не успел вдохнуть, как боль ушла.

— Уже лучше, — изрек парнишка в футболке. — Мы делаем успехи.

— Реакции подтверждены. Хорошая петля обратной связи.

— Зеленый экран.

Я отыскал в голове окно, куда проник Джейсон. Вообразил его лицо и послал сообщение: «Нет-нет, не надо этого делать».

— Упс, — проронил Джейсон.

Окно закрылось. Он повернулся к Мирке. Они молча смотрели друг на друга.

— Ладно, — заговорила Мирка. Она отдала лэптоп и приблизилась. — Доктор Нейман… — она убрала волосы с моего лба, — Джейсон не сказал, что Карл, когда проник в здание, явился сюда, в эту комнату. Он стоял возле вас. Вы были без сознания. У вас была отрезана рука. Мы думаем, что Карл посчитал вас мертвым. Или решил, что вы неизбежно умрете. Он ушел. Он разыскал вашу подругу Лолу. И забрал ее. Простите.

— Весьма вероятно, что она еще жива, — подал голос Джейсон. — Я хочу сказать, что вряд ли он собрался сожрать ее органы. Мы считаем, что дело скорее в чувственной привязанности. В восстановительном периоде мы провели много времени с Карлом, и он часто ее вспоминал. — Джейсон взглянул на Мирку, потом опять на меня. — О'кей! Думаю… это все. У вас… будут какие-нибудь вопросы?

— Какие-нибудь, — сказал я. — Вопросы.

— Да.

Мои губы поехали в стороны. Я обнажил зубы. У меня закружилась голова. Контуры-три выгнулись, и выбросили копыто, и ударили в пол, и вонзили в него якорные шипы: *щелк-*

щелк. Джейсон и Мирка отшатнулись. Я глянул на ступню. Копыто. Я поднял его и повращал им. Я покачал плоским металлическим пальцем, и тот повиновался мне полностью. Изделие было не мое, но все равно заслуживало внимания. Я смотрел, как палец движется взад-вперед. Джейсон откашлялся. Мирка взяла его за руку. Я продолжал шевелить пальцем. Я опустил его, поднял другое копыто и вернул на место. Я осмотрел кабели и трубки, тянувшиеся из моего тела. Я описал суставчатой рукой-клешней дугу и смахнул с себя полдесятка шнуров. Один заискрил, и мои члены на время отяжелели, после чего из желудка воспарило тепло. Я сделал шаг вперед. Шнуры щелкали и слетали с металлической кожи. Лаборанты вопили и разбегались с пути.

— Выключите его! — сказал кто-то, а Джейсон ответил:

— Нет. Подожди.

В стальной поверхности шкафа я увидел свое отражение. Увидел Лучшими Глазами. Моя голова была металлической. Переносицу, лоб и подбородок охватывали черные обручи. Это были единственные островки кожи. Все прочее состояло из металла.

Я произнес:

— Не. Ошибся ли. Я.

Джейсон придвинулся:

— Нет, доктор Нейман. Не ошиблись. Вы не ошиблись.

Я кивнул. В шее шелестели сервоприводы. Я был устрашен. Но пусть.

— Куда, — спросил я.

Я процокал по коридорам «Лучшего будущего» в сопровождении кошек и охранников. Судя по выражению лиц последних, я был для них либо чудом техники, внушающим благоговение, либо худшим из всего, что они видели в жизни. Сам я еще не решил. Меня довели до лестницы, и я помедлил, но «тройки» с легкостью одолели ступени, выдвинув для устойчивости дополнительные опоры. В штатно работающей системе есть нечто приносящее чувство глубокого удовлетворения. Я не уверен, что последнее знакомо каждому. Возможно, дело в инженерной специфике. Но к моменту, когда мы достигли подножия лестницы, я был в своем роде влюблен.

Меня проводили в подземный гараж. Чтобы меня не увидели спасатели, сновавшие наверху. Я не понял, чем был лучше гараж, коль скоро выход из него вел в ту же общую зону, но это не мое дело. В гараже имелся свой генератор, и галогеновые лампы озаряли часть пространства ослепительным светом, а часть

оставляли в непроглядной тьме. Фургоны и «хаммеры» «Лучшего будущего», сверкавшие черным хромом на манер сверхновых и дымившие выхлопными трубами, работали вхолостую. Я моргнул, и картина стала четкой: Глаза, вобравшие информацию от инфракрасных и ультрафиолетовых датчиков, заполнили пустоты и отобразили движение.

— Задержитесь на секунду, — попросил Джейсон.

Кошки суетились. Мне налаживали интерфейс. Я начал терять терпение, и ноги дернулись вперед.

— Тпру, — сказал Джейсон. — Подождите.

Он думал, это зависело от меня. Как бы не так. Я вспомнил вопрос Кассандры Котри: «Ноги же ш вами не ражговаривали?» Но я тут был совершенно ни при чем. Какой-то глюк софта. Возможно, в этих «тройках» стоял тот же софт. Вряд ли его писали с нуля. Глюк мог остаться. Везде, в любом органе.

Подошла Мирка:

— Доктор Нейман, пока мы выполняем последнюю проверку, я должна кое-что сказать. С Лучшим Сердцем Лолы может возникнуть проблема. Я имею в виду его военное назначение. На ЭМИ уходит огромное количество энергии. Конечно, есть запас прочности. Даже после импульса аккумулятор обладает достаточной мощностью для поддержания работы сердца. А импульса не будет, если он не заряжен полностью. Разве что… этот орган может быть не вполне исправным. Мы не думаем, что есть основания беспокоиться. Но… руководство заявило, что женщина уже на столе, нужна срочная пересадка, и нас заставили действовать, когда мы были не до конца готовы. Импульсное устройство не должно было выстрелить дважды. Это совершенно точно. Я видела объект, то есть мисс Шенкс, и… возможно, дело было в освещении, но ее кожа казалась серой. Поэтому лично я думаю, что аккумулятор разрядился до уровня, на котором страдает сердечная функция. Пожалуйста, не надо так волноваться — сердцу нужно совсем немного, чтобы качать. Мы считаем, что оно ни в коем случае не остановится. Но если защитный механизм не работает, а частота сердцебиения превысит порог, то может последовать импульс. Снова. И это будет плохо. Аккумулятор не обладает такой емкостью. Повторяю: я только предупреждаю. Не хочу усложнять вашу жизнь, вам и так досталось. Но если вы все же найдете Лолу Шенкс, то лучше всего не пугать ее, не волновать и не подвергать никаким нагрузкам.

— Порядок, — объявил Джейсон.

Дверь фургона открылась, и вышла женщина. Я различил ее

силуэт в инфракрасном свете, но не узнал. Левое ухо было аккуратно заклеено квадратом пластыря. Волосы были седые. Тонкая полоска засохшей крови змеилась от линии скальпа к скуле.

— Чарли, прежде, чем вы… — Кассандра Котри замолчала.

Она уставилась мне в пах. Передо мной на коленях стояла Илейн, изучавшая устройство, подключенное к откидному порту.

— Что это?

— Простой способ связи с…

— Вы шунули порт ему в хер?

— Главная транспортно-интеграционная шина…

— Жаткнитешь! — перебила ее Кассандра Котри. — Я жакончила Йельшкий универшитет. Вы жнали об этом, придурки? Моя почтенная преподавательница антитрештового жаконодательштва говорила, что у меня неуемная тяга к органижации. Так и шкажала. Она обещала приштально шледить жа моей карьерой. — Ее голос дрогнул. — И поглядите на это дерьмо!

Все молчали. Илейн со щелчком выдернула свой прибор из моего паха.

Кассандра Котри покачала головой. Я пребывал в затруднении, так как, если дело не сдвинется с места немедленно, я всерьез рисковал промчаться сквозь нее.

— Чарли… — она сделала глубокий вдох, — я хотела шкажать одно, пожалуйшта, будьте ошторожны.

Кассандра Котри пошла обратно к фургону. Двери захлопнулись. Кошки убрались с дороги. Пора.

Я двинулся за черным фургоном вверх по пандусу. Он ехал медленно, как будто боялся, что я отстану. Я оскорбился. Разве им не известно, что я такое? «Наподдай ему», — предложили ноги. Не вслух. Но я уловил их желание.

Окно в голове открылось. Я подумал, что смогу его закрыть, если захочу. Я начинал чувствовать интерфейс.

«Доктор Нейман, мы почти наверху. Вы готовы немного ускориться?»

«Да», — подумал я.

Фургон рванул вперед. Мне не понадобилось приказывать «тройкам», они поскакали сами. Когда я бежал искусственными ногами в первый раз, они пытались вытряхнуть через темя все мои кости, однако теперь это была легкая речная прогулка. Сыграло роль все: улучшение походки, амортизация при помощи торса… и, конечно, у меня стало меньше костей.

Возник прямоугольник дневного света. По мере того как

расширялся пандус, «хаммеры» разъезжались к обочинам. В лицо мне ударил свежий ветер. Я оказался снаружи. Автомобили свернули на дорогу, и «тройки» последовали за ними. Я оказался слишком близко к «хаммеру», и рука-пулемет зацепила его бок. «Хаммер» качнулся. Взвизгнули шины.

«Нарочно или нет?» — подумал я. Я беседовал с органами. Они не могли меня слышать. У них не было сознания. Но как вести себя иначе, я не придумал, а потому решил продолжать, пока в голову не придет что-то получше. «Если да, то и ладно».

Я подался влево. Рука-пулемет поцеловала дверь «хаммера». Я подтолкнул аккуратно, но твердо. «Хаммер» не сдавался. Из-под покрышек повалил белый дым. Джейсон в моей голове забил тревогу, и я мягко прикрыл окно. Я толкал «хаммер», пока тот не покинул строй, описав дымящийся полукруг. Тогда я устремился в образовавшуюся брешь и оставил всех позади. Ветер свистел, глаза слезились. Впервые с тех пор, как пришел в сознание, я радовался жизни.

13

Однажды в университете я скормил торговому автомату доллар, нажал «С» и «4», и ничего не произошло. Я снова нажал те же кнопки, уже сильнее, потом задал отмену, потом нажал сразу много разных кнопок. Я сыпал проклятьями и колотил автомат, потому что мне было девятнадцать, и кто-то шел по коридору, а я сказал: «Гребаная железяка!»

Позже я увидел возле него другого парня — тот стоял и таращился. Я открыл было рот, собираясь сказать, что автомат сломан, но не успел: парень врезал ему по корпусу точно туда же, куда и я, и тоже сказал: «Гребаная железяка!»

Наверное, всегда неприятно обнаружить, что ты не столь уникален, как думал. Но меня это взбесило всерьез. С одной стороны, я был независимым животным, которое упражнялось в свободном волеизъявлении, желая добиться предсказуемых реакций от неодушевленного торгового автомата. Однако, с другой — торговый автомат решил придерживать продукты, намереваясь добиться предсказуемых, механических реакций от молодых людей. Я не находил ни одной объективной причины предпочесть один сценарий другому.

На вечеринке я попытался обсудить это со студенткой философского факультета. «Да ты детерминист», — заявила она. Судя по ее тону, быть детерминистом считалось наивным и смешным. Я понимал, что означает это слово в применении к алгоритмам, но не к людям. «Ты не веришь в свободу воли, — объяснила она. — Ты везде видишь рычаги и колесики». У нее был леденец на палочке, и в конце фразы она сунула его в рот. Я не считал, что не верю в свободу воли, но в ходе разговора выяснилось, что мозг представлялся ей волшебной страной сознания, — так что, возможно, я и вправду не верил. Мы ни к чему не пришли, так как она вспылила и ушла с парнем, которого я не знал. Я почувствовал себя одиноким, неудовлетворенным, пошел в подвал и уселся перед торговым автоматом. Не знаю зачем. Я чувствовал между нами какую-то связь.

Улица повернула, чтобы влиться в магистраль, и я последовал за ней, петляя между машинами. Раздался гудок. Впереди по моей полосе шел желтый седан, и я увидел, как глаза водителя метнулись в зеркало заднего вида. Машина вильнула и врезалась во внедорожник, кативший сбоку. Полетели стекла. Я протопотал мимо. Мне предписывали не светиться, но для меня это было не главное. Приоритетом стало обнаружение Лолы, пока

не остановилось ее сердце.

В руке-пулемете что-то щелкнуло. «Ой-ой, — подумал я, — а если так и происходит дистанционное торможение?» Потом вспомнил слова Джейсона о разблокировании вооружения. Мне остро захотелось проверить эту гипотезу. Но следовало подождать. Нельзя стрелять на шоссе. Но, с другой стороны, соблазн был велик. В день, когда я купил телефон, мне предстояло сдать важный отчет, и я изо всех сил старался не играть с ним. Я продержался до ночи, но в шесть утра еще не спал и изучал примочки, из-за чего мне пришлось позвонить на работу и сказаться больным. Нынешнее устройство было похоже, разве что подключалось ко мне и было заряжено пулями. «Я должен испытать его сейчас же», — подумал я. Я был не в силах тянуть со знакомством, пока на меня не набросится Карл, размахивая руками-кувалдами. Это был бы поистине провальный план. Я оглянулся. Справа приближался огромный рекламный щит. На нем было изображено симпатичное семейство в ярких одеждах, со смехом сгрудившееся вокруг игровой консоли. «То, что надо», — подумал я.

Я вскинул руку-пулемет. Я стиснул умозрительный кулак. Рука взревела, как бензопила. Звук был злобный. Щит разлетелся на куски. Позади меня защелкали по асфальту гильзы, выскочившие из руки в струе белого дыма. Обломки щита, кувыркаясь в воздухе, сыпались на землю. Я думал, пробегая сквозь них: «Я — лолоспасательная машина». И что-то внутри отзывалось: «Я — лолоспасательная машина». Я улыбнулся, потому что если это не было эхом, то оно казалось весьма смышленым.

Иногда в мозговом окне появлялся Джейсон. Всякий раз он передавал изображение местности, а я принимал и вновь закрывал окно. Мне было не нужно планировать маршрут. С этим справлялись ноги. Поэтому я спокойно обдумывал, как поступлю при встрече с Карлом. Хотя после случая с рекламным щитом я, может быть, думал лишнее. Факт заключался в том, что у меня были скорость, сила, смекалка и оружие. У Карла были руки. Что он мог сделать — ударить по голове? Вполне возможно, если разобраться. Мне следовало помнить об этом. Но этим опасность, безусловно, исчерпывалась. Все, что я должен был делать, — держать дистанцию.

Контуры соскочили с шоссе и проворно перемахнули через ограждение. Я вздрогнул, но они знали, что делали. Копыта ударили в бетонный вал, и я услышал, как щелкнули якорные шипы. Две равные струи бетонной пыли ударили мне в лицо.

Сколько городской инфраструктуры я уже попортил! «Тройки» напряглись и перепрыгнули через широкий бетонный водосток. Я весь сжался, но приземлился, как на подушку. Мы побежали под мост. Я услышал стрекотание вертолета и прикинул, не за мной ли пожаловали. Впереди виднелось отверстие сливного туннеля — достаточно широкое, чтобы проехала машина, но перекрытое железной решеткой. Ноги замедлили бег. Они пребывали в нерешительности. «Упс, — подумал я. — Прошу прощения». Я поднял руку-пулемет, сжал кулак, и решетка испарилась. «Тройки» набрали прежнюю скорость. Мой торс вращался тремя поясными секциями, и я боком пролез через остатки решетки, после чего развернулся и устремился лицом вперед.

Копыта хлюпали на мелководье. В туннелях царила тьма, но в электромагнитном спектре стены очерчивала флюоресцентная голубая кайма, а струившаяся вода отсвечивала белым. Туннель поворачивал, ветвился вновь и вновь. Наконец я остановился и огляделся. Я не знал, чем меня привлекло именно это место. Затем в двадцати футах над головой я заметил люк. Вверх по стене вела лестница. Но я в ней не нуждался. Я поднял руку-пулемет.

Но передумал. Карл был поблизости. Я не хотел его вспугнуть. Я опустил руку-пулемет и изучил другую — с трезубцем из пальцев-когтей. Ее я пока не испытывал. Мне было интересно, на что она способна. Я направил ее на люк и подумал: «Убери это».

Когтистая лапа вылетела из руки, волоча за собой металлический трос. Она вырвала люк из крепежа, согнула вдвое и втащила обратно в туннель. Трос с треском втянулся в руку, и не успел я вздрогнуть при виде несущейся на меня крышки люка, как уже поймал ее. Какое-то время я взирал на нее. Это было здорово. Я положил крышку на землю и взглянул вверх. Отверстие было довольно узким. Я не был уверен, что пролезу. Но мне, конечно, не пришлось бы в это вникать. По крайней мере, не моим мозгом. Для этого у меня были органы.

«Тройки» присели и прыгнули. Руки плотно прижались к телу. Мы царапнули бетон, и прямо передо мной расцвело созвездие искр. Затем мы оказались наверху. «Тройки» раздвинулись, и копыта утвердились на прочном бетонном полу. Якорные шипы громыхнули двумя пистолетными выстрелами. Это было досадно.

Я очутился в многоуровневом паркинге. Стояночные места были заполнены машинами. Судя по последнему сообщению Джейсона, Карл находился где-то рядом, но я понятия не имел где. Я решил подниматься. Одолев виток первого уровня, я

занервничал. Не лучшее место для поисков Карла. Бетон экранировал электромагнитный спектр, а инфракрасный был засорен еще не остывшими автомобильными двигателями. Я замедлил шаг и решил отказаться от прежнего плана внезапной атаки. В тот момент мне казалось, что меня невозможно остановить. Я набрал побольше воздуха и крикнул:

— Лола!

Мой крик вернулся эхом. Ответа не было. Я вдохнул снова.

— Чарли!

Я побежал. Двумя уровнями выше коричневый седан, сверкая красными огнями, стал пятиться на меня задом. Я оттолкнул его рукой-пулеметом. Я не хотел бить сильно, но Контуры автоматически напряглись, и седан отлетел к стене. Я свернул за угол и остановился, потому что там был Карл.

Он оказался больше, чем я ожидал. Он не вырос. Я просто запамятовал. Рубашки на нем не было, так что я разглядел металлический каркас, подпиравший торс. Руки огромные, гораздо больше моих. Он был создан для мощи. Прошла секунда, прежде чем я осознал, что он держит перед собой Лолу, схватив ее за плечи. Она была так мала по сравнению с ним, что я ее не заметил. Лола смотрела на меня, раскрыв рот. Конечно, я изменился.

— Стой! — скомандовал Карл. — Не приближайся.

Изрядная глупость. Карл явно не осмыслил наши сильные и слабые стороны. В противном случае он попытался бы подманить меня ближе. Поэтому я возьму верх: за счет разницы в интеллекте. Я поднял руку. Он даже знал, я вооружен. Все закончится очень быстро.

Я подумал: «Так ли плох Карл?» Может быть, и нет. Может быть, мне удастся уговорить его отпустить Лолу, тогда ему окажут необходимую психиатрическую помощь. Теперь, когда он оказался в моей власти, мне было немного неуютно. Он всего-навсего хотел новые руки. Его нельзя было осуждать за это.

— Чарли, — сказала Лола, — пожалуйста, послушай Карла.

Ее голос звучал странно. Она не выглядела испуганной. И с чего Лоле так говорить? Она не в себе? Я понял, что Карл навис над Лолой не для того, чтобы удержать. Он защищал ее.

— Карл хочет помочь, — продолжала Лола. — Он не похищал меня. Он меня спас.

— Что? — переспросил я.

— Доктор Нейман, — Карл прочистил горло, — наверное, вам будет тяжело это услышать.

«Пристрелить его — и делу конец», — подумал я. Протез ответил: «Да».

— Я думал, что желаю быть сильным. Я знал, что прошлого не вернуть. Вы в курсе. Насчет моей невесты. Но я хотел быть готов. На случай, если мне снова понадобится быть сильным. Поэтому я хотел руки. Понимаете?

Стокгольмский синдром? Заложники проникаются симпатией к похитителям. Психологическое расстройство.

— Дело в том, что, когда я получил руки, они начали разговаривать. Мне понадобилось время, чтобы самому поверить. Я думал, что схожу с ума.

Я надеялся, что Лола все это слышит. И делает логический вывод: Карл спятил.

— Они желали разрушать. Крушить все вокруг. Я пытался рассказать. Но меня никто не слушал. Ни руководство, ни ученые — эти ребятишки. Они интересовались только руками. Я перестал снимать их на ночь, потому что иначе было больно, а однажды проснулся и увидел, что они гнут кровать, складывают вдвое. Когда я сердился, они хватали все подряд. Потом они швырнули одного типа в стену. Я думал, что убил его. Тогда я понял, что пора сматываться. Я должен был найти вас и предупредить. — Он посмотрел на Лолу. Она подняла голову и взглянула на него. Мне это не понравилось. Ни он не понравился, ни она. — Простите, что бросил вас. Я думал, вы умерли.

— Лола, — позвал я. — Подойди. Ко мне. На минуту.

— Я надеялся, Лола поможет разобраться, что происходит. Поэтому я ее спас. Я вынес ее прямо из огня. На этот раз я был достаточно сильным. И оказался прав. Она очень помогла.

— Лола, — повторил я. — Серьезно. Подойди.

— Чарли, ты разговариваешь со своими органами? — спросила она.

Это не имело никакого значения.

— Карл. Это пулемет. Рука вот эта. Она стреляет. Поэтому отпусти. Лолу.

— Боже, Чарли, — сказала Лола. — Чарли, нет.

— Все в порядке. Просто. Опережаю. График.

— Мы должны избавиться от твоих органов.

Я произнес:

— Прошу прощения?

— Однажды ты мне сказал, что тебе не приходится думать, куда шагнуть, — мол, за тебя решают ноги. Это толково, Чарли, как все, что ты делаешь, но возникла проблема. Потому что мозг пластичен. Он адаптируется. Когда ты теряешь конечность, те части твоего мозга, которые ею заведуют, все эти нейроны, — они не сидят без дела. Они ищут, чем бы еще заняться. В этом году у нас лежала женщина с ногой, ампутированной ниже колена, и я

знаю, что это звучит странно, но у нее улучшилось зрение. В другом мужчине проснулись способности к математике. Мы стараемся как можно быстрее поставить людей на протезы, чтобы сохранить нейроны для моторной функции, пока они не занялись чем-то другим. И я считаю, Чарли, что твои механические органы слишком совершенны. Нейронам стало нечего делать. Поэтому нейроны взбесились. Разве ты можешь говорить со своими органами? Разве у них есть разум? Так что я думаю, что ты говоришь сам с собой. Твое подсознание теряет приставку «под». Но ничего страшного. Со временем мы восстановим твой мозг. С помощью физкультуры мы перенаправим твои нейроны. Мы сможем…

— Позволь. Тебя. Прервать. — Я набрал побольше воздуха, чтобы выдохнуть целое предложение. — Возможно, ты не понимаешь, но здесь я — главный.

— Чарли…

— От органов. Нельзя. Избавиться. Я и есть органы. Послушай. Я прошел точку. Невозврата. Я отрезал. Себе руку. Так что давай успокоимся. И забудем эти дурацкие мечты. Которые никогда не сбудутся.

— Ид[30] не должно выныривать на поверхность, Чарли. Оно не должно быть осознанным.

— Ид. Психология! Гуманитарная наука!

— Доктор Нейман, я понимаю… — заговорил Карл.

— Заткнись. Ты не понимаешь. У тебя есть протезы. А я — состою из протезов. Технология — это я. Ты человек с костылем. Ты вообще на меня не похож.

«Пристрели его», — подсказывала часть меня. Это была превосходная мысль.

— Мне надо было понять раньше, — сказала Лола. — Надо было остановить тебя.

— Нет, не надо было. Отойди от Карла!

— Чарли, нужно освободить тебя от этих органов, пока ты совсем не рехнулся.

— Это ты рехнулась, — ответил я. Не лучший аргумент. Я паниковал, так как Лола должна была быть на моей стороне. — Дело вот в чем, Лола. В том, кем я был. Никто меня не любил. Потом я сделал это. И люди потянулись. Вроде тебя. Вот как вышло. Стало плохо? Нет. Это… множество органов. Я все еще. К ним привыкаю. Но только давай не будем. Говорить о «возвращении». Назад идти некуда. Теперь я лучше. Да, органы разговаривают. Но это хорошо. Мне нравится общество. А идеально не работает ничто. Поначалу. Нельзя бросать проект. При любой неудаче. Надо стремиться. К постепенному

улучшению. Дело в равновесии. Разве я не стал лучше? — По выражению лица Лолы я видел, что говорю не очень убедительно. — Проехали. Факт в том, что мне нужны органы. Чтобы жить. Я ничего не могу с этим сделать. У меня связаны руки.

— Но возможно, что…

— Плевать я хотел! Даже если бы я мог. Выжить. С какой-нибудь сраной системой жизнеобеспечения. Я не хочу! Знаешь, на что. Способно это тело? У меня есть джи-пи-эс! Как нам, по-твоему, быть? Вернуться к картам, что ли? — С усилием я взял себя в руки. — Ты предлагаешь. Чтобы я жил в пещере. Как неандерталец.

— Кому это — «нам»?

— Я не говорил «нам». — Но может быть, и сказал. — Органам и…

Я не закончил. «Стреляй», — подсказывали органы и твердили это уже давно, а мне становилось все труднее их игнорировать. Я перевел взгляд на Карла. Вот он, корень всего зла. И был им с первого дня. Пристрелить его, и все разрешится. Или нет. Возможно, смысл был в другом. Но органу, хотевшему стрелять, не было до этого дела. Он просто жаждал его размазать. Лола поймет. Не сразу. Со временем. Это был единственный путь: зачем Лоле сдался железный ящик с головой? Ее слова не имели значения. Никаких жизнеспособных длительных отношений не было. Всем будет лучше, если я застрелю Карла немедленно.

Лола пошла ко мне. Мое сердце екнуло: она предоставила отличную возможность открыть по Карлу огонь. Она остановилась в нескольких шагах от меня:

— Чарли… ты никогда не хотел быть пулеметом. Ведь правда?

— В нем нет ничего плохого. В пулемете.

Мои ноги приподнялись на копытах, изготовились. Событиям предстояло развиться вне зависимости от моего желания. Это было не в моей власти.

— Мы справимся. Мы как-нибудь…

— Посмотри на Карла! — заорал я. — У него-то руки есть! Если органы так опасны. То почему! Он носит! Свои руки?!

Карл взглянул на Лолу, затем вновь на меня:

— Ну, потому… — Тон у него был извиняющийся. Но лишь чуть-чуть. — Потому что если ты не избавишься от своих органов, мне придется забрать их у тебя самому.

Я упустил из виду одно. Карл атаковал «Лучшее будущее» и выжил. Против него выставили вооруженных охранников и

серьезную технику, а он победил благодаря разумному планированию и тактике. Из этого я понял — или должен был понять, — что Карл не идиот.

Он на секунду отвернулся и тут же выбросил руку в моем направлении. Ко мне устремилось нечто черное и кубическое. Даже до того, как я понял, что это такое, мне стало ясно, что я серьезно ошибся в оценке ситуации. Быть сильнее Карла, быстрее и лучше вооруженным — все это не значило ничего, пока он мог застать меня врасплох, швыряя разные предметы. В модели моего поведения я не учел того факта, что в жизни ни с кем не дрался. В начальной школе я чуть не ударил девочку. Она опередила меня и сбила с ног. На этом мой опыт рукопашного боя заканчивался. Карла же учили подавлять противника. Это было его работой.

Куб оказался автомобильным аккумулятором. Я увернулся. Аккумулятор звякнул, отскочив от моего плеча. «Стоп, мне даже не было больно», — подумал я, после чего второй аккумулятор угодил мне в голову, и я вскрикнул, потому что там еще оставалась плоть. Я покачнулся. Из плеча исходили красные волны — не боль, но логическое негодование. Мой кольцевидный живот провернулся. Я активировал руку-пулемет. Но Карл уже оседлал меня, размахивая слоновьими ручищами. Его кулак превратился во всесокрушающий монолит и врезался мне в живот. Лола закричала. Я попятился и сел на капот автомобиля. Треснуло ветровое стекло. Но меня удивила слабость удара. Я готовился вобрать колоссальный объем кинетической энергии и безбожно переборщил. Сидя на капоте красной спортивной машины, я понял, что по сравнению с моими Карловы руки были не очень сильными. Ни в коей мере. Он состоял в основном из органики. Несмотря на экзоскелет, он не мог иметь вооружения моего уровня. Для этого пришлось бы стать целиком металлическим. Я не хотел подпустить его кулаки к лицу. Но он не был серьезной проблемой.

Контуры прогнулись в трех местах, вознося меня вверх. Я взмахнул рукой-клешней, целясь ему в голову. Карл не только отвел удар, но еще и успел удостоить меня отеческим взглядом. Он ударил меня другим кулаком под мышку, и красные волны захлестнули мой бок.

— Ты хочешь ее, — сказал я. — Разве нет.

Его монолитные кисти начали раскрываться, делясь на толстые пальцы. Одна сомкнулась на предплечье руки-пулемета. Вторая — на тоньшем бицепсе. Карл напрягся. Меня окатило красным. Я взвыл: «Останови, останови, он ломает меня».

— Она меня понимает, — произнес Карл.

Моя трехпалая клешня выстрелила и сомкнулась на руке Карла. Его глаза расширились. Я потянул. Металлические пальцы Карла скрипнули по титану, ослабляя хватку. Я почти не чувствовал руку-пулемет. Но она была на месте. Она работала. Я попытался отпрянуть, толкнув Карла клешней. Все, что я хотел, — навести на него руку-пулемет и закачать в его тело намного больше металла, чем там уже было.

Мои пятки уперлись в машину, на которой я недавно сидел. Я надавил, и металл заскрежетал по бетону, сминаясь о бортик позади меня. Я поднял руку-пулемет, и Карл отбил ее в сторону. Автомобиль за моей спиной трещал и лопался. Сопротивление вдруг ослабло, и я на миг потерял равновесие. Я не знал, что случилось, но между нами образовался зазор, и я вскинул орудие. Карл поднырнул под него и толкнул дуло вверх. Я продолжил отступать, пытаясь увеличить дистанцию, чтобы покончить с делом, и открыл причину, по которой автомобиль больше не упирался мне в спину: я полностью вытеснил его за бортик и теперь он, переворачиваясь, летел вниз. Я обнаружил это благодаря тому, что со мной происходило то же самое.

Ночное небо вращалось. Передо мной пронеслось что-то яркое и белое. В полете я крутился колесом и чувствовал, как неимоверная масса моего тела напитывается кинетической энергией. Сквозь дырчатую бетонную стену гаража я мельком заметил Карла. На следующем витке я был готов, и моя клешня выстрелила металлическим тросом. Тот захлестнулся вокруг экзоскелета Карла и сбил того с ног. Еще оборот. Поверх сияния маячил силуэт, в котором я наконец признал машину, вытолкнутую со стоянки. Она врезалась в источник света и разбила его на тысячу мерцающих осколков, так как светилась сетка матового стекла. Мир проносился мимо. Небо высилось. Карл падал вслед за мной. Я не увидел, но услышал, как далеко внизу автомобиль разбился о пол здания — неведомо какого. Затем он показался вновь в виде кратера из битого стекла и металла. Наглядный анонс скорых событий. Я попробовал развернуть тело так, чтобы в момент приземления его многотонная масса не пришлась на мою натуральную голову. Но оно не ответило. Я закричал от его предательства.

Мой кольцевидный живот провернулся. Ноги вытянулись. Копыта раскрылись и выдвинули пальцы. Я врезался в автомобиль, как бомба. «Тройки» съежились, смягчая удар. Выстрелили якорные шипы. Я ощутил, что левое копыто зацепилось за пол, а правое скользнуло. Оно ударилось в капот автомобиля и отшвырнуло его прочь. Я шатался. Я стоял. Капот вернулся и попытался в падении срезать мне голову. Рука-клешня

отпустила Карла, и трос метнулся ко мне. Контуры неуверенно шагнули, затем — еще, и мы почти обрели равновесие, когда рядом врезался Карл, подобно метеориту. Нас отбросило ударной волной, и вдруг нарисовался человек с совершенно белым лицом и раскрытым от ужаса ртом; я приложил все усилия, чтобы не наступить на него. Живот крутанулся. Я попятился и вошел в высокую витрину. Посыпались стекла. Но я удержался на ногах. Я был жив. Мне хотелось расплакаться, я любил мое тело.

Клешня чмокнула: она втянулась в руку до конца. Я стоял в магазине. Это был огромный белый храм из воздуха и стекла. Пара десятков людей съежились за прилавками и витринами. Стены были увешаны белыми постерами, похожими на знамена и напоминавшими политические плакаты, а витрины казались склепами с заключенными в них миниатюрными телефонами, компьютерами и планшетами.

Осколки стекла осыпались с меня потоками. Никто не бежал. Никто не кричал. Мне это показалось странным, но я как-никак находился в магазине электроники. «Карл», — сказали органы — и вовремя. Я вгляделся в обломки. Может быть, его отбросило в сторону. Броня у него была приличная, а вот с амортизацией проблемы. Я отвел взор, но тут же глянул обратно, так как уловил движение: у Карла была шина — он уже замахивался, чтобы запустить ею в меня.

Я поднял руку-пулемет. На этот раз летящие предметы меня не отвлекут. Я сжал кулак и, когда ощутил вращение внутреннего барабана, подумал: «Шина упругая, от удара она спружинит». Она попала в руку-пулемет и отскочила мне в лицо. Голову отбросило назад. Я заглянул в сердце Вселенной. Тело запело, а мозг копошился во тьме, силясь припомнить, где искать рычаги управления. Гипсокартонный порошок висел в воздухе, как звездная пыль. Я сверил голову с линией горизонта. Люди в хипхоперских футболках и брюках карго устроили давку в двустворчатых дверях, подчиняясь стадному алгоритму наподобие рыбного косяка. Ко мне летел какой-то мужик с руками-молотами и в серо-желтом экзоскелете. Он показался мне знакомым. Я его откуда-то знал. «Да это же Карл», — пронеслось в голове, а он ударил меня по ногам. Я пошатнулся, но не упал. «Тройки» оказались сильнее. Карл выполнил захват, сдавил мне горло, другую же руку сомкнул на трехпалой клешне и начал отводить ее назад. «Ишь ты», — произнес я. От локтя растекались красные болевые волны. Я не видел Карла, но всяко выстрелил клешней в надежде, что она сама найдет способ отвернуть ему голову. Вместо этого, мы с ней вырвали кусок пола и зашвырнули через весь магазин. Я замышлял другое, но это могло нагнать

страху.

— Я забрал ее, — сказал Карл. Я чувствовал щекой его горячее дыхание. — Вернулся и забрал ее.

Моя рука взвизгнула. Заскрежетал металл. Я ощутил разделение. Часть меня упорхнула. Предплечье упало на пол, потянув за собой разорванные провода. Больно не было, но утрата стала худшим, что я когда-либо испытал.

Я повернулся вкруг оси. Я взмахнул рукой-пулеметом. Но Карла было не достать. Он намертво зажал мою шею. Его толстые неуклюжие пальцы защелкнулись на моем орудийном бицепсе. Я скорбел по руке. Я не хотел быть разорванным на куски. Я приказал моим органам: «Не знаю как, но, пожалуйста, убейте его хоть как-то».

Контуры рванулись вперед. Они крушили витрину за витриной. Мы набирали скорость, направляясь к стене. Перед столкновением живот провернулся.

Мы врезались в стену спиной. Гипсокартон разлетелся. Все окутала пыль. «Где он?» — подумал я, и органы ответили: «Не знаем»; мы сделали четыре шага назад и подняли руку-пулемет. Мы не видели Карла в зримом спектре, зато в электромагнитном он сиял, как звездное поле. Мы сжали кулак и дозволили орудию излить наш гнев.

Мы ждали. Вокруг все полнилось жарой и пылью. Пол был усеян осколками пластика, стекла и электроники. Пыль оседала. Неясный силуэт перед нами сгустился в тело. Рука-пулемет загудела, как будто предлагала вмешаться. Но мы медлили, желая удостовериться. Вой сирен приближался. Тело не шевелилось. Тепло убывало в инфракрасном диапазоне, подвижность — в микроволновом. Воздух становился прозрачнее. «Похоже, мы его сделали».

Позади нас возникло движение. Мы обернулись и увидели Лолу, которая с трудом пробиралась через торговый зал. Ее глаза нашли Карла. Он проявился в видимом спектре. Металлический каркас был погнут и разломан. Как и Карл под ним. Металл частично вошел в плоть. Я не хочу злорадствовать, но именно поэтому у гибридов нет будущего.

— О боже! Ты убил его. — Она прикрыла руками рот. Глаза наполнились слезами.

— Он пытался забрать наши органы. Он сломал нашу руку. — Мы показали ей. — Полюбуйся.

— Это неправильно. Господи, до чего же неправильно.

Снаружи взвизгнули шины. Захлопали дверцы.

— Нам нужно уходить.

Лола покачала головой, глядя на Карла. «Она хотела, чтобы он забрал наши органы», — подумали мы. Позорище — она была так мила. Она была добра к нам. Но теперь ею завладела дурная мысль, несовместимая с нашим существованием.

В нашей руке-пулемете что-то клацнуло. На какой-то ужасный миг мы решили, что она умерла. Затем мы вспомнили этот звук: так «Лучшее будущее» переводило оружие в онлайн. Мы заглянули себе в голову: там стоял и смотрел Джейсон.

До нас донесся короткий гудок. Двери главного входа распахнулись, явив следующие — неприглядного промышленного вида. Те с грохотом открылись, и мы узнали в них дверцы грузовика. Скат громыхнул по полу. Со ската сошла Кассандра Котри в сопровождении охранников в серой униформе, которые перебегали с флангов и освещали фонарями столбы блестящей пыли. За ними шли кошки.

— О небо! — произнесла Кассандра Котри. — Вжгляните.

Она смотрела на Карла без всяких эмоций. Если красота действительно в постоянстве,[31] Кассандра Котри в этот момент была прекрасна, как никогда.

— Он хотел наши органы.

— Вы правильно поштупили, Чарли. Не шомневайтешь.

По скату, вращая оранжевой мигалкой, пятился вилочный погрузчик. Он развернулся и затарахтел по направлению к Карлу, выставив раздвоенный железный язык. За рулем сидел паренек с загорелой кожей и лопающимися мышцами.

— Теперь мы шможем подчиштить.

— Чарли нужна помощь, — подала голос Лола. — Протезы разрушают его.

— Помолчите, — предложила Кассандра Котри. — Вы вполне шебе головная боль, так что не надо еще и накручиваться. Чарли, нам пора. Идите в гружовик.

— Нет, — сказали мы.

— Нет, — повторила она. Она казалась разочарованной, но не удивленной. — Почему вы не пойдете в гружовик, Чарли?

— Вы хотели, чтобы я. Пассивно. Испытывал органы. Не контролируя процесс.

Она облизнула губы.

— Джейшон? — (Тот выступил и встал за ней с планшетом в руках.) — Вы говорили доктору Нейману, что мы будем ишпользовать его в качештве пашшивной биологичешкой нашадки для экшпрешш-тештирования органов?

— У меня… как-то вырвалось.

— Вырвалошь, — отозвалась она. — Оно вырвалошь.

— Да. Извините. — Он зыркнул в мою сторону.

Она вздохнула:

— Чарли, не буду вам лгать. Да, мы шобиралишь жанятьша пашшивным тештированием. Но вштаньте на мешто компании. Вы актив. Нам не нужны активы, шпошобные чувштвовать. Нам не нужны активы, готовые влюблятьша и выкидывать людей из окон. Единштвенным шпошобом разрешить эту проблему являетша полный контроль надо вшем, что вы делаете. Я понимаю, что ваш это не вполне уштраивает. Но таково положение вещей. Теперь, когда вше улеглошь, когда мы наладили ушпешную шиштему проижводштва, решение можно перешмотреть. Мы можем попробовать дать вам какое-то время перемещатьша шамоштоятельно, в контролируемой шреде. Понимаете? У ваш ешть будущее. Хорошее будущее. Ешли вы пойдете в грузовик.

— Чарли, — вмешалась Лола, — послушай меня. Ты самый замечательный из всех, кого я знала. Но не из-за твоего тела. Ты больше его. Пожалуйста, вспомни, что ты никогда не хотел убивать людей. Никогда не хотел, чтобы тело тобой управляло.

Мы отвернулись. Никто нас не убедил. Кассандра Котри хотела посадить нас в клетку, а Лола хотела разобрать нас на части, а мы хотели сбежать в укромное место для небольшого ремонта. Но тут мы снова взглянули на Лолу и вспомнили, что и ее считали нашей частью. Не физической. Но важной в том смысле, что с ней мы становились другой личностью. «Нужна ли нам Лола?» — подумали мы. Мы испытали противоречивые желания, и ни одно не высказывалось от лица Чарли с основанием большим, нежели другое. Мы подумали дальше: «Может быть, нет никакого настоящего „я“?» Возможно, оно постоянно меняется. Ребенком я много чего боялся без всякого повода, а взрослым перестал — так кто же из них я? Они были раздельны, но достоверны. Я был бодрее после кофе; вздорным — когда уставал, а сочетание стресса, нехватки конечностей и лекарств наделяло меня способностью убивать людей. И все это, наверное, мало что говорило обо мне. Было бессмысленно рассуждать, кто я такой, так как я представлял собой сиюминутную комбинацию химических веществ. И я решил не доискиваться до своего истинного «я». Я предпочел быть тем, кем хочу. Мне нравилась та часть меня, которая любила Лолу. Я решил быть ею.

— О'кей, — сказал я.

Кассандра Котри замялась:

— Вы говорите «о'кей» в шмышле, что — да, о'кей, вы полежете в грузовик?

Я покачал головой. Лола придвинулась ко мне, и на лице ее написалось облегчение.

Кассандра Котри обернулась:

— Вше видели? Откаж подчинитьша. Он выходит иж-под контроля. — Она подала знак Джейсону. — Давайте.

Тот начал тыкать пальцем в планшет. Погрузчик затрюхал ко мне.

Лола задохнулась. Я мог схватить ее. Побежать. Я успел бы сделать шагов пять до того, как мое тело окаменеет. Потом наступит смерть мозга. Не лучший вариант. Я мог лягнуть и впечатать Кассандру Котри в стену. Уже заманчивее. Но результат не менялся: смерть. Джейсон стоял чуть дальше. Возможно, я сумел бы покрыть дистанцию и выбить у него из рук планшет. Временное решение, поскольку явно имелись другие способы меня выключить. Но так как все прочее сулило гибель, я выбрал это.

Палец Джейсона скользнул по клавиатуре. Наши взгляды встретились. Я узнал этот взгляд: так он смотрел на меня, когда я ждал его в лаборатории, сунув ногу в Тиски. Тогда он метнулся к Большой Красной Кнопке, но опоздал. Похоже, Джейсон усвоил урок.

— Живо! — велела Кассандра Котри. — Времени нет.

Можно было топнуть. Ударная волна прокатится по полу и собьет Джейсона с ног. Поднимется крик. Джейсон на карачках поползет к своему компьютеру, но я окажусь быстрее и раздавлю планшет копытом. Охранники отступят, зная, на что я способен. Пока они сплотятся, я успею подхватить Лолу на руки. Можно выпрыгнуть через проломленный потолок и приземлиться на крышу. Примчится полиция и «скорая помощь», но я мог бежать, пока не оставлю их далеко позади и мы с Лолой не окажемся вне досягаемости «Лучшего будущего». Еще до рассвета, уже в другом городе, мы могли бы взломать фабрику и с помощью тамошнего оборудования найти во мне передатчик. Я научил бы Лолу пользоваться магнитной дрелью, она села бы мне на грудь и сделала так, чтобы нас больше никогда не нашли.

Это был хороший план.

Я поднял копыто. На том все и кончилось. Копыто зависло. Ощущение осталось прежним. Копыто не омертвело. Но оно меня не слушалось. Я превратился в статую. Я попробовал повернуть голову, чтобы взглянуть на Лолу, но смог лишь скосить глаза. Лола завизжала. Я задохнулся, так как теперь мне предстояло умереть. Но я и не умер. Я просто стоял.

— Пождравляю, — изрекла Кассандра Котри. — Вы вшегда хотели быть машиной.

Джейсон припал к клавишам. Копыто опустилось. Ноги устремились вперед. Я был не статуей. Марионеткой.

— Пушть он ее ударит, — сказала Кассандра Котри. — Врежет ей… или штукнет по голове кулаком, вше равно.

— Что? — переспросил Джейсон.

— Пушть он ее ударит. Она не нужна нам живой.

— Я не думаю… — начал Джейсон, и Кассандра Котри повернулась и посмотрела на него в упор. — Ладно.

Он склонил голову над планшетом. Типичное поведение. Технический персонал любит болтать о бунте против руководства, но когда доходит до дела, становится тише воды ниже травы. Мы не привыкли скандалить.

— Лола, — сказал я.

Мое копыто ударило в пол. Повисла пауза. Мой живот провернулся так, что я оказался к ней лицом. Я сделал шаг.

— Боже, Джейшон. — Кассандре Котри не терпелось. — Вы еще медленнее можете?

Он смахнул волосы со вспотевшего лба.

— Беги, — сказал я.

Но разве был в этом смысл? Лола явно не хотела бежать. Она неподвижно стояла, пока я не замер перед ней и не поднял руку-пулемет. Тогда она подалась вперед и обняла мой металлический торс.

— Беги. Пожалуйста.

— Я люблю тебя, Чарли.

Я ощутил волнение невидимой силы. И я сложил два и два. Когда сердце Лолы начало вырабатывать ЭМИ в первый раз, мы готовились к близости. Во второй раз я прыгнул на балкон, чтобы спасти ее. У Анжелики мы целовались. Во время езды вслепую мы задели машину и Лола сказала: «Я решила, ты ранен». И вот теперь…

Я был скептически настроен ко всему, что нельзя измерить, записать и подвергнуть независимой проверке двойным слепым методом. Но здесь я имел дело с неоспоримыми данными. Сердце Лолы билось быстрее рядом со мной.

— Лола, — молвил я, — поцелуй меня.

Лола подпрыгнула и обняла меня за шею.

— Я сделал тебе сердце, — прошептал я. — Оно в «Лучшем будущем».

— О! — Она стиснула меня. — Как здорово.

— Оно тебе понадобится. После всего.

— Чарли, — повторяла она. — Чарли.

— Если ты уничтожишь грузовик. И меня. Мое тело.

— Нет, Чарли.

— Они не смогут. Уйти. Тогда, может быть, приедут копы. Врачи. Спасут нас.

— Может быть?

— Лучше. Чем ничего. — Я почувствовал, что рука чуть сместилась. Она делала поправку на новое местоположение Лолы. — Пожалуйста, — попросил я. — Сейчас.

Мы поцеловались. Из глубины груди Лолы полился высокий звук, как будто она запела. Электрический вихрь, пронесшийся сквозь меня, мог быть ее дыханием. Наступившая тьма — ее объятием.

0

— Опля, — произнес кто-то. — Обалдеть можно.

— Это… что это? Вторая стадия?

— Нет, это… — Несколько человек дружно вздохнули. Затем послышались аплодисменты, гиканье и смех.

— Онлайн. — Слово прозвучало веско, на манер: «Наша взяла».

Я попытался моргнуть. Не получилось. Но я мог видеть. Вот ваза, в ней три желтых цветка. Нарциссы? Я не знал названий цветов. Но ваза стояла на ровной белой поверхности, а за ней высилась бежевая стена. Мне показалось, что белая поверхность принадлежала какому-то прикроватному столику. Я попытался повернуть голову, чтобы осмотреть всю комнату, и снова не вышло.

За вазой возникло лицо. Женщина с миндалевидными глазами, скрытыми за очками в коричневой оправе.

— Чарльз Нейман?

Я сглотнул или попытался сглотнуть.

— Что?.. — выговорил я.

Женщина глянула на что-то позади меня. Она держалась чуть ближе, чем было бы удобно. Я радовался, что очнулся и пребывал, оставалось надеяться, в безопасности, но не стал бы возражать, если бы эта женщина покинула мое личное пространство. Она снова взглянула на меня сияющими глазами. На миг мне почудилось, что она собирается меня поцеловать.

— Реакция. Чистая реакция.

Где я? Меня охватила паника. Ни одна часть тела меня не слушалась.

— Вы находитесь в проектно-конструкторском бюро. Вы попали сюда в ходе диверсификации активов после слушаний о крахе «Лучшего будущего». Мы сотрудники совместного консорциума, представляющего частные и государственные интересы. Вы… — Она посмотрела вбок. — Должна ли я…

— Продолжайте, — сказал кто-то.

Она перевела взгляд на меня:

— Парамедики ничем не смогли помочь. Когда они прибыли, вы уже потеряли сознание. Поначалу… в общем, они, конечно, считали, что вы — внутри. В корпусе. У них были клещи и прочие инструменты, чтобы спасать людей из покореженных машин, и они начали вас вырезать. Пока не поняли, что никакого тела внутри нет. У вашей спутницы возникли свои проблемы. Ее сердце остановилось, но не реагировало на массаж. Тогда они не

знали, что у нее внутри. Вы были однозначно обречены. Затем вмешались сотрудники… искусственно улучшенные сотрудники. Во время слушаний им прилично досталось. Сейчас я думаю, людям должно быть стыдно за то, как их демонизировали. Это был шок перед будущим. Теперь же, конечно… — Она пожала плечами. У нее были красивые глаза. Этот миндальный цвет, он был очень глубок. — Так или иначе, они вас спасли. Они знали, какие части можно отключить, не убивая вас. Не убивая ваш мозг. Они поддерживали в вас жизнь по пути в больницу. Можете представить, как вы выглядели. Доктора заявили, что спасать нечего. По их меркам вы даже не представляли собой личность. Вы были органами. Но Лучшие Люди убедили их стабилизировать вас. Подавать вам кислород, воду. Затем вмешались власти. Лучших Людей отстранили. Они были… короче, как я сказала, сейчас такое неприлично повторять. Мы отстаивали иные ценности. Лучших Людей сочли неправильными. Аморальными. — Она скривилась. — Их привели в норму. Все их надстройки ликвидировали. Это было ужасно. Но со временем мы — наше общество — все наверстали. Догнали технологию. Поняли, как она стала частью людей.

Она снова глянула в сторону.

— Несколько раз нам приказывали списать вас. На больницу давили как снаружи, так и изнутри. У входа стояли манифестанты. Однажды они ворвались и… — Она махнула рукой. — Вам нельзя было там оставаться. Был достигнут компромисс. Вас перевезли сюда. На этом этапе вы фактически превратились в исследовательский проект. Сохранить вам жизнь не было его целью. Задача была… — Она помедлила. — Наверное, проще будет вам показать.

Одной рукой, совершенно не напрягаясь, она развернула мою голову. Комната сдвинулась. Я увидел серый ящик. Он выглядел как элемент медицинского оборудования. Его усеивали кнопки, светодиодные индикаторы; к нему тянулось около сотни черных проводков. Один змеился ко мне, другой — к монитору. «Что это?» — подумал я. На экране возникла надпись:

ЧТО ЭТО.

В экране отражались нарциссы. Возле них на белой поверхности стоял маленький черный цилиндр с подставкой из белого пластика. В его передней части располагался объектив, а сзади отходил провод. Я понял, что смотрю на свое отражение.

— Стоп, — сказал кто-то. — У него всплеск.

— Нагрузка растет.

— Слишком много неконтролируемых процессов. Ядро

блокируется.

— Выключите его. Выключите его!

Снова тьма.

Странный свет. Рассеянный. Я не мог сфокусироваться. Я потерял ориентировку. Я забыл, где нахожусь.

— Держит… хорошо. Так и оставьте.

— Слабые наводки на шину вывода данных. Ничего страшного.

— Хорошо… дайте ему взглянуть. Только медленно.

Свет поехал вверх. Вернее, поднялось то, что меня укрывало. Я увидел мужчину в полосатой рубашке и галстуке-бабочке. Штука, которой я был накрыт, оказалась лабораторным халатом. В подъеме он зацепился за меня рукавом и развернул вполоборота, так что в поле зрения возник серый стальной ящик. Монитор. По экрану побежали буквы:

НЕТ ЯЩИК ЯЩИК Я В ЯЩИКЕ НН Н Л Н ОЛАПОЛАЛОЛАЛОЛАЛОЛА…

— Зараза! — Лабораторный халат накрыл меня вновь. — Остановите его!

— Вы видели, что он выдал?

Я почувствовал, что сжимаюсь, прекращаю существовать по частям.

— Может быть, она права. Может…

Меня не стало, я не услышал продолжения.

— Чарли?

Я открыл глаза. Нет. Не открыл. У меня не было глаз. Но я увидел Лолу. Она подпирала рукой подбородок, утвердив на столе локоть. Прическа выглядела так, словно она забрала волосы в аккуратный хвостик, а потом вышла на ветер.

— Эй! — Она улыбнулась. — Вот ты где.

«Лола, — произнес я, — ты меня слышишь? Я не могу говорить».

— Ты говоришь, Чарли. Вот здесь… — Она поворачивала мою камеру, пока я не узрел монитор: «ЛОЛА ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ Я НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ». — Видишь? Ты говоришь.

Я ЧТО ВНУТРИ МОЙ МОЗГ ВНУТРИ

— Нет. То есть… да. Но это не твой *мозг*. Ты теперь на транзисторах.

КАК ЭТО Я НА ТРАНЗИСТОРАХ

— Не могу поверить. — Она вытерла глаза. — Столько времени прошло.

СКОЛЬКО ЛОЛА

— Шесть лет, Чарли.

ШЕСТЬ ЛЕТ КАК ЭТО ШЕСТЬ ЛЕТ

— Как будто шесть минут. — Она рассмеялась. — Боже, Чарли, это действительно ты.

Я РОБОТ, написал экран. ЯЩИК Я МЕРТВЫЙ ЯЩИК

— Нет, Чарли. Ты не ящик. Твое тело — ящик. Только и всего.

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЯЩИКОМ ЛОЛА

Она погладила мою камеру. Я не мог это ощутить. Но мне стало легче.

— Они сказали, что тебя нет. Но я не дала бы тебя отключить. За последние шесть лет мне пришлось наорать на массу людей, потому что они опустили руки и хотели сдаться. — Она выпрямилась и расстегнула блузку. Ее грудь пересекал выцветший светлый шрам. — Смотри. У меня твое сердце.

ЛОЛА Я ТОСКУЮ ПО ТЕБЕ

Она закрыла рукой рот и отвернулась. Ее глаза блестели, когда она снова посмотрела на меня.

— Ну, больше тебе не придется тосковать, Чарли. Давай я расскажу тебе про этот ящик. Он особенный. У него есть порты.

ПОРТЫ

— Да. Ты сможешь подключать разные штуковины.

ШТУКОВИНЫ КАКИЕ ШТУКОВИНЫ

— Хороший вопрос. Ответ зависит от тебя. Потому что это просто интерфейс, Чарли. Его можно конфигурировать, как нам захочется. Но… пока я ждала… я немножко забежала вперед и… нет, ничего особенного. Ты можешь лучше. Но я хотела дать тебе что-нибудь. Как ты дал мне сердце. Я хотела дать тебе что-нибудь построенное моими руками. И вот я сделала тебе руку.

РУКУ ЛОЛА

— Я ею горжусь, как дура какая-то. То есть она совсем примитивная. Но это начало.

НАЧАЛО

— Ага. — Она положила голову себе на руку, продолжая другой поглаживать мою камеру. — Именно так.

Странно было смотреть на нее в объектив. Но не настолько, как может показаться. Наверное, люди ко всему привыкают. Теперь, когда я об этом задумался, мне кажется весьма удивительным, что человеческим существам удобно расхаживать в телах, преимущественно состоящих из жидкостей. Это даже как-то эксцентрично.

ПОКАЖИ МНЕ РУКУ, попросил я.

Благодарности

Однажды посетитель моего сайта отчитал меня за проволочки между книгами:

> Чем вы там занимаетесь? Я, блин, читаю «Сумерки». Меня достало.
>
> Как меня достало! Книги! ПИШИТЕ КНИГИ! Рассказы… что угодно.

Мне казалось, я работаю в поте лица. Я много чего написал. Неоконченные романы. Сценарии, по которым не сняли фильмов. Рукописи, которые должны год отлежаться в ящике стола, пока я найду в себе силы взглянуть на них вновь.

Я решил доказать, что не просиживаю задницу. Что *не только* просиживаю задницу. У меня было несколько страниц текста, который никак не хотел превращаться в роман, и я задался вопросом, как он будет выглядеть в виде нарезки. 18 марта 2009 года я запостил на своем сайте первый фрагмент из двухсот слов. Это была первая страница «Человека-машины». На следующий день я запостил еще сотню, потом сто пятьдесят. Дальше были выходные. Я сделал перерыв. В понедельник продолжил. Сперва у меня имелся резерв в десяток страниц, но очень скоро припасы иссякли, и большинство страниц я писал за сутки до того, как их выложить. Каждый день я просматривал комментарии читателей и обдумывал отзывы. К декабрю я закончил, набрав в общей сложности 54 000 слов.

Этот роман намного длиннее сериала и в некоторых деталях отличается от него. Отчасти это связано с тем, что сериал был черновым наброском, ужасным по умолчанию, но дело также в большом различии форматов. Каждый эпизод сериала должен был по законам жанра оканчиваться на самом интересном месте; роман же, я надеюсь, получился глубже и менее затейливым. Но книга никогда бы не появилась без сериала, а потому я в долгу перед всеми, кто девять месяцев его читал по гребаной страничке в день. Спасибо всем, кто не бросил его, хотя я вывешивал черновой вариант, что является — или должно являться — своего рода преступлением для писателя. Спасибо вам за комментарии, превратившие сайт в метатекст («Аннотированный человек-машина»), полный идей, прогнозов и толкований. Плюс особые, навороченные благодарности самым активным, среди которых отмечу следующих: Pev (мне до сих пор любопытно), gStein, CrystalR, Toby O, Electrichead, David, Ben, fredzfrog, Stygian

Emperor, Mapuche, coolpillows, Chemical Rascal (каламбуры и хайку на заказ), Alex, Ian Manka, Felix, C Leffelman, SilverKnight, Yannick, dabbeljuh, Abgrund, Alan Westbrook, Sex-Cpotatoes, regtiangha, Neville, Adam Speicher (он же meta-Adam), tim, Katie Ellert («Где же Лола? Ну где же Лола?»), Ajna, Isaac, Joe M., Justin, towr, Morlok8k, Ballotonia, Sander, Ted и Robert Bissonnette. Не раз и не два я в страхе возвращался к вчерашней записи, будучи уверен, что она никому не понравилась, но обнаруживал аплодисменты, шутки и подсказки, освещавшие мне путь. До того как начать, я подумывал разместить вверху страницы для комментариев что-нибудь вроде: «Критика произведения, пока я его еще пишу, может вызвать у меня творческий кризис». Я этого не сделал, повода не возникло. Читатели были ко мне намного добрее, чем я заслуживал.

Я использовал множество читательских идей. Я не был уверен, что следует признавать это во всеуслышание, но вот вам моя юридическая справка: вам не поставить знак копирайта на мысль, так что спасибо, лошары. Стоп. Вы же его не набили? Хорошо. Потому что иные, знаете ли, душу вынут за такую работу.

Спасибо всем, кто подкидывал мне идеи. Даже те из них, что не были использованы, помогли мне определить границы вымышленного мира. Особенно ценным стало вмешательство Мередит Коз, которая рассказала мне о пластичности мозга и свободных нейронах. Фиброщит Карла возник благодаря Крейгену Ситакеру. Даже обложка первого издания выбиралась онлайн, в связи с чем отдельного упоминания заслуживает Reddit — спасибо всем, кто поделился своими соображениями.

Спасибо Марку Тейлору за дозволение скопировать главное из его замечательной записи в блоге: «Короткий, но полезный урок элементарной стратегии блокировки ресурса». Тейлор настолько хорошо объясняет, почему программистов нельзя подпускать к обычным людям, что я не придумал ничего лучше тупого заимствования.

Майкл Иэн Минтер — автор процитированного выше комментария. Я не хочу побуждать читателей подстегивать авторов. Особенно если автор я сам. Но Минтер меня убедил, и я бы свалил на него всю вину, пойди все наперекосяк, а потому сейчас, наверное, должен воздать ему по заслугам.

Спасибо тебе, Джен, за то, что терпела, когда меня поджимали сроки («Мне не нравится эта страница. Я должен переписать страни-и-и-ицу!»), и за то, что ты изначально одобрила замысел. То же относится к моему агенту Люку Дженклоу: он сделал все, чтобы прикольный эксперимент в

режиме реального времени не разорил меня, а также нашел мне воодушевленных поклонников в лице Захарии Уогмена и Тима О'Коннелла из «Vintage Books», Авивы Таффилд и Генри Розенблюма из «Scribe Publications» и Брайана Сайберелла и Кейти Шульман из «Mandalay Pictures».

notes

Примечания

1

Имеется в виду не одноногий пират из «Острова сокровищ» Стивенсона, а верный жеребец Одинокого Рейнджера из популярного вестерна, выходившего с 1933 г. на радио, а в 1949–1957 гг. по телевидению. — *Здесь и далее прим. перев.*

2

МТИ — Массачусетский технологический институт в Бостоне.

З

Трансфеморальная ампутация — ампутация ноги выше колена *(мед.)*.

4

Транстибиальная ампутация — ампутация ноги ниже колена *(мед.)*.

5

«Додж-вайпер» — двухместный спортивный автомобиль, производился в различных модификациях с 1992 по 2010 год.

6

Гипотеза выдвинута Стивеном Хокингом в 1992 г.

7

«Бриджи» — нью-йоркский баскетбольный клуб.

8

От *англ.* repetition — повтор.

9

Барри Маршалл — австралийский врач, нобелевский лауреат. Доказал, что гастрит вызывается бактерией Helicobacter pylori, заразив себя ею.

10

Кеннет Уорик — специалист по компьютерному интеллекту, интерфейсу. С помощью имплантата, вшитого в руку, сумел установить двустороннюю связь с искусственной конечностью.

Сплайсинг — вырезание участков РНК.

12

Мария Кюри умерла от последствий радиационного облучения в 1934 г. Пьер Кюри погиб под колесами экипажа в 1906 г.

13

Кенни Роджерс — американский певец и киноактер, известен исполнением кантри-музыки.

Z — от «zoom»: увеличение.

15

Колба Шленка — химическая колба с двумя горлышками для работы с газами.

16

Вазопрессин — гормон задней доли гипофиза.

Серотонин — естественный нейромедиатор, «гормон счастья».

18

Лайнбекер — полузащитник в американском футболе.

19

Аномалия развития сердца, характеризующаяся недоразвитием левых камер.

20

Зрение 20–20 считается идеальным в США, соответствует нашему стопроцентному.

21

Тетродотоксин — небелковый яд нервно-паралитического действия.

22

Бостон VL-38e — вирусоподобный ген.

23

Сошка — пехотинец, рядовой *(амер. воен. жаргон).*

Моя вина *(лат.)*.

25

Название машины («Hummer») созвучно слову «hammer» — молоток.

26

Бенуа Мандельброт (1924–2010) — французский математик, более всего известен как отец фрактальной геометрии.

27

Алан Тьюринг доказал в 1936 г., что общего алгоритма решения проблемы остановки для любых возможных входных данных не существует.

28

В ряду Фибоначчи каждое последующее число равно сумме двух предыдущих.

29

Квантовая запутанность — квантово-механическое явление, при котором квантовые состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми.

30

Термин Фрейда для обозначения подсознания: Id — Оно.

31

Расхожая поэтическая тема — у Китса, или см., напр.: К. Бальмонт, «Есть красота в постоянстве страдания…»